

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ ЕС: СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Под редакцией
канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Modern European Identity Formation
in the Framework of the EU Integration:
Social and Cultural Dimensions
№ 575471-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ ЕС:
СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Сборник научных статей

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

При софинансировании Европейской комиссии

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2018

ББК 66.4(0)
Ф79

Ф79 Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сборник научных статей / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 167 с.

ISBN 978-5-7310-4286-4

Сборник подготовлен на основании исследований, посвященных вопросам европейской идентичности, интеграционных процессов в ЕС, гражданского общества ЕС. В сборник включены наиболее интересные научные статьи по результатам проведения шести мероприятий при реализации проекта Эразмус+ Жан Монне «Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения» (01.09.2016–31.08.2018).

Материалы сборника будут интересны сотрудникам и преподавателям вузов, студентам, представителям бизнеса и гражданского общества, государственным служащим и широкому кругу читателей, интересующихся данной темой.

ББК 66.4(0)

Данный проект реализуется при финансовой поддержке Европейской комиссии. Данная публикация отражает исключительно точку зрения авторов, и Европейская комиссия не несёт ответственности за её содержание и дальнейшее использование.

ISBN 978-5-7310-4286-4

© Коллектив авторов, 2018
© СПбГЭУ, 2018

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL ESTABLISHMENT
OF HIGHER EDUCATION
“SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS”

INTERNATIONAL ANALYTIC CENTRE

**MODERN EUROPEAN IDENTITY
FORMATION IN THE FRAMEWORK
OF THE EU INTEGRATION:
SOCIAL AND CULTURAL DIMENSIONS**

Collection of scientific articles

Edited by PhD in Economics E.V. Viktorova

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

Co-funded by the European Commission

PUBLISHING HOUSE
OF SAINT-PETERSBURG STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS
2018

**ББК 66.4(0)
Ф79**

Ф79 Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions : collection of scientific articles / ed. by PhD in Economics E.V. Viktorova. – St. Petersburg : Publishing house of SPbSUE, 2018. – 167 p.

ISBN 978-5-7310-4286-4

The collection of scientific articles is prepared on the base of research devoted to the issues of European identity, integration processes in the EU, EU civil society. The collection includes the most interesting scientific articles on the results of six events in the framework of the project Erasmus+ Jean Monnet “Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions” (01.09.2016–31.08.2018).

The materials of the collection will be interesting for the staff and teachers of universities, students, business and civil society representatives, public officers and wider audience interested in this topic.

ББК 66.4(0)

This project has been funded with the support from the European Commission. The publication reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

ISBN 978-5-7310-4286-4

© Group of authors, 2018
© SPbSUE, 2018

Проект Эразмус + Жан Монне

«Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения» 01.09.2016–31.08.2018

Проект направлен на исследование современной европейской идентичности и гражданского общества на фоне процессов европейской интеграции. Одной из целей проекта является улучшение понимания важности межкультурного и межрелигиозного диалога в контексте европейской интеграции, а также распространение полученных знаний среди преподавателей и административного персонала вузов, исследователей, студентов, представителей гражданского общества и органов власти.

В современной научной литературе и публичной дискуссии понятие «европейская идентичность» всё чаще трактуется как самоопределение граждан Европейского союза. Некоторые исследователи используют этот термин в более широком смысле, относя европейскую идентичность к гражданам всех стран Европейского континента.

В рамках проекта были проведены 6 мероприятий, на которых выступали представители университетов, гражданского общества и органов власти Санкт-Петербурга, приглашенные эксперты из Европы и различных городов России (Москва, Нижний Новгород, Пермь, Сыктывкар).

В период реализации проекта проведено два семинара, два круглых стола и две конференции, на которых обсуждались следующие вопросы:

- теоретические основы изучения идентичности, многогранность и ситуационность данного понятия;
- отношение жителей Европы к европейской идентичности;
- взаимосвязь региональной, национальной и европейской идентичности;
- религиозные, культурные, исторические, политические аспекты формирования идентичности в ЕС;
- формирование гражданского общества в условиях интеграционных процессов ЕС;
- влияние миграционных процессов на европейскую идентичность;
- основные тренды развития европейской идентичности и возможные пути развития.

В мероприятиях проекта приняли участие более 400 человек, в том числе:

- 10 экспертов из Европы;
- представители 18 университетов Санкт-Петербурга и 9 университетов других городов России;

- члены Европейской ассоциации международных исследований (Италия);
- более 100 студентов российских и 8 студентов итальянских университетов.

В мероприятиях участвовали представители местных органов власти и гражданского общества, культурных центров и музеев.

Вопросы идентичности, широко обсуждаемые на конференциях, свидетельствуют о поиске оптимальных форм идентичности, как на уровне отдельных государств, так и на уровне объединений государств. Для успешной интеграции в ЕС значимую роль играет культурный фактор, основной составляющей которого является идея европейского гражданства, идея активной гражданственности, академической и социальной мобильности молодежи.

В рамках проекта изданы буклет и учебно-справочное издание для студентов, в которых представлены ключевые темы, характеризующие актуальность дискурса европейской идентичности в условиях интеграционных процессов в ЕС, а также уровень гражданской активности, уровень развития гражданского общества в странах ЕС, как маркера развития идентичности граждан ЕС.

В заключение необходимо отметить:

- актуальность обсуждаемых вопросов, необходимость расширения международного и междисциплинарного сотрудничества исследователей интеграционных процессов и проблем формирования идентичности применительно как к европейскому, так и к российскому контексту;

- высокую социальную значимость исследований по европейской и российской идентичности, поскольку их результаты имеют непосредственный выход на практику выстраивания международных и национальных программ социальной, культурной, молодежной и миграционной политики.

Сайт проекта: <https://unecon.ru/miac/european-identity>

Erasmus + Jean Monnet Project

“Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions”

01.09.2016–31.08.2018

The project is aimed at the study of modern European identity and civil society in the framework of the processes of European integration. One of the objectives of the project is to improve the understanding of the importance of intercultural and interreligious dialogues in the context of European integration, as well as the dissemination of the acquired knowledge among teachers and administrative staff of universities, researchers, students, representatives of civil society and government authorities.

In the modern scientific literature and public discussion, the concept of "European identity" is understood as the self-determination of the citizens of the European Union. In the same time some researchers use this term in a broader sense, referring European identity to citizens of all countries of the European continent.

Within the framework of the project, 6 events were held. Representatives of universities, civil society and authorities of St. Petersburg, invited experts from Europe and various cities of Russia (Moscow, Nizhny Novgorod, Perm, Syktyvkar) participated in the events.

During the project implementation two seminars, two round tables and two conferences were held. The following issues were discussed:

- theoretical bases of the study of identity, complexity and situationality of the concept;
- attitude of Europeans to European identity;
- interdependence of religious, cultural, historical, political dimensions of identity formation in the EU;
- the formation of a civil society in the context of EU integration processes;
- the impact of migration processes on European identity;
- the main trends in the development of European identity and possible ways of development.

More than 400 people participated in the project activities, including:

- 10 experts from Europe;
- Representatives of 18 universities in St. Petersburg and 9 universities in other cities of Russia;
- Members of European Association of International Studies (Italy);
- More than 100 students from Russia and 8 students from Italy.

The events were attended by representatives of local authorities and civil society, cultural centers and museums.

Issues of identity, that were widely discussed at the events, indicate the search for optimal forms of identity, both at the level of individuals, and at the level of association. In the process of successful integration in the EU, a significant role is played by the cultural factor, the main component of which is the idea of European citizenship, the idea of active citizenship, academic and social mobility of young people.

Within the framework of the project, a booklet and a reference edition for students are published. They present key topics that characterize the relevance of the discourse of European identity in the context of integration processes in the EU, as well as the level of civic activity, the level of development of civil society in EU countries as a marker for the development of citizens' identity in the EU.

In conclusion, the following should be noted:

- the timeliness of the issues under discussion, the need to expand the international and interdisciplinary cooperation of integration processes' researchers of and the problems of identity formation in relation to both the European and the Russian context;
- the high social importance of the research on European and Russian identity, since their results have a direct way to the practice of building international and national programs of social, cultural, youth and migration policies.

Project website: <https://unecon.ru/miac/european-identity>

СОДЕРЖАНИЕ

Mario De Martino. Role of university cooperation in the formation of universal identity and common understanding	13
Алексеев Г.В. Европейская идентичность и информационный суверенитет.....	16
Алексеева О.В. Гибкая интеграция в Евросоюзе	21
Ачкасов В.А. Кризис европейской идентичности как проявление кризиса интеграционного проекта.....	25
Балабейкина О.А., Тюрикова М.О., Нецвет В.Ю. Конфессиональная принадлежность населения Северной Европы как пример средства самоидентификации	30
Большаков С.Н. Будущее Европы и поиски европейской идентичности.....	36
Браницкий А.Г. Отношение граждан стран – членов ЕС к Евросоюзу и проблема «европейской идентичности»	46
Викторова Е.В., Петренко Д.А. Основы общей интеграционной политики ЕС в отношении мигрантов.....	50
Викторова Е.В., Петренко Д.А. Социальные и культурные аспекты формирования европейской идентичности	57
Гехт А.Б. Североевропейская интеграционная модель в контексте эволюции Европейского Союза	64
Ефременко Д.В. Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности	67
Жукова Е.Ф., Ушанова И.А. Роль международных программ «двойной диплом» в формировании европейской идентичности.....	75
Завершинский К.Ф. Европейская и российская идентичность: культурно-антропологические основания политической конфронтации.....	81
Захарова Е.В., Пономарева Т.Г. Формирование социальной политики Европейского Союза в новых условиях хозяйствования.....	87
Казаринова Д.Б. Динамика европейской идентичности: Brexit и Regrexit	90
Картамышев В.А. Формирование современной Европейской идентичности как результат интеграционных процессов Европейского Союза	99

Лебедев Н.С. Как договориться о ценностях и о чем нельзя договориться в диалоге культур	109
Ливеровский А.А. Европейская идентичность: конституционное измерение	113
Миненков Г.Я. Европейская идентичность в контексте космополитического воображения: актуальные социальные практики	118
Полякова Н.В. К вопросу о роли традиционализма в формировании современной российской идентичности	126
Попова О.В. Территориальная идентичность петербуржцев: европейская vs локальная и региональная	130
Симонян Р.Х. Перекрёстная идентификация в контексте развития интегративных процессов на европейском континенте.....	138
Сперанская Н.Н. Межкультурная коммуникация в процессе формирования европейской идентичности.....	142
Фадеева Л.А. Акторы и векторы политики идентичности в социокультурном аспекте: европейское и российское измерение.....	147
Фомин А.А. Международно-правовые стандарты социальной помощи бедным в свете гуманистических европейских ценностей.....	153
Эйдемиллер К.Ю. Формирование современной европейской идентичности в условиях исламской диффузии стран Северной Европы на примере Швеции.....	158

TABLE OF CONTENTS

Mario De Martino. Role of university cooperation in the formation of universal identity and common understanding	13
Alekseev G.V. European identity and information sovereignty.....	16
Alexeeva O.V. Flexible integration in the European Union	21
Achkasov V.A. The Crisis of European Identity as a Manifestation of the Integration Project Crisis.....	25
Balabaykina O.A., Tyurikova M.O., Netsvet V.Y. Confessional identity of the population of Northern Europe as an example of self-identification method	30
Bolshakov S.N. The future of Europe and the search for European identity.	36
Branitskiy A.G. The attitude of the EU member-states citizens to the European Union and the problem of "European identity"	46
Viktorova E.V., Petrenko D.A. Basic principles of general immigrants' integration policy in the EU	50
Viktorova E.V., Petrenko D.A. Social and cultural dimensions of the European identity formation	57
Geht A.B. The Northern European integration model in the European Union's evolution context	64
Efremenko D.V. Politics of Memory and its Role in the Formation of European Identity.....	67
Zhukova E.F., Ushanova I.A. The role of international programs "double diploma" in the formation of European identity	75
Zavershinskiy K.F. European and Russian identity: cultural and anthropological bases of political confrontation	81
Zakharova T.V., Ponamoreva E.G. Formation of the social policy of the European Union in the new conditions of management	87
Kazarinova D.B. The Dynamic of the European Identity: Brexit and Regrexit.....	90
Kartamyshev V.A. Modern European identity formulation as a result of European Union integration	99
Lebedev N.S. How to treat the values and what can not to be taken it the cultural dialog.....	109

Liverovskiy A.A. European identity: the constitutional dimension	113
Miniankou R.I. European identity in the context of cosmopolitan imagination: actual social practices.....	118
Polyakova N.V. To the issue of the traditionalism's impact in the shaping of Russian modern identity.....	126
Popova O.V. Territorial Identity of Citizens in St. Petersburg: European vs Regional.....	130
Simonyan R.H. Cross-identification in the context of integrative processes on the European continent.....	138
Speranskaya N.N. Intercultural communication in the process of formation of European identity.....	142
Fadeeva L.A. Actors and trends of identity politics sociocultural basement: European and Russian dimensions.....	147
Fomin A.A. International legal standards of the social help to the poor in the light of humanistic European values	153
Eidemiller K.Y. Formation of a modern European identity in conditions of Islamic diffusion of the Nordic countries on the example of Sweden.....	158

ROLE OF UNIVERSITY COOPERATION IN THE FORMATION OF UNIVERSAL IDENTITY AND COMMON UNDERSTANDING

Abstract. The article presents trends in the development of student mobility in the context of globalization, special attention is paid to the Erasmus + program. The Erasmus + program contributes to the creation of the European Single Market by the recognition of diplomas and the provision of the skills necessary for young Europeans to work in Europe, and it can be considered as a tool for the formation of European identity and citizenship.

Keywords: student mobility, globalization, Erasmus +, European identity, citizenship.

For centuries universities have been playing a key role of linkage through education and culture among people, in many cases from different countries and different regions of the world. The same word university, which derives from Medieval Latin *universitas*, "the whole, aggregate," in Late Latin "corporation, society," from *universus* "whole, entire", expresses this idea of union and conjunction.

Although universities had a strong orientation in establishing international links among scholars since they rose in the Middle Ages, it is in the last decades that we assisted to a dramatic increase in academic mobility, which is a key indicator measuring the international dimension and cooperation of universities. For instance, according to the statistics of UNESCO in 1975 the number of international students was, in 1980 it was 0.8 million, in 1995 it rose to 1.7 million and in 2013 it reached 4.1 million. According to the estimation of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) growth estimate the number of international students at between 5.8 and 9 million in 2025.

The scientific literature has extensively analysed the process of internationalization of higher education, which can be seen under different perspectives. The main ones are the geopolitical and national security perspective or rationale, the economic one, and the civic or cross-cultural one.

According to the geopolitical or national security rationale, education and academic exchanges are seen as a tool for nation-states to achieve or consolidate their position in the international area or to ensure national security. This logic was mostly followed during the confrontation between the United States and URSS in the cold war, but it is still present nowadays. For instance, countries like Turkey, Russia and China have some privileged areas of cooperation

in the field of education (especially with neighboring countries). The same can be noted for the European Union with Eastern Partnerships countries, countries, which have perspectives of becoming in future members of the European Union or with the countries of Southern Mediterranean region.

From an economic perspective, the internationalization process is a tool for countries and universities to obtain economic benefits. This is the case for countries, which gain high profits from the market of education, such as United States, United Kingdom and Australia. From this perspective, international mobility is seen as a way to attract talented students, who could provide benefits for the economy of the hosting country as qualified labor force. Moreover, thanks to the high fees that universities charge to international students, in many cases internationalization is a crucial source of income for universities, which in certain cases, if considered in the totality of higher education system of a country, represent a considerable portion of the annual GDP of a nation.

The third type of rationale is the civic one, which is closely connected with cross-cultural dynamics. According to this perspective, academic mobility contributes in facilitating the mutual understanding between people from different countries and in certain cases to create a common identity. A part of the scientific literature has analysed the civic component of European educational programmes (in particular, the Erasmus programme) focusing on the European integration process and considering it as a tool to develop a European identity. More specifically, the social and cultural aspects of student mobility are important elements contributing in creating European citizens and a common civic culture.

The three rationales are not exclusive, and they can overlap. For instance, the Erasmus programme, probably the most famous education programme of the European Union, from one hand can be seen as an instrument contributing in achieving the creation of a European single market thanks to the recognition of diploma and providing young Europeans of skills needed in the European labour market, while on the other hand it can be seen as an instrument developed by the European institution to create a European identity and citizenship.

Regarding the creation of a new identity after the period of academic mobility, studies on the impact of the Erasmus programme are wide with very mixed results. Some conclude that Erasmus indeed strengthens European identity (King and Ruiz-Gelices, 2003; Van Mol, 2011), others that it does not (Sigalas, 2010; Wilson, 2011) and still others that it depends where the students come from (Van Mol, 2013). Despite it is difficult to determine whether programmes of international academic mobility can help in fostering a common new identity, the idea that spending time in a country can reliably change grantees' subsequent behaviours finds more consensus among the authors.

Literature

1. Douglas Bourn (2011) From internationalisation to global perspectives, *Higher Education Research & Development*, 30:5, 559-571
2. Enric Llurda, Lidia Gallego-Balsà, Clàudia Barahona & Xavier Martin-Rubió (2016) Erasmus student mobility and the construction of European citizenship, *The Language Learning Journal*, 44:3, 323-346
3. Jane Knight (2013) The changing landscape of higher education internationalisation – for better or worse?, *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, 17:3, 84-90
4. King, R. and Ruiz-Gelices, E. (2003) ‘International Student Migration and the European “Year Abroad”’: Effects on European Identity and Subsequent Migration Behaviour’. *International Journal of Population Geography*, Vol. 9, No. 3, pp. 229–52.
5. OECD (2009), *Higher Education to 2030, Volume 2: Globalisation*
6. Sigalas, E. (2010) ‘Cross-Border Mobility and European Identity: The Effectiveness of Intergroup Contact during the ERASMUS Year Abroad’. *European Union Politics*, Vol. 11, No. 2, pp. 241–65.
7. UNESCO, Institute for statistics, June 2015: https://en.unesco.org/sites/default/files/1-4_growth_international_students.pdf
8. Van Mol, C. (2011) ‘The Influence of European Student Mobility on European Identity and Subsequent Migration Behaviour’. In Dervin, F.(ed.) *Analysing the Consequences of Academic Mobility and Migration* (Newcastle: Cambridge Scholars).
9. Wilson (2013) *Ends Changed, Means Retained: Scholarship Programs, Political Influence, and Drifting Goals*
10. Wilson, I. (2011) ‘What Should We Expect of “Erasmus Generations”?’ *JCMS*, Vol. 49, No. 5, pp. 1113–40.
11. Wit, H. d. (2002). *Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis*. Westport, Conn: Greenwood Press.

Марио Де Мартино

Российский университет дружбы народов

Роль университетского сотрудничества в формировании универсальной идентичности и общего понимания

Аннотация. В статье представлены тенденции в развитии студенческой мобильности в условиях глобализации, особое внимание уделено программе Erasmus +. Программа Erasmus + способствует созданию Европейского Единого рынка, благодаря признанию дипломов и предоставлению молодым европейцам навыков, необходимых для работы в Европе, а

также она может рассматриваться как инструмент формирования европейской идентичности и гражданства.

Ключевые слова: студенческая мобильность, глобализация, Erasmus +, европейская идентичность, гражданство.

Г.В. Алексеев

Северо-Западный институт управления –
филиал РАНХиГС
intl@szags.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Аннотация. Европейская идентичность стала социально-культурной основой для создания единого европейского информационного пространства, которое простирается далеко за пределы Европейского Союза. Цивилизация, основанная на уважении прав человека и общих европейских ценностях, духовно объединяет граждан свободной Европы, живущих в России, Австралии, США, Канаде и других странах. Устойчивая правовая связь, сложившаяся между всеми европейцами, конституировала наднациональную общность нового типа, где преобладают интеграционные принципы, трансформируя концепт народного суверенитета.

Ключевые слова: глобализация; интеграция; гражданство; виртуальный суверенитет; национальная безопасность.

Европейская интеграция оказала значительное влияние на мировой политический процесс, создав Европейский Союз (ЕС) с его наднациональными институтами, общей политикой безопасности, единой валютой и общей для всех стран европейской повесткой дня. Осознанию общности европейской цивилизации способствовала прозрачность государственных границ для современных систем массовых коммуникаций и бизнеса транснациональных корпораций. Экономика знаний и устойчивое развитие стали базисом политического процесса европейской интеграции, на основе которого развились институты и доктрина интеграционного права [Международная интеграция... 2017; Кашкин, Четвериков, 2015].

Фактически необходимый проект транснациональной демократии, которым ЕС был призван стать, сегодня опирается на теорию «двойного

суверенитета» [Perju, 2017] и концепт «активного гражданства», – ключевого компонента гражданской идентичности [Семенов, 2016]. Эти элементы наднационального суверенитета последовательно критикуются европейскими учёными в той части, в какой такая общая европейская политика не отражает национальные интересы народов Европы [Bouchard, 2013]. Любые идеологические и правовые конструкции, обеспечивающие политику искажения действительности в европейской политической культуре, как представляется, будут отрицательно сказываться на судьбе интеграционного проекта и развитии феномена европейской идентичности.

Европейский интеграционный проект может стать намного шире, охватив все те географические пространства, где ценности европейской цивилизации определяют жизненный порядок. При этом по справедливому мнению голландских юристов «нельзя игнорировать концепцию национальной идентичности как слишком туманную или чрезмерно политизированную» [Cloots, 2016: 96]. Современная европейская доктрина международной интеграции последовательно разграничивает понятия национальной идентичности, конституционной идентичности и государственного суверенитета, подчёркивая политическую значимость национальных чувств [Bouchard, 2013; Cloots, 2016; Perju, 2017]. Проблема состоит лишь в том, что евроскептики противопоставляют национальную идентичность интеграционным реалиям, в то время как общеевропейские институты конституируют мифы нередко далекие от социальной действительности.

Государственный суверенитет не может быть в полной мере реализован институтами ЕС, однако на уровне интеграционных объединений, связанных социально-культурной идентичностью, могут складываться демократические механизмы «реализации виртуального (информационного) суверенитета» [Кириленко, Алексеев, 2016: 20]. Различие доктринальных подходов к парадигме информационного суверенитета [Кучерявый, 2015; Терентьева, 2017; Ефремов, 2017] только подчёркивают значимость сохранения национальной идентичности государства в условиях глобального информационного общества. Проблемы с формированием европейской идентичности в рамках ЕС во многом обусловлены влиянием панъевропейских мифов на виртуальный суверенитет всех европейских государств.

Во-первых, миф о том, что европейская идентичность может быть сформирована в полной мере без участия России, абсурден. Как точно заметил В.П. Лукин, «Россия, более тесно интегрированная в Европу, просто не может утратить свою цивилизационную специфичность. Мы всегда были частью Старого Света... Христианские ценности, составляющие суть европейской цивилизации, столь же органичны для нас, сколь и для абсолютного большинства европейских наций» [Лукин, 2008: 16]. Россия готова участвовать в интеграционных процессах в Европе исходя из своих

национальных интересов, в то время как со стороны партнёров в Европейском Союзе не наблюдается стремление к политической гибкости и учёту интересов Русского мира. Непоследовательная политика в вопросе участия отдельных государств в интеграционных процессах приводит к тому, что «идея наднациональной общности остается пока лишь неким инструментом политической инженерии, своего рода продуктом политического расчета европейских элит, озабоченных созданием социально-психологических условий, благоприятствующих реализации их интеграционного проекта» [Вайнштейн, 2009: 125].

Во-вторых, на основе данных социологических опросов одну из центральных проблем европейской идентичности точно охарактеризовала профессор О.В. Попова, отметив, что «для «старых» европейцев (54% положительных ответов) более важно родиться в «своей» стране, чем для «новых» европейцев (42% положительных ответов). Для «старых» европейцев более значимы культурные традиции отечества (37% положительных ответов против 32% у «новых» европейцев)» [Попова, 2012: 84]. Такое негативное влияние европейской интеграции на патриотические настроения населения в результате отражается на реализации государственного суверенитета, в то время как патриотическое воспитание остаётся частью национальной идентичности любого народа [Константинов, 2009]. Очевидно, что наряду с бесспорными успехами ЕС в экономической сфере, в Европе ощущается острый дефицит национальной идентичности, который порождает проблемы Шотландии, Каталонии, Страны Басков, Фландрии и других регионов, потенциально обладающих виртуальным суверенитетом.

В-третьих, европейская интеграция, которая направлена на создание единого рынка, единого миграционного пространства, социальных устойчивых коммуникативных связей в науке, образовании и других сферах, способствует удовлетворению потребностей элит в большей степени, чем рядовых граждан ЕС. Сам по себе миф о европейском мультикультурализме не является чем-то экстраординарным или самобытным. Мифы со времён Древней Греции есть неотъемлемая часть европейской культуры. Например, в России осуществляется «мифологизация культурного пространства Севера... которая, возможно, ценна гносеологически» [Шабаев, 2011: 58]. Однако миф всегда остаётся лишь попыткой превратить ориентиры социальной политики в реальные общественные отношения посредством массовой пропаганды. Создание образа государства в информационном пространстве является элементом его национальной безопасности, но при этом опирается на демократические принципы и юридическое равенство [Кириленко, Алексеев 2017]. Расширение социального неравенства в Европе может отрицательно сказаться на европейской культурной идентичности.

Представляется, что виртуальный суверенитет составляет часть народного суверенитета и существует наряду с государственным суверенитетом. Социальная природа виртуального суверенитета не требует обязательной юрисдикции над государственной территорией, он может быть реализован народом без участия государственных органов, экстерриториально и потому служит основой всех интеграционных процессов [Международная интеграция... 2017]. Именно фактическое существование феномена европейской идентичности предопределило успех ЕС как интеграционного проекта, однако его дальнейшее развитие будет всецело зависеть от того, как распорядятся институты ЕС той частью суверенитета, которой они обладают.

Литература

1. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 123–134.
2. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
3. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права. М.: Проспект, 2015. 224 с.
4. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 8-15. DOI 10.22394/1726-1139-2017-3-8-15
5. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 14-23.
6. Константинов С.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи как комплексная образовательная технология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3. С. 156–161.
7. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 8–15.
8. Лукин В.П. Глобальная роль России и европейская идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 1. С. 8–17.
9. Международная интеграция и интеграционное право: учебник / под общ. ред. В.А. Шамахова, В. П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. СПб.: ИПЦ СЗИУ – фил. РАНХиГС, 2017. 880 с.
10. Попова О.В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2012. № 1. С. 78–84.

11. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03
12. Терентьева Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200
13. Шабает Ю.П. Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63.
14. Bouchard G. National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents. New York, Routledge, 2013. 306 p.
15. Cloots E., National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU // Netherlands Journal of Legal Philosophy, 2, (2016):82-98 DOI 10.5553/NJLP/000049
16. Gifford, C. (2010). The UK and the European Union: Dimensions of Sovereignty and the Problem of Eurosceptic Britishness. Parliamentary Affairs. 63(2), 321- 338.
17. Jeffares, S. Interpreting Hashtag Politics. London: Palgrave Macmillan UK, 2014.
18. Perju V.F. Dual Sovereignty in Europe?: A Critique of Habermas's Defense of the Nation-State. Boston College Law School Faculty Papers. 2017.

G.V. Alekseev

North-West Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

European identity and information sovereignty

Abstract. European identity has become a socio-cultural basis for the creation of a single European information space that extends far beyond the European Union. Based on respect for human rights and common European values, civilization spiritually unites citizens of free Europe living in Russia, Australia, the United States, Canada and other countries. A stable legal relationship between all Europeans constituted a supranational community of a new type, where by transforming the doctrine of sovereignty integration principles prevail by changing the concept of national sovereignty.

Keywords: globalization; integration; citizenship; virtual sovereignty; national security.

ГИБКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРОСОЮЗЕ

Аннотация. Применение принципов гибкой интеграции в современном Евросоюзе рассматриваются, как инструмент сохранения единства Союза. Интеграционные процессы в ЕС продолжают порождать многочисленные проблемы, связанные с разнообразием в экономическом, политическом и культурном смысле.

Ключевые слова: гибкая интеграция; Европейский Союз; европейское единство; «многоскоростная Европа»; интеграционные процессы.

На современном этапе развития Европейский Союз столкнулся с рядом сложных вызовов, наиболее значимыми являются терроризм, резкое увеличение мигрантов, региональные конфликты, неравенство и дезинтеграция. В данной статье рассмотрена гибкая интеграция, как инструмент урегулирования и сглаживания возникающих проблем, вследствие интеграции в ЕС. Особенно актуально применение принципов гибкой интеграции в ситуациях Брексита, противостояния Вышеградской группы и др. Нынешний председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер, утверждает, что главной проблемой ЕС сегодня являются именно разногласия в понимании интеграции и определение ее целей. Более того, Европейский Союз, вопреки сложившейся ситуации, все еще имеет потенциал к росту путем применения, в том числе, концепции «Европа разных скоростей»¹.

В ходе 60-летней интеграции (с 1951 г.), с одной стороны, в ЕС увеличивается объем и интенсивность взаимосвязей, взаимодействий между странами, а с другой – интеграционные процессы продолжают порождать многочисленные проблемы, связанные с разнообразием в экономическом, политическом и культурном смысле, и другие проблемы связанные с сохранением европейского единства. В начале 1990-х гг. видения политиков по выбору будущего интеграционного пути Союза разделились. Ряд политиков предпочитали федеративную Европу с центральным правительством и парламентом, другие предпочитали более «широкую», децентрализованную Европу. Третья группа выступала в пользу так называемой «многоскоростной Европы», в которой пересекающиеся группы стран бу-

¹ С. 7-12; Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее // Бабынина Л.О. Современная Европа 60 лет после Римских договоров. Ч. I.

дут интегрироваться в различные области политики с различной, «своей» скоростью². В то же время политический принцип гибкости получил официальное закрепление в праве Европейских сообществ и Европейского Союза³. К настоящему времени ряд исследователей (А. Стубб, Д. Греви, Л. Меткалфа, Ф. Серр и Х. Уоллас и другие) выделяют 3 вида гибкой интеграции: 1) Европа *à la carta* (Europe à la carte, Pick and Choose, «интеграция на выбор»); 2) «Варьируемая геометрия» (*géometrie variable*, Variable Geometry); 3) Европа «разных скоростей» (*plusieurs vitesses*, Multy-Speed)⁴.

Рассмотрим более подробно концепцию Европа «разных скоростей». Впервые термин применительно к «разноскоростному» развитию стран Европы был использован еще в 1975 г. в докладе Л. Тиндеманса (бывшего премьер-министра Бельгии) для Европейского Совета: «Было бы нереально рассчитывать на план действий, согласно которому все государства-члены должны были бы пройти все этапы интеграционного процесса одновременно. Объективные различия в экономических и финансовых ситуациях стран таковы, что если было бы поставлено подобное условие, то это послужило бы препятствием прогрессу и дальнейшему объединению Европы»⁵.

Концепция «двух скоростей» (различных скоростей) предполагает, что одна группа государств – членов ЕС следует по пути более углубленной интеграции, так как имеет для этого ряд возможностей. Другая же группа государств – членов ЕС не имеют экономических, юридических или других возможностей присоединиться к интеграционным процессам лидирующей группы, но поддерживает цели углубленного сотрудничества. Необходимо отметить, данная концепция предполагает, что не вошедшие государства приложат все усилия, чтобы рано или поздно присоединиться к интеграционным процессам, так как все страны ЕС имеют единые общие цели и хотят их достичь. Следовательно, концепция разноскоростного движения старается сохранить европейское единство и разрешает лишь временное существование дифференцированной системы.

² Европейский союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: «Весь Мир», 2015. 587 с.

³ Громыко А.А. Европейская интеграция – такая молодая и такая давняя тема // Современная Европа. 2011. № 2. С. 153–158.

⁴ Stubb A. A Categorization of the Differentiated Integration // Journal of Common Market Studies, Vol. 34, No 2, 1996. P. 283–295;

⁵ Informe Tindemans L. al Consejo Europeo // Revista de Instituciones Europeas. 1976. N 2. P. 598–599.

В результате анализа степени интеграции стран – членов ЕС применение концепции «Европа разных скоростей» на практике очевидно. Например, 28 стран Евросоюза интегрированы в ЕС по-разному: 27 стран находятся на едином рынке; 26 стран – в банковском союзе; 21 страна – в Шенгене; 21 страна – в НАТО; 19 стран – в зоне евро⁶. Действительно, практическим применением принципа гибкости считается Шенгенская конвенция, в которую входят страны, не входящие в ЕС (Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн), и не входят страны – члены ЕС (Хорватия, Болгария, Румыния, Кипр)⁷. Европейский континент включает 48 стран, лишь 28 из которых – члены ЕС. Те страны, которые находятся за пределами ЕС, стремятся к особым отношениям с Евросоюзом. Так, к Европейской Экономической зоне относится 31 страна, это все прежние члены ЕС-28, а также Исландия, Лихтенштейн, Норвегия. Таможенный союз Европейского Союза включает всех прежних членов ЕС-28, а также Андорру, Монако, Сан-Марино, Турцию и Британские территории, интегрированные в ЕС (Декелия, Гернси, остров Мэн и Джерси). События последних лет показали, что в ЕС и дальше будут существовать различные скорости интеграции, что не все участники ЕС непременно будут участвовать в тех или иных интеграционных шагах⁸. Данный тезис докажем конкретными примерами.

1) Европа «разных скоростей» становилась особенно актуальной после масштабного пятого и шестого расширения Евросоюза в 2004–2007 гг., когда к Союзу присоединилось 12 стран с более низкими социально-экономическими показателями. В результате евроинтеграции «расширяющийся ЕС-27 превращается в замедляющийся ЕС». Новые страны-члены, отстающие от «старожил», не могли, а ряд из них до сих пор не могут, сразу участвовать во всех существующих интеграционных проектах (Венгрия, Румыния, Латвия, Литва)⁹.

2) В феврале 2017 г. на неофициальном саммите ЕС (Мальта) канцлер Германии А. Меркель предложила своим коллегам взять на себя обязательство объединить «разные скорости». Лидеры Франции, Германии, Италии, Испании и Мальты поддержали разноскоростной вариант развития Европы.

3) В Римской декларации (март 2017 г.) представлены разноскоростные способы достижения современных целей Союза. ЕС намерен

⁶ Потёмкина О.Ю. Вышеградская группа и «гибкая солидарность» // Современная Европа. 2016. № 6. С. 43–52.

⁷ Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: теория и практика. М., 2010

⁸ http://europa.eu/rapid/press-release_AC-17-224_en.htm

⁹ Konig T. Divergence or convergence? From ever-growing to ever-slowing European legislative decision making // European Journal of Political Research, Vol. 46, 2007. P. 436.

учитывать неоднородность государств-членов, но продолжать двигаться вперед и в одном направлении, всем составом, если потребуется, разными темпами и с разной интенсивностью, оставляя возможность сомневающимся или отстающим присоединиться позже к интеграционным проектам¹⁰.

4) Последняя Белая книга (документ Европейской Комиссии) от 2017 г. предлагает пять вариантов будущего развития интеграционного проекта. Согласно сценарию № 3, «те, кто хотят больше, делают больше» («Those Who Want More Do More»). ЕС позволяет странам-членам более тесное совместное сотрудничество в выбранных сферах. Формируется так называемая «коалиция желающих» для более тесной кооперации в избранных областях. Другие, не участвующие в определенном проекте государства-члены, всегда имеют возможность присоединиться к тем государствам, кто работает сообща.

Таким образом, следует сделать вывод: тот факт, что страны – члены ЕС могут быть и не задействованы в тех или иных интеграционных проектах, демонстрирует разноскоростное движение участников и является реальным проявлением гибкой интеграции. Сторонники разноскоростной концепции утверждают, что интеграционные процессы должны «идти вперед» независимо от возможностей и желаний и членов ЕС. Применение официально заявленного на саммите ЕС в Риме (2017 г.) «многоскоростного» гибкого принципа интеграции действительно реализуется на практике и разрешает лишь временное существование дифференцированной системы, содействуя сохранению европейского единства.

Литература

1. Громько А.А. Европейская интеграция – такая молодая и такая давняя тема // Современная Европа. 2011. № 2. С. 153–158.
2. Бабынина Л.О. Современная Европа 60 лет после Римских Договоров. Ч. I. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. – С. 7–12.
3. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: теория и практика. – М., 2010
4. Европейский союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал.А. Громько, М.Г. Носова. – М.: «Весь Мир», 2015. 587 с.
5. Потёмкина О.Ю. Вышеградская группа и «гибкая солидарность» // Современная Европа. 2016. № 6. С. 43–52.
6. Informe Tindemans L. al Consejo Europeo // Revista de Instituciones Europeas. 1976. N 2. P. 598–599

¹⁰ С. 9; Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее // Бабынина Л.О. Современная Европа 60 лет после Римских договоров. Ч. I.

7. König T. Divergence or convergence? From ever-growing to ever-slowing European legislative decision making // European Journal of Political Research, Vol. 46, 2007. P. 436.

8. Stubb A. A Categorization of the Differentiated Integration // Journal of Common Market Studies, Vol. 34, No 2, 1996. P. 283–295;

9. The Rome Declaration. European Commission – Statement.режим доступа:http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-767_en.htm

10. White Paper. European Commission // Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf

O.V. Alexeeva

Saint-Petersburg State University of Economics

Flexible integration in the European Union

Abstract. Flexible integration as a tool to maintain unity in European Union. Integration in EU facing many challenges in its variety of EU members in differ economies, policies, cultures.

Keywords: flexible integration; European Union; European unity; “multi-speed Europe”; integration process.

В.А. Ачкасов

Санкт-Петербургский государственный университет

Val-achkasov@yandex.ru

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Аннотация. Автор статьи, резюмируя мнения многих политиков и экспертов, утверждает, что сегодня можно говорить о кризисе, Евросоюза, и не только финансовом, экономическом или миграционном. Речь идет о кризисе интеграционного проекта в целом и кризисе европейского сознания, о кризисе конструируемой идентичности, которая в приоритетах интеграционной политики всегда стояла далеко не на первом месте.

Ключевые слова: Европейский Союз; кризис интеграционного проекта; европейская идентичность; евроскептицизм.

Резюмируя мнения многих политиков и экспертов, мы можем сегодня уверенно говорить о кризисе Евросоюза, и не только финансовом, экономическом или миграционном. Речь идет о кризисе интеграционного проекта в целом и кризисе европейского сознания, о кризисе конструируемой идентичности, которая в приоритетах интеграционной политики всегда стояла далеко не на первом месте. «Интеграцию Евросоюза правильнее всего рассматривать как серию рациональных решений, принятых национальными правительствами. Их выбор определялся теми условиями и возможностями, которые вытекали из необходимости обеспечения национальных экономических интересов, относительной мощи государств, коренящейся в асимметричной взаимозависимости, и роли институтов в повышении значимости межгосударственных договоренностей», — отмечал А. Моравчик еще в конце XX века¹¹.

Однако ситуация складывается таким образом, что с образованием Европейского союза и попытками превращения его в союз политический, претендующий на роль одного из центров силы в современном мире, усилий одной лишь политической элиты для формирования сплоченного объединения, способного проводить самостоятельную политику на мировой арене и противостоять внешним угрозам, явно недостаточно. Необходима постоянная поддержка «снизу», со стороны населения стран — участниц ЕС, дабы избежать обостряющейся проблемы «дефицита демократии» и «делегитимации» институтов союза. Однако проект «единой Европы» теряет популярность в массах. Некоторые исследователи ее недавно предполагали, что «мусульманский вызов» Европе, то есть резкий рост доли не интегрированного нехристианского населения актуализирует европейскую идентичность, но получилось с точностью наоборот, данный фактор усилил националистические настроения и желание закрыть свою страну, чтобы в ней не было столько же арабов или африканцев, как у соседей.

«Почти во всех странах Западной Европы встревоженное большинство фактически ведет себя как угнетаемое меньшинство, — замечает И. Крастев. Люди склонны объяснять реальную или воображаемую утрату контроля над собственной жизнью сговором космополитически мыслящими элитами и иммигрантами, с их родо-племенной ментальностью, отвергающими подлинную социальную интеграцию на условиях большинства. В разных формах и по разным причинам те и другие проповедуют «мир без границ», которого обычные люди все больше боятся и который ненавидят»¹². Этим во многом объясняет рост электоральных успехов правых популистов — жестких противников европейской интеграции и проводимой в Европе иммиграционной политики.

¹¹ Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1998, p. 452.

¹² Крастев И. Парадокс европейской демократии // Pro et Contra. 2012. № 1-2. С. 12-13.

Нынешний кризис европейской интеграции показывает, что для стран-участниц Европейский Союз из якоря стабильности превращается в фактор неопределенности, которая в обозримой перспективе, скорее всего, будет усугубляться. Процесс европейской интеграции, конечно же, в той или иной форме, будет продолжен, поскольку строительство единой Европы достигло рубежей, делающих его, по всей видимости, необратимым. Об этом, в частности, свидетельствует принятие и ратификация Лиссабонского договора (декабрь 2009 г.), в котором правда нет даже намека на федералистские цели Европы. Это позволило в какой-то мере преодолеть институциональный кризис и «кризис развития» ЕС, после провала референдума по Конституции для Европы в 2005 г. Однако вопрос идентичности и «финала» Европейского союза «повис в воздухе», став, – как подчеркивает Г. Винклер, – своего рода «табу», рассмотрения которого старательно избегают, дабы не нарушать единство ЕС-28»¹³. Таким образом, «вступление в силу Лиссабонского договора в результате стало не выходом из положения, как все надеялись, а камешком, который вызвал обвал», – констатирует Ф. Лукьянов¹⁴. Лидеры стран ЕС, приняв взамен Конституции технократический проект договора, стремились вывести проблемы европейской интеграции из сферы внутренней политики и обойти общественное мнение, однако тем самым они резко уменьшили легитимность институтов Евросоюза. Органы ЕС черпают свою легитимность из легитимности государств-членов, а не из объединенной воли европейских граждан. Отсюда «дефицит демократии» в их работе, нарастающая критика Еврокомиссии как бюрократической структуры, неподотчетной рядовым европейцам, невысокая активность избирателей во время выборов Европейского парламента и т.д. В результате, корректировке подвергаются темпы и масштабы интегрированности отдельных стран ЕС, которые вошли в явное противоречие с задачей углубления интеграции.

«В процессе интегрирования Европы ее адепты существенно подрывали легитимность национальных европейских государств, но при этом им не удалось создать единое европейское общественное пространство и общеевропейскую политическую идентичность. Поэтому популистские шараханья в ЕС означают возрождение более локальной, но и более глубокой культурной идентичности в отдельных европейских странах. Они смещают европейскую политику в направлении менее инклюзивных и, возможно, менее либеральных концепций политического сообщества»¹⁵.

¹³ Winkler H. Politik ohne Projekt: Gedanken über Deutschland, Libyen und Europa // Internationale Politik – Die Zeitschrift. 2011. № 5, s. 43.

¹⁴ Лукьянов Ф. Европа, которую мы еще не видели // Pro et Contra. 2012. № 1-2 (54). С. 70.

¹⁵ Крастев И. Парадокс европейской демократии..., с. 13.

В свою очередь заметное ослабление общенациональных идентичностей давно сложившихся европейских наций находит выражение в увеличении «спроса» на «спящие», исторически не реализованные национальные проекты – в Шотландии, Фландрии, Стране Басков, Каталонии, Корсике и др., идентичности которых «...в целом, базируются на любопытной смеси желания сохранить историческое наследие, поиска нового усиления культурной отличительности и курса на достижение или защиту политической автономии для достижения этих целей»¹⁶.

Действительно, несмотря на демонстрируемую приверженность базовым ценностям либерализма, которые очевидным образом лежат в основе Евросоюза, каждый его субъект сохраняет высокий уровень автономии и даже суверенитета; члены ЕС часто продолжают действовать как независимые национальные государства, европейские институты и, особенно, Европейский парламент играют второстепенную роль. Справедливость данного суждения ярко продемонстрировали и британский «брексит», и безуспешные попытки институтов ЕС найти решения проблем миграционного кризиса 2014-2015 гг. и европейского регионального сепаратизма. Лояльность Единой Европе сегодня несопоставимо слабее лояльности отдельным национальным и региональным сообществам, в силу того, что: «Во-первых, общеевропейская идентичность носит чрезвычайно абстрактный характер, отсылающий к правам человека, демократии и толерантности как высшим ценностям. Но со временем выяснилось, что эти ценности понимаются совсем не одинаково не только за пределами Европы, но и на континенте: тогда как канцлер ФРГ Ангела Меркель считает прием беженцев с Ближнего Востока «проявлением человечности» Германии, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в ответ заявляет, что, хотя «право на человеческое достоинство и безопасность являются основными правами, но «ни немецкий, ни венгерский образ жизни не является основным правом всех людей на Земле». Во-вторых, на данный момент и в обозримой перспективе общеевропейская идентичность не может опереться на единую историю, общий язык и культуру, то есть на те самые принципы, которые лежат в основе «сжимающихся» национальных идентичностей и способны не декларативно, а реально способствовать социальной солидарности. Весной 2016 года Дональд Туск, глава Европейского совета, признал, что «мечта о едином государстве Европа с одним общим интересом, с единым видением мира (наконец) с одной нацией была лишь иллюзией»¹⁷.

¹⁶ Erk J. Is nationalism left or right? Critical junctures in Quebecois nationalism // *Nation and Nationalism*. 2010. Vol. 16. № 3, p. 426.

¹⁷ См.: Паин Э., Федюнин С. *Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль, 2017, с. 68-69.

Таким образом, современный кризис стал для ЕС одним из серьезнейших вызовов за всю историю существования. Он поставил под вопрос саму идею европейского единства. Очевидно, что для Европейского союза начался исторический период, который, используя терминологию синергетиков, можно назвать «точкой бифуркации» – когда система подошла к кризису и у нее появляется максимум вариантов выбора в некоем широком коридоре возможностей. Не случайно стали появляться многочисленные сценарии будущего ЕС¹⁸.

В то же время, нынешняя попытка Соединенного Королевства сформировать и продвинуть (используя «дело Скрипаля»), «образ России» как «образ врага» и тем самым консолидировать Европу и западный мир в целом – это попытка с негодными средствами, которая, несомненно, провалится.

Литература

1. Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. / A. Moravcsik. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1998. 528 p.
2. Крастев И. Парадокс европейской демократии / И. Крастев. // Pro et Contra. 2012. № 1-2. с. 6-14.
3. Winkler H. Politik ohne Projekt: Gedanken über Deutschland, Libyen und Europa / H. Winkler // Internationale Politik – Die Zeitschrift. 2011. № 5, s. 41-49.
4. Лукьянов Ф. Европа, которую мы еще не видели // Pro et Contra. 2012. № 1-2 (54), с. 68-82.
5. Erk J. Is nationalism left or right? Critical junctures in Quebecois nationalism / J. Erk. // Nation and Nationalism. 2010. Vol. 16. № 3. 421-429 p.
6. Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. 266 с.

V.A. Achkasov
Saint-Petersburg State University

The Crisis of European Identity as a Manifestation of the Integration Project Crisis

Abstract. The author of the article, summing up the opinions of many politicians and experts, asserts that today one can speak about the crisis of the European Union, and not only financial, economic or migratory one. The article

¹⁸ См.: Santis De N. Future of Europe: Scenarios 2016/2025. – <http://www.brandeu.eu/wp-content/uploads/2016/05/Brexit-and-Future-of-Europe-Scenarios-2025.pdf>

examines the integration project crisis in general and the crisis of the European consciousness, the crisis of the constructed identity, which has never been a priority of the integration policy.

Keywords: European Union; integration project crisis; European identity; Euroscepticism.

О.А. Балабейкина, М.О. Тюрикова
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
olga8011@yandex.ru, tyurikova.mariya@bk.ru
В.Ю. Нецвет
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
vivere.est.agere@mail.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ КАК ПРИМЕР СРЕДСТВА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается конфессиональная структура стран Северной Европы: Швеции, Финляндии, Дании. Особое внимание уделяется правовому статусу конфессий в этих странах как определяющему во многом фактору доли религиозного населения. Приводятся аргументы к тому, что преобладающей религией в рассматриваемых странах, несмотря на большое влияние секуляризации в обществе, по-прежнему остается лютеранство. Конфессиональная принадлежность для граждан стран Северной Европы значима как средство культурной самоидентификации. Обозначаются также современные тенденции к трансформации религиозного пространства.

Ключевые слова: религиозная принадлежность, средство самоидентификации, религии стран Северной Европы, лютеранство в Северной Европе.

Религиозная, или, если смотреть уже, конфессиональная принадлежность населения по сей день остается важным признаком гражданской и этнической самоидентификации. Несмотря на секуляризационные процессы, характерные для стран Европы, большая часть ее населения по сей

день остается (по крайней мере, формально) принадлежащей к традиционным в регионе христианским конфессиям. Более того, устойчивость этого признака для европейского населения подтверждает и пример тоталитарной некогда Албании, объявленной в 1967 г. первым в мире атеистическим государством. Падение социалистической системы в стране, где десятилетиями проявления религиозной жизни карались уголовно, и, соответственно, считалось, что верующих нет вообще, повлекло за собой возрождение религиозной жизни – спустя буквально 30 лет верующими себя называли 80% населения страны¹⁹. Актуальность рассмотрения вопроса религиозной самоидентификации в Европе подчеркивает и тот факт, что зачастую конфликту в Косово дается оценка межрелигиозного противостояния носителей ислама (албанцев) и христианства (православных сербов).

Религиозная картина в странах Северной Европы является очень яркой и интересной с исторической, социальной, правовой точек зрения. Все страны региона являются светскими, предоставляющими гражданину возможность остаться вне религии, но при этом есть государства, в которых традиционные христианские конфессии имеют государственный статус (Финляндия) или до недавнего времени обладали им (Швеция, 2000 г.).

С точки зрения конфессиональной принадлежности, формально и фактически подавляющая часть населения стран Северной Европы относится к Лютеранской национальной церкви, а Швеция исторически была первой страной мира, где лютеранство приобрело статус государственной религии, хотя зародилось это течение в Германии.

Лютеранство имеет в Швеции глубокие корни (до 1860 г. членство в шведской Лютеранской церкви было обязательным для граждан страны) и стало частью ментальности шведского народа.

На данный момент немногим более чем восьмимиллионное население Швеции характеризуется высокой степенью секуляризации, при этом в середине 2010-х гг. ШЛЦ насчитывала 6,2 млн прихожан, что составляет примерно 65% населения²⁰. Важным показателем принадлежности населения к конфессии является частота участия членов церкви в обрядах и таинствах. Так, в официальном финансовом отчете Шведской Лютеранской Церкви²¹ указано, что за 2014 г. в стране было проведено 410 тыс. люте-

¹⁹ Bureau of Democracy, Human Rights and Labor International Religious Freedom Report for 2014. Режим доступа: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (проверено по состоянию на 5 ноября 2017 г.)

²⁰ Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. № 3. С. 113–127

²¹ <https://www.svenskakyrkan.se/economyandfinance> – Официальный сайт Шведской лютеранской церкви. Финансовый отчет за 2014 г. (Дата обращения 20. 11. 2017 г.)

ранских обрядов и таинств, которые в документах называются «религиозными услугами». Под последними подразумеваются крещения, миропомазания (конфирмации), венчания, отпевания. Показатель довольно высокий, если принять во внимание сравнительно небольшую численность населения страны и тот факт, что почти все упомянутые обряды могут совершаться над человеком только один раз в жизни.

Шведская Лютеранская Церковь имеет сложную административную структуру и делится на 13 епархий, состоящих из 1363 приходов в самой Швеции и 31 за ее пределами. Обязательный церковный налог в пользу ШЛЦ был отменен в Швеции только в 2000 г.

При явном доминировании лютеранства в конфессиональном пространстве Швеции последнее становится все более и более разнообразным, и причин тому несколько. Второй по численности последователей христианской конфессии в стране является католичество, на данный момент насчитывающее около 150 тыс. (против 2,5 тыс. в 1900 г.). Намечилась дальнейшая тенденция к увеличению численности верующих католиков в Швеции за счет мигрантов из стран Восточной Европы и, пусть в меньшей мере, за счет перехода из лютеранства этнических шведов, для которых неприемлемы результаты последних реформ, принятых ШЛЦ (женское священство, легализация однополых браков и т.д.). Все же этнические шведы на католических приходах составляют меньшинства, а наиболее велика там численность представителей польской диаспоры.

Численность православных христиан в Швеции оценить трудно, но это десятки тысяч человек. С уверенностью можно сказать только, что причина роста числа православных христиан, приходов и юрисдикций – эмиграции, причем сначала послереволюционные, послевоенные, а затем трудовые.

Современная Швеция воспринимается как яркий пример секуляризации и дехристианизации в зарубежной Европы. Но анализ объективных показателей (по крайней мере, формальных) говорит о том, что такая точка зрения не вполне оправдана: «Большая часть шведов остаётся прихожанами Шведской лютеранской церкви (ШЛЦ), которая, хоть уже и не является государственной, пользуется большим влиянием в стране»²².

Лютеранство явно доминирует в Дании, где народная церковь остается государственным учреждением с конституционно закрепленным статусом. Доля лютеран в Датском Королевстве составляет более 80%, хотя при этом только 3-4% датчан регулярно посещают воскресные богослуже-

²² Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. № 3. С. 127.

ния в лютеранской церкви и участвуют в религиозных обрядах²³. Более того, по сравнению с данными начала 2000-х гг. доля лютеран снизилась примерно на 10% и виной тому процессы секуляризации, характерные для всей зарубежной Европы, а также увеличившиеся потоки мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока. Тем не менее, значение Лютеранской Церкви для самоидентификации датчан остается очень большим: «для большей части населения религия есть символ принадлежности к своему народу и его культуре. Сегодня многие датчане обращаются к авторитету церкви в поисках объединяющего начала»²⁴.

Экономический статус Лютеранской церкви в Дании закреплен таким образом, что в ее содержании участвуют даже те, кто не является ее членами. Члены национальной церкви Дании платят церковный налог, ставка которого варьируется в зависимости от муниципалитета, но может быть не больше 1,51% от дохода. Налог не покрывает всю расходную часть бюджета церкви и остальные расходы датируются государством. Последнее делается за счет отчислений с других налогов и сборов, получаемых государством от граждан. Таким образом, каждый платит взнос в евангелическо-лютеранской церкви Дании, независимо от своей веры, так как из-за необходимости государства обеспечивать церковь и её сотрудников (около 2400 церквей, 350 кладбищ, примерно 2100 священников по всей стране).

Доля последователей лютеранства в примерно пятимиллионной Финляндии – 78,3%, при этом наблюдается тенденция к сокращению представителей этой конфессии. К Финляндской Православной Церкви принадлежит около 1,5% населения страны (около 60 тыс. чел.), при этом численность последователей этой конфессии растет. Две упомянутые христианские конфессии имеют в Финляндии статус государственных, что проявляется в системе церковного налога, легитимности церковного брака и т.д.

Структура ФЛЦ представляет собой 9 епархий с 412 приходами (на 2015 г.), объединенными в простерии (благочиния) для удобства управления. Особый статус – архиепархия – носит епархия с центром в Турку, бывшем Або, где сейчас пребывает глава Финляндской Лютеранской Церкви²⁵.

²³ Зудов Ю.В. Лютеранская Церковь в Дании в условиях религиозного плюрализма // Истоки: религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Т. 13. Владимир–Москва, 2005. С. 100–102.

²⁴ Там же. С. 101.

²⁵ Балабейкина О.А. Традиционные христианские конфессии Финляндии: территориальный аспект // Известия РГО. Вып. 5. СПб., 2014. С. 56–62.

Финские лютеранская и православная церкви существуют частично за счет церковного налога, уплачиваемого прихожанами из их ежемесячного дохода. Необходимо отметить, что применение грамотной системы налогообложения обусловлено жесткой структурированностью конфессионального пространства лютеранства и православия, что, к тому же, позволяет вести статистический учет прихожан.

Таким образом, ФЛЦ и ФПЦ имеют государственный статус, который, однако, не означает их влияния на формирование государственной политики. Более того, эти церкви пользуются большой автономией, начавшей утверждаться еще в 1923 году²⁶.

В 2003 г. в Финляндии вступил в силу новый Акт, регламентирующий религиозно-правовые отношения. Для этого было несколько причин. Во-первых, с 1970-х гг. Финляндия ратифицировала несколько международных соглашений о правах человека, включающих обновленные определения свободы вероисповедания. Во-вторых, 75-летний Акт о свободе религии был признан устаревшим. В-третьих, была обновлена Конституция, вступившая в силу 1 марта 1995 года, которая содержит статью 11 о свободе «религии и совести».

Логическим обоснованием нового Акта является идея о реальной свободе вероисповедания. Религия понимается не только как личный выбор конкретного человека, но и как часть традиций общества. Функцией государства является обеспечение этой свободы и создание предварительных условий для ее реализации.

Интересен вопрос религиозной принадлежности новых членов общества, в частности, детей. Согласно настоящему Акту, деноминация ребенка определяется автоматически в соответствии с деноминацией его родителей (или опекунов). В этом отношении действие Акта нейтрально, оно указывает лишь на то, на ком лежит ответственность за принятие решения о деноминации ребенка.

Также небезынтересным является факт возможности быть членом нескольких религиозных объединений сразу. Однако большинство из них не принимает уже вошедших в другие общины.

Таким образом, в странах Северной Европы принадлежность к лютеранству для титульного населения остается значимым средством самоидентификации, хотя секуляризационные и миграционные процессы привели к трансформации конфессиональной структуры этих государств.

²⁶ Kimmo Kääriäinen, RELIGION AND STATE IN FINLAND, *Nordic Journal of Religion and Society* (2011), 24 (2): 155–171.

Литература

1. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. № 3. С. 113–127.
2. Зудов Ю.В. Лютеранская Церковь в Дании в условиях религиозного плюрализма // Истоки: религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Т. 13. Владимир–Москва, 2005. С. 100–102.
3. Балабейкина О.А. Традиционные христианские конфессии Финляндии: территориальный аспект // Известия РГО. Вып. 5. СПб., 2014. С. 56–62.
4. Kimmo Kääriäinen, RELIGION AND STATE IN FINLAND, Nordic Journal of Religion and Society (2011), 24 (2): 155–171.
5. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor International Religious Freedom Report for 2014. Режим доступа: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (проверено по состоянию на 5 ноября 2017 года)
6. <https://www.svenskakyrkan.se/economyandfinance> – Официальный сайт Шведской лютеранской церкви. Финансовый отчет за 2014 г. (Дата обращения 20. 11. 2017 г.)

О.А. Balabeykina, М.О. Tyurikova
Saint-Petersburg State University of Economics
V.Y. Netsvet
Peter the Great Saint-Petersburg
Polytechnic University

Confessional identity of the population of Northern Europe as an example of self-identification method

Abstract. The article considers the confessional structure of the Nordic countries: Sweden, Finland, Denmark. Particular attention is paid to the legal status of confessions in these countries as determining factor of percentage of religious population. It is argued that Lutheranism remains the dominant religion in these countries despite the great secularization influence on society. Confessional identity is significant for citizens of the Nordic countries as a way of cultural self-identification. Modern trends towards the transformation of religious space are also designated.

Keywords: religious affiliation, self-identification way, religions of the Nordic countries, Lutheranism in Northern Europe.

С.Н. Большаков
ФГОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»,
ГОУ ВО «Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина»
snbolshakov@mail.ru

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ И ПОИСКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития национального государства и наднациональных союзов, на примере стран ЕС анализируются факторы, влияющие на идентичность регионов и стран Европейского континента. Анализируются институциональные аспекты, формирующие Европейский Союз, и степень их влияния на идентичность единой Европы.

Ключевые слова: национальное государство, идентичность, государственное управление, наднациональные союз, федерализм.

Либерально-демократическая теория, исключая «демократию участия», возможную в относительно малых единицах, свела демократию лишь к ее представительской версии: это создало разрыв между депутатами – профессиональными политиками и теми, кого они представляют.

Даже последние защитники централизованного государства – либеральные теоретики – вынуждены признавать кризис «управляемости» и «ответственности»²⁷.

Существуют простые тесты, определяющие, в какой мере проект носит подлинно федералистский характер. Первое, принимает ли само общество решения, затрагивающее его, интересы? Второе, возвращаются ли налоги, собранные высшими инстанциями, областям и местным сообществам? Третье, проводится ли федералистский принцип, невзирая на политические предпочтения, т.е. вправе ли субъект федерации диктовать свои собственные правила, не обращаясь к помощи общенациональных инстанций? Либеральный универсализм в конечном счете готов повсеместно навязывать свою систему ценностей. Федералистская позиция нейтральна. Индивидуумы и социальные группы не могут претендовать на знание того, что лучше для других: подобная прерогатива принадлежит только членам данного конкретного сообщества.

²⁷ Фадеева Т.М. Европейский федерализм: современные тенденции. Серия «Федерализм, региональное управление и местного самоуправления». М.: ИНИОН РАН. 2000. С. 84.

Федералистская мысль всегда противопоставляла монополии «национальной идентичности» этнокультурное возрождение регионов, с одной стороны, а с другой – европейскую идентичность. Участники современных дебатов о будущем национального государства, естественно, обращаются к рассмотрению противоречивого процесса создания национальных государств, с одной стороны, и попыток установления наднациональных институтов – с другой; между ними неизбежно возникает трение, порожденное как стремлением народов к проявлению своего национального характера, так и потребностью обуздать национальные антагонизмы посредством сотрудничества, что отчасти лишает нации независимости и суверенитета.

Основная проблема современного европейского общества – каково место этничности в современной Европе? Создает ли интеграция нового европейского гражданина? Рассматривая сложные соотношения между этничностью, самоидентификацией и реальной «принадлежностью», А. Олунд (Швеция) так отвечает на этот вопрос: «Иммигранты, и, пожалуй, еще более их дети, являются «чужаками», близкими, но дистанцированными. В их поиске идентичности, унаследованной либо приобретенной, зреют новые очаги конфликта в европейских обществах»²⁸.

Экономическая интеграция начиналась с управления рынком стали, угля и сельскохозяйственной продукции на наднациональной основе. Это сотрудничество, направленное на укрепление каждого из демократических государств-участников, несомненно, достигло цели. В свете фактов А. Милворд вынужден признать, что продолжающаяся интеграция за последние 30 лет могла иметь противоположный эффект, хотя для окончательного вывода нужны эмпирические исследования.

В заключительном эссе, посвященном процессам европеизации и динамики национального государства, И. Ольсен (Норвегия, университет Осло) воспроизводит третью линию. Исследователи интеграционного процесса в Европе должны ставить более ограниченные вопросы, например, что дает стране присоединение к Европейскому союзу или неучастие в нем. Процессы европеизации означают совершенно разные вещи для малых, слабых и этнически однородных стран и для больших, сильных и разнородных держав.

Сегодня серьезным испытанием для европейской идентичности стали, с одной стороны, угроза растворения в процессе мондиализации, а с другой – подъем партикуляризованных национального, регионального, этнического и религиозного толка.

²⁸ The future nation-state: Essays of cultural pluralism and political integration / ed. by Gustaffson S., Lewin L.- L., N.-Y., 1996. P.101.

Современные либералы, опираясь на классическое наследие, несмотря на разногласия, в общем едины в защите свободы личности от посягательств государства, а также в требовании конституционного правления, предоставления гражданских прав и неприкосновенности частной жизни.

Даниель Верне, заместитель главного редактора газеты «Ле Монд» отмечает, что лозунг Европейского Союза – единство в разнообразии. И одной из целей европейских институтов является как раз формирование демократической среды, единство и уважение разнообразия членов Союза не только на уровне государств, которые его составляют, но также на региональном и местном уровнях. Когда мы говорим о европейских институтах, то имеем в виду треугольник, который состоит из Европейской комиссии, Европейского Союза и Европейского парламента. Европейская комиссия – это высший орган исполнительной власти ЕС. Европейский союз представляет государства, это так сказать Сенат, в чем-то напоминающий российский Совет Федерации. А Европейский парламент представляет граждан объединенной Европы. Эта конструкция оригинальна. Если мы возьмем классические учебники конституционного права, то не найдем там примеров такого устройства. Бывший председатель Европейской комиссии Жак Делор говорил, что Европейский Союз трудно идентифицировать, и проводил параллель с летающими тарелками, о которых все знают, но никто их не видел. Так и названные институты ничему известному в прошлом не соответствуют. Европейский Союз – не государство, не федерация государств, хотя в нем и есть элементы федерации. Например, Европейский центральный банк, который управляет единой европейской валютой. Этот институт как раз федерального уровня.

Евросоюз – и не конфедерация, а нечто совершенно новое, не известное в прошлом. Опять же, цитируя Жака Делора, скажем, что ЕС – это скорее федерация государств-наций»²⁹. Комитет регионов ЕС следит за соблюдением принципа субсидиарности, записанного в Маастрихтском договоре. Этот старый церковный термин ввел Жак Делор еще в конце 1980-х гг. Сегодня в юридическом смысле слова субсидиарность означает, что в рамках ЕС решения должны приниматься на уровне, наиболее близком к гражданам, что очень важно. Однако идет постоянная дискуссия о дефиците демократии в Европе, потому что у граждан ЕС создается впечатление, что решения принимаются в Брюсселе, а демократическая процедура Еврокомиссии играет роль лишь некоего декора. Комиссия представляется далекой от простых граждан, и только некоторые ее директивы

²⁹ Верне Д. Европа регионов // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. М. № 3-4(53). 2010. С. 103.

вливают на их непосредственную жизнь. Есть такой карикатурный пример вопроса, рассматриваемого Комиссией: каким должен быть огурец, который продается во всех 27 странах ЕС? Это, конечно, карикатура, но принцип субсидиарности как раз и должен противостоять тенденции к излишней централизации в рамках ЕС, для того чтобы принимаемые решения были как можно ближе к гражданину.

Создание ЕС произошло благодаря региональной политике, которая, естественно, была направлена в первую очередь на выравнивание различий в уровне жизни разных субъектов, входящих в Союз. Для решения этой масштабной задачи в свое время были разработаны соответствующие программы и созданы фонды, в которые, в частности, только с 2008 по 2013 г. вложено 350 миллиардов евро. Эта сумма распределяется между странами ЕС по различным критериям. Но в итоге самые богатые регионы, разумеется, получают меньше, чем самые бедные. Например, Франция за это время получит приблизительно только 13 миллиардов евро в региональные фонды, а Польша – 60 миллиардов³⁰.

Глухарев Л.И. пишет, что с 52 «Христианская Европа» в понимании католических богословов является духовной основой интеграционных процессов; христианство – путь и средство решения стоящих перед Европой проблем. Христианская религия с ее верой, морально-этическими ценностями, идеями солидарности, равенства и братства рас и народов, культур, концепция прав человека создают условия для объединения. Католическая концепция «христианской Европы» исходит из того, что границы Европы совпадают с границами распространения христианства, и поэтому христианская религия должна стать духовной основой интеграционных процессов. С их точки зрения, будущая Европа – Европа духовная и христианская, и идентичность Европы невозможна без христианства. В христианстве они видят динамичный фактор развития Европейского Союза, поскольку христианская религия с ее верой и ценностями, идеями равенства и братства рас и народов, культур создает условия для динамичного и стабильного развития интеграционных процессов. «Сегодня вера в Христа является единственным средством сближения всех народов», – пишет католическая газета «Le Croix»³¹.

Экономическая и политическая интеграция – это лишь части процесса, а духовной, морально-нравственной основой является христианство, без которого невозможны ни идентичность, ни солидарность, ни «европейское благо». П. Козловский пишет, что «федеральное, транснациональное Европейское государство» (по сути, Соединенные Штаты Евро-

³⁰ Верне Д. Европа регионов // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. М. № 3-4(53). 2010. С. 104.

³¹ «Le Croix».29.05.1990.

пы) должно быть основано на христианстве, являющемся общим историческим наследием европейских наций, источником его духовного единства и культурного синтеза. Он добавляет, что христианство не только европейская, но, универсальная мировая религия, и как таковая она может быть культурным посредником между Европой, мировым сообществом и различными цивилизациями³².

Выступая с концепцией «этики европейской гражданственности», протестантская доктрина исходит из необходимости существования демократического правового государства, свободы личности, светскости политики и суверенитета государства, а также автономии разума.

Известный философ и протестантский теолог П. Рикер в своем эссе «Будущий это с для Европы»: рассматривает Европу XXI в. с морально-нравственных и ментальных позиций, впрочем подчеркивая, что ее институциональная структура не будет прототипом ни государств-наций, ни федеральных государств типа Швейцарии, Германии или США. Будущее Европы он видит как проблему взаимодействия и противодействия двух полюсов: идентичности как некоей устойчивой общности и изменчивости этой общности (*identite et alterite*). Европа представляет два этих различных полюса, между которыми интеграция невозможна, но возможны некая «медитация», посредничество и поиск взаимопонимания. Европа – плюрализм культур, образа жизни, ментальности, этики, духовных взглядов и норм поведения.

Следующий этап и модель П. Рикер обозначает как «обмен памятью». Здесь он рассматривает проблему идентичности как некую сложившуюся в ходе исторического повествования индивидов, этнических групп и целых народов. Он называет это повествовательной идентичностью, сложившейся в ходе исторического развития и ее изложения на протяжении поколений. В то же время он подчеркивает, что эта повествовательная идентичность не является фиксированной, застывшей категорией, изменяющейся в зависимости от противоречивого хода исторических событий и могущей быть изложенной в другом контексте. Необходимо, считает он, про извести обмен памятью в ее различных пониманиях, и это «не является историческим грехом», а поиском нового осмысления исторических событий³³.

Интеграционный процесс в Европе, эффективно не решив свое социальное измерение, столкнулся с расовыми и цивилизационными проблемами и ставшими глубинной причиной «кризиса предместий», этнических

³² Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов. М. Изд-во «Крафт+». 2006. С. 52.

³³ Глухарев Л.И. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов. М.: Изд-во «Крафт+». 2006. С. 52, 58.

агломераций, по существу кризиса этнических общин, кризиса цивилизаций. Интеграционные процессы в Европе, очевидно, не являются панацеей от цивилизационных кризисов. Пройдя этапы торговой, экономической, валютной интеграции, продвинувшись по пути политической интеграции, Европейский Союз оказался в тупике цивилизационного разлома и неспособности его преодолеть путем социальной интеграции.

В Европейском Союзе валютно-экономическая интеграция и политическая унификация не привела к социальной и духовной интеграции этнических меньшинств и коренного населения стран ЕС. Они сохраняют собственные цивилизационные качества и традиции и демонстрируют определенную культурную и религиозную отчужденность.

Часть аналитиков считает, что «глобальный рынок и сопутствующая ему либерально-демократическая культура становятся благотворной социальной силой и ведет к становлению гармоничного мирового порядка. «Либерализм – средство установления равенства и большей социальной справедливости», – считает президент центра исследований и политических акций Франции Н. Тензер, – «И глобализация – единственный шанс на пути социального и политического прогресса». Этой неолибералистской концепции оппонируют дирижисты, считающие, что в ходе глобализации национальные правительства перестают быть центрами принятия решений, все подчиняется «всемирному рынку, стихийному и непрогнозируемому», что ведет как к социальной дисгармонии, так и гражданскому противостоянию. Сторонником «альтернативной глобализацию» с позиций социально-рыночной концепции выступил экс-премьер-министр Франции социалист А. Жупэн, по мнению которого свободная торговля – «средство создания благосостояния», но необходимое при этом регулирование способно «навязать другой тип глобализацию»³⁴.

Федеративная система в Европе столкнулась бы с необходимостью одновременного решения проблемы лидерства и уже давно испытываемого дефицита демократии в принятии решений. Власть и легитимность должны идти рука об руку. Преследующая Евросоюз нехватка эффективных лидеров (за исключением кризисных ситуаций) самым непосредственным образом связана с излишне тонкой прослойкой демократии на его фасаде. Как и в других вопросах, Евросоюзу следует не «играть в догонялки», а стараться играть на опережение, применяя имеющиеся в наличии модели. Политическая интеграция Европы должна быть направлена прежде всего на исправление уже существующих серьезных недостатков Евросоюза, а не на то, чтобы плодить новые. Подход к вопросам лидер-

³⁴ Цит. по Глухарев Л.И. Европейская интеграция как цивилизационный процесс// в кн. «Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов». М.: Изд-во «Крафт+», 2006. С. 114.

ства и демократии не должен быть чисто формальным – иными словами, касаться лишь выборных механизмов. Фундаментальной целью должна стать задача снижения бюрократичности.

В настоящей своей форме каждый из основных руководящих институтов Евросоюза подвержен структурным проблемам, как подвержены им и отношения между данными институтами. В системе ЕС, значительная часть реального процесс, а принятия решений приходится на Европейский совет и Совет Европейского Союза. Однако институты эти мало известны общественности, а их рабочие механизмы недостаточно широко освещаются.

Роль Еврокомиссии не ограничивается реализацией решений, принимаемых кем-то еще. Она и сама принимает множество решений, однако обладает незначительными полномочиями по действенной реализации своих стратегических программ. Такое необычное положение Еврокомиссии – одна из главных причин существования «бумажной» Европы.

Логическим выводом для политических процессов должно было бы стать принятие на вооружение Евросоюзом электронных форм прямого участия граждан в данных процессах. Как и повсюду в мире, подобная форма взаимодействия активно обсуждается как в Еврокомиссии, так и в экспертных кругах. Одним из выдающихся примеров здесь может служить реализующаяся с 2012 г. Европейская гражданская инициатива, учрежденная Лиссабонским договором. Суть данной программы заключается в том, что собравшая миллион подписей законодательная инициатива может быть передана на рассмотрение Еврокомиссии при условии, что подписантами будут граждане ЕС менее четверти от общего числа государств ЕС.

Сбор подписей осуществляется в основном в Интернете. Первой такой успешной инициативой стала петиция о запрете продажи предприятий коммунального водоснабжения в частные руки. Несмотря на потенциально возможную пользу от нее, Европейская гражданская инициатива не в состоянии подменить собой участие граждан в политических процессах на ежедневной основе. Данный механизм не может похвастаться мгновенностью общения, свойственной постоянно эволюционирующей сфере цифровых технологий с ее бесчисленными социальными сетями – *Twitter*, *Facebook*, *YouTube*, *TUMBLR*, *Pinterest* и т.д. Пока интегрировать их с существующими механизмами участия граждан в политических процессах не удалось никому³⁵.

Когда Герберт Маршалл Маклюэн выдвинул концепцию «всемирной деревни», он оказался более прозорлив, чем мог себе представить. Подоб-

³⁵ Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем*. М. ИД «Дело», 2015. С. 50-51.

но тому, как это случается в деревне, все обо всех всё знают, и утаивать секреты долгое время практически не удается.

Европейцы, живем сегодня не просто в системе представительной демократии, а в демократии, получившей название мониторинговой. «Мониторная демократия» означает более-менее постоянное и внимательное отслеживание действий служебных лиц, при этом не только в сфере государственного управления, но и в других областях, включая бизнес и экономику.

Опросы общественного мнения в Швеции показывают, что граждане сегодня осведомлены о политиках и политике больше, чем в других странах Европейского союза. Муниципальные и парламентские выборы происходят у нас в один день, в них участвуют 81-82 процента населения. Избиратели ведут себя активно, хотя активность самих политических партий в настоящее время гораздо ниже, чем 40 лет назад. Но в то же время становится все больше групп местных активистов. Во многих современных обществах распространено противопоставление «мы» и «они». «Мы» – это граждане, а «они» – это государство и бюрократы. Люди не доверяют властям, стремятся обмануть государство, чтобы не быть обманутыми. Скандинавские же страны отличает высокий уровень доверия государству. Граждане доверяют местным ассамблеям и профсоюзам, потому что они сами участвуют в распределении полномочий³⁶.

Глухарев Л.И. пишет, что «Лиссабонская стратегия предусматривает широкое реформирование промышленной структуры стран ЕС, экономический рост, занятость, улучшение качества жизни и экологии и рассматривается как «стратегия экономического роста и социальной гармонии». Инвестиции в человеческий капитал, улучшение условий труда, мобильность научных кадров и рабочей силы, занятость в условиях растущей миграции и одновременно нехватки квалифицированного человеческого капитала – таковы ключевые понятия Лиссабонской стратегии. Поставив задачу создания общего образовательного пространства, разработчики Лиссабонской стратегии предусматривают повышение качества и эффективности образования. Совершенствование человеческого капитала в условиях трансформирующейся образовательной системы должно идти путем углубления профессиональной подготовки, равно как и общей культуры. Предусматривается более широкое техническое оснащение и всеобщий доступ к информационным

³⁶ Веттерберг Г. Глобальный капитализм и социальное благополучие – шведский опыт // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. М. № 3-4(53). 2010. С. 137.

технологиям, коммуникационным сетям, Интернету, а также особый отбор кадров в сфере новейших отраслей³⁷.

Амбициозная Лиссабонская стратегия, реализация которой уже сталкивается с серьезными трудностями, имеет некоторые качественные особенности, которые следует подчеркнуть. Она основана на гуманистических традициях и ценностях Европейской цивилизации. Эта стратегия декларирует необходимость раскрытия креативных возможностей человеческого потенциала на основе Социальной модели, предусматривающей равенство возможностей, равный доступ к образованию, приобщение к культуре и искусству граждан и не граждан Ее, движение к новому качеству жизни. В равной степени она ориентирована и на гражданское общество с демократическими свободами, нивелирование неравенства, движение к культурному многообразию. Лиссабонская стратегия провозглашает борьбу с дискриминацией, социальной отчужденностью, классовым противостоянием, предполагает построение гражданского общества на основе солидарности и коллективных действий всех стран ЕС.

Глубинный смысл «Лиссабонского процесса» (как его называют в западной печати) как регионализации сферы науки и образования предусматривает не только модернизацию европейской экономики на основе знаний; он ставит также геополитические задачи возрождения мировой роли западной науки и образования в современных условиях острой конкуренции многополярности научных и образовательных центров.

Именно экономические причины были приведены премьер-министром Дэвидом Кэмероном в речи, посвященной членству Великобритании в ЕС, он подтвердил, что у Британии «характер островной нации», ревностно относящейся к любым посягательствам на ее суверенитет. В то же время Великобритания – это страна, которая «тянется к другим. Лицо которой повернуто к миру...» Основа фундамента ЕС в глазах Британии – это «скорее единый рынок, а не единая валюта». У членов ЕС существует обязательство «создания устоев еще более тесного союза между народами Европы». Великобритания, отметил Кэмерон, уважает желание других следовать этой цели, однако Великобритания – а возможно, и кто-то еще – подобной задачи перед собой не ставит. Кэмерон признал, что в существующих условиях еврозоне следует идти своим путем при «более тесной экономической и политической интеграции». Однако Великобритания «никогда не будет стремиться» стать частью еврозоны. Вместо этого ее усилия будут направлены на достижение новых договоренностей – если не со всеми членами ЕС, то с их значительной частью, кото-

³⁷ Глухарев Л.И. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов. М.: Изд-во «Крафт+». 2006. С. 161.

рые позволили бы ей идти отличным от выбранного большинством пути. Населению будет предложено высказаться по данному вопросу на предусмотренном к проведению в конкретные сроки референдуме³⁸.

Текст программы «Европа-2020» отличается детализацией и размахом. Однако, как и в случае с «Лиссабонской стратегией», стратегия «Европа-2020» стратегией не является. Почти весь текст объемного документа, в котором она определена, посвящен вопросам «что», но не «как». В документе нашла отражение ограниченность реальной власти ЕС. Он до ужаса напоминает уже ставший историей лиссабонский документ: много амбиций при недостатке средств реализации поставленных задач. Подобная ситуация не может не вызывать беспокойства: неудача с реализацией «Лиссабонской стратегии» была не просто вопросом «бумажной» Европы. Она стала одним из корней сегодняшнего кризиса. В своем подробном анализе «Лиссабонской стратегии» Еврокомиссии пришлось признать свою неспособность достигнуть хотя бы одну из главных целей Стратегии. Относительно же положительных изменений, которых удалось добиться – по крайней мере, в период до 2008 г., – сказать с определенностью, удалось ли их добиться именно благодаря Стратегии, нельзя: изменения эти стали достоянием передовых стран Союза, но не отстающих. Еврокомиссия утверждает о наличии свидетельств того, что «Лиссабонская стратегия» сыграла заметную роль в стимулировании реформ, однако самих этих свидетельств представлено не было.

S.N. Bolshakov

Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
Leningrad State University named after A.S. Pushkin

The future of Europe and the search for European identity

Abstract. The article examines the problems of development the national state and supranational unions, the example of EU countries analyzes the factors influencing the identity of the regions and countries of the European continent. The institutional aspects shaping the European Union and the degree of their influence on the identity of a single Europe are analyzed.

Keywords: national state, identity, public administration, supranational union, federalism.

³⁸ Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем.* М.: ИД «Дело». 2015. С. 62.

А.Г. Браницкий
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
abranitskiy@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕС К ЕВРОСОЮЗУ И ПРОБЛЕМА «ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»

Аннотация. Даны результаты сравнительного исследования отношения стран – членов ЕС к Европейскому Союзу, в особенности – отношения граждан ЕС к европейской интеграции. Поднимается проблема европейской (и «малоевропейской») идентичности в условиях роста евроскептицизма. Изучаются различные мнения по поводу границ «Малой Европы» и «Большой Европы», предлагается оригинальное наполнение данных концептов. Работа, в целом, носит конструктивистский характер с широким использованием цивилизационного и геополитического подходов к проблеме.

Ключевые слова: европейская интеграция; Европейский Союз; европейская идентичность; евроскептицизм; страны – члены ЕС; «Малая Европа»; «Большая Европа»; европейские ценности; европейское гражданство.

Важнейшей проблемой Европейского Союза является поиск оптимальной формулы взаимодействия «европейской идентичности» и идентичности национальной (а в некоторых странах – еще и региональной). Умеренные националисты (особенно в таких государствах, как Венгрия и Польша) утверждают деление населения Европы на нации в качестве основного³⁹. С другой стороны, лица, принимающие решения в ЕС, занимаются «промыиванием мозгов» в пользу узко понимаемой «европейской идентичности» (которая, по сути, является «малоевропейской»). Дело в том, что «европейскую идентичность» можно понимать самым различным образом. «Евробарометр», в частности, выделяет четыре уровня «привязанности» респондента: «город/деревня», «страна», «Европейский Союз», «Европа».

В принципе, действительно, можно выделить «Малую Европу» (страны – члены ЕС) и «Большую Европу» (страны – члены Совета Европы). Но и такое деление будет не совсем точным. В «Малую Европу» фактически входят не только страны – члены ЕС, но и страны – члены ЕАСТ, а также некоторые малые европейские страны (Андорра, Монако, Вати-

³⁹ Smith, A.D. National Identity. - R.: University of Nevada Press, 1991. - P. 74.

кан, Сан-Марино). Признанные страны – кандидаты в ЕС разумнее отнести к «Большой Европе» вместе с Боснией и Герцеговиной, так как в ближайшее время не предвидится очередного расширения Союза. Кроме того, в «Большую Европу» необходимо включить Беларусь, которая членом Совета Европы не является. Остается вопрос, насколько «европейскими» являются такие государства, как Турция и Азербайджан. И хочется спросить: «Можно ли чувствовать себя европейцем – и одновременно отвергать основные европейские ценности?». В любом случае, ясно, что чувствовать себя «европейцем» – это далеко не то же самое, что чувствовать себя «гражданином ЕС».

Институт европейского гражданства поддерживает иллюзию того, что в Евросоюзе уже сформировался некий «многонациональный европейский народ» с едиными ценностями, общими историей и культурой, интересами и устремлениями. Официальный девиз ЕС "United in diversity", который переводится на русский как «единство в многообразии»⁴⁰, означает, что европейцы едины в совместной работе на благо мира и процветания, а также то, что множество различных культур, традиций и языков Европы являются ее богатством, а не проблемой⁴¹. Реляционная парадигма идентичности рассматривает любую коллективную идентичность как отношения между «своими» и «чужими»⁴² (в нашем случае – между «европейцами» и «не-европейцами»). Но маркеры для европейцев «Малой Европы» и европейцев «Большой Европы» существенно отличаются, а европейская метацивилизация состоит из трех сравнительно самостоятельных цивилизаций: Северной протестантской, Южной католической и Восточной православной. Кроме того, виртуальная «европейская идентичность» пока еще слишком слаба, чтобы бороться «на равных» с идентичностью национальной.

В последнее десятилетие в Европе заметно растет число «евроскептиков». К моменту вступления Договора о Европейском Союзе в силу (в ноябре 1993 г.) самыми убежденными «европейцами» были итальянцы (70%), французы и бельгийцы (по 65%). Хуже всего ситуация была в Великобритании, где «только британцами» назвали себя 59% опрошенных, а «европейцами» – 37%⁴³. В настоящее время мы наблюдаем за так называемым «Брекзитом», а «Евробарометр» продолжает регулярно измерять

⁴⁰ По-болгарски все же точнее: «Обединен в многообразието».

⁴¹ The EU motto // URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/motto_en (дата обращения: 02.12.2017).

⁴² Jenkins, R. *Social Identity* /R. Jenkins. - L., N.Y.: Routledge, 2008.

⁴³ Standard Eurobarometer 40. Public opinion in the European Union. December 1993. - Brussels, 1993. - P.83.

установки населения стран – членов ЕС (а также признанных стран – кандидатов на вступление) по отношению к европейской интеграции. Обычно опрос предполагает определение уровня доверия к ЕС, «имиджа» (образа) ЕС в глазах респондентов, а также степени оптимизма опрашиваемых по отношению к будущему Союза и степени их «привязанности» к ЕС и Европе (в целом).

В мае 2017 г. доверяли Евросоюзу только 42% опрошенных в 28 странах – членах ЕС, а не доверяли – целых 47%. Среди 15 стран-членов, в которых большинство респондентов доверяли ЕС, лидировали Литва (65%), Люксембург (61%) и Финляндия (59%). В Румынии, Мальте, Дании, Эстонии, Португалии, Болгарии и Ирландии уровень доверия превышал 50%. В Нидерландах, Швеции, Латвии, Германии и Хорватии общее количество доверяющих превышало количество недоверяющих. В Польше их оказалось поровну – по 44%. Среди 12 стран-членов, где большинство опрошенных не доверяли ЕС, лидировали Греция (76%), Чехия (63%) и Кипр (57%). Уровень недоверия превышал 50% в Австрии, Словении, Великобритании, Испании, Бельгии. А общее количество недоверяющих превышало количество доверяющих в Италии, Франции, Словакии и Венгрии⁴⁴.

В настоящее время в большинстве стран-членов сложился «нейтральный» образ ЕС. Среди стран-членов, где у большинства респондентов в мае 2017 г. был отмечен позитивный образ Союза, лидировали Ирландия (58%), Люксембург (57%) и Болгария (55%). В эту же группу входили Португалия, Литва и Румыния. Преимущественно негативный образ ЕС был отмечен только в Греции (47%)⁴⁵. Однако и здесь можно заметить положительную динамику. В октябре 2016 г. в Греции негативно относилось к Европейскому Союзу 54% населения страны⁴⁶.

Большинство респондентов в мае 2017 г. было настроено оптимистично по отношению к будущему ЕС в 24 странах-членах – с наивысшими результатами в Ирландии (77%), Люксембурге (73%) и Мальте (71%). Пессимистический взгляд на будущее Союза преобладал в Греции (69%), Кипре (52%), Чехии (51%). Интересно отметить, что в Великобритании – несмотря на «Брексит» – оказалось 39% оптимистов (против 49% пессимистов)⁴⁷.

⁴⁴ Standard Eurobarometer 87. Public opinion in the European Union. Spring 2017. First results. - Brussels, 2017. - P. 14-15.

⁴⁵ Ibid. - P. 19.

⁴⁶ Special Eurobarometer 451. Future of Europe. Summary. Fieldwork October 2016. - Brussels, 2016. - P. 15.

⁴⁷ Standard Eurobarometer 87. Public opinion in the European Union. Spring 2017. First results. - Brussels, 2017. - P. 23.

В мае 2017 г. 68% опрошенных чувствовали себя гражданами ЕС (не чувствовали – только 31%) – с абсолютным большинством в Люксембурге (89%), Ирландии (82%), Германии (82%), Мальте (82%), Дании (81%), Финляндии (81%), Польше (80%) и Португалии (80%). В Греции, напротив, 52% граждан страны не чувствовали себя одновременно и гражданами ЕС⁴⁸.

В целом, можно заключить, что в настоящее время лучше всех относятся к ЕС – и чувствуют себя «полноценными европейцами» – граждане Люксембурга. А меньше всего доверяют европейским институтам и ощущают свою связь с ЕС граждане Греции. При этом уровень информированности большинства граждан Евросоюза о механизмах его функционирования крайне низок⁴⁹. Кроме того, далеко не все граждане ЕС разделяют основные европейские ценности, служащие маркерами, отличающими «малоевропейцев» как от прочего населения «Большой Европы», так и (в еще большей степени) от «не-европейцев». Другими словами – далеко не все люди, считающие себя «истинными европейцами», объективно являются таковыми.

Литература

1. Верейски Э. Как живет в Евросоюзе? / пер. с нем. // URL: <http://stop-news.com/sobytiya-i-fakty/kak-zhivetsya-v-evrosoyuze> (дата обращения: 02.11.2017).
2. Jenkins, R. Social Identity /R. Jenkins. - L., N.Y.: Routledge, 2008.
3. Smith, A.D. National Identity /A.D. Smith. - R.: University of Nevada Press, 1991.
4. Special Eurobarometer 451. Future of Europe. Summary. Fieldwork October 2016. - Brussels, 2016.
5. Standard Eurobarometer 40. Public opinion in the European Union. December 1993. - Brussels, 1993.
6. Standard Eurobarometer 87. Public opinion in the European Union. Spring 2017. First results. - Brussels, 2017.
7. The EU motto // URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/motto_en (дата обращения: 02.12.2017).

A.G. Branitskiy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The attitude of the EU member-states citizens to the European Union and the problem of "European identity"

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the relations among the EU member-states and the European Union, especially – to the attitude of the EU citizens towards European integration. The author captures the

⁴⁸ Ibid. - P. 38.

⁴⁹ Верейски, Э. Как живет в Евросоюзе? / пер. с нем. // URL: <http://stop-news.com/sobytiya-i-fakty/kak-zhivetsya-v-evrosoyuze> (дата обращения: 02.11.2017).

issue of European identity in the face of euroscepticism rising - and examines the different views about the boundaries of the "Small Europe" and "Big Europe", proposing the original content of these concepts. He uses constructivist, civilizational and geopolitical approaches to the problem.

Keywords: European integration; the European Union; European identity; euroscepticism; the EU member-states; "Small Europe"; "Big Europe"; European values; European citizenship.

Е.В. Викторова

elena.viktorova@mail.ru

Д.А. Петренко

dariia.petrenko.1@gmail.com

Международный информационно-аналитический
центр СПбГЭУ

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ

Аннотация. В статье проанализированы исторические особенности и современная миграционная ситуация в ЕС. Дана характеристика основных институтов ЕС, занимающихся адаптационной политикой, представлены инициативы ЕС, направленные на интеграцию граждан третьих стран. Дана оценка перспективам принятия единых интеграционных мер в странах – членах Европейского Союза.

Ключевые слова: миграционные процессы, интеграционная политика, институты ЕС, общая политика, план действия по интеграции.

Миграционные процессы в ЕС

Европейская история неразрывно связана с процессом миграции. В ходе многочисленных войн, политических, социальных и экономических кризисов, региональных конфликтов происходили значительные перемещения миграционных потоков, как внутри Европы, так и между Европой и другими странами. Эти перемещения влияли на социально-экономические, политические, культурные, религиозные и другие процессы в Европе. В результате, происходило смешение культур, традиций, образовывались новые нации, менялись географические границы стран.

Одно из сильнейших обострений миграционной обстановки в Европе произошло во время Второй мировой войны, когда значимая часть населения была вынуждена покинуть свои страны в поисках спасения от нацистской оккупации или была переселена насильственно.

С 1950-х гг. Западная Европа стала принимать большое количество мигрантов из стран Восточной Европы, Азии и Африки. Прежде всего, это было связано с распадом колониальной системы, экономической и политической нестабильностью в бывших колониях, потребностью европейских стран в дешевой рабочей силе для восстановления экономики после войны. По числу прибывших иммигрантов лидирующие позиции в Европе всегда занимали Франция, Германия и Великобритания⁵⁰.

В настоящий момент Европа переживает миграционный кризис, который по своему значению может сравниться с кризисом после Второй мировой войны. Главными причинами современного кризиса выступает многократное увеличение беженцев и мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в связи с войной в Сирии, непрекращающимися войнами в Афганистане и Ираке, ростом влияния террористической организации ИГИЛ, нестабильной ситуацией в странах Африки.

По официальной статистике, на данный момент в ЕС проживет около 13 миллионов мигрантов из третьих стран, что составляет 4% населения. Ситуация обостряется тем, что распределение иммигрантов по территории ЕС крайне неравномерно. Иммигранты сосредоточены в отдельных регионах и городах и не хотят ассимилироваться даже после того, как они и их потомки становятся полноправными гражданами страны. Кроме того, мигранты прибывают из гораздо более широкого круга стран и привносят большее разнообразие языков, культур и религий, чем когда-либо в прошлом⁵¹.

Чистая миграция в Европу растет, и в настоящее время она является крупнейшим фактором демографических изменений. Некоторые европейские государства только недавно стали странами иммиграции и не имеют опыта интеграционных стратегий. Поэтому общеевропейская миграционная стратегия, разрабатываемая на уровне Европейских институтов, очень важна для совместного преодоления кризиса и успешной интеграции прибывших в страны ЕС иммигрантов, и особенно беженцев.

⁵⁰ Сапего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50.

⁵¹ Spencer S., The Challenges of Integration for the EU / S. Spencer // The online journal of migration policy institute // URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/challenges-integration-eu>

Общая миграционная и адаптационная политика ЕС

Общая миграционная политика и условия предоставления убежища в ЕС на пятилетний срок были разработаны в 1999 г. на заседании ЕС в Тампере. Согласно ей, все страны – члены ЕС обязывались следовать единым миграционным и визовым правилам. Новая пятилетняя программа, которая развивала положения предыдущей, была принята в 2004 г. В программе нашли отражение такие проблемы как регулирование легальной миграции, распределение финансов, борьба с нелегальной миграцией и международным терроризмом и пр. Все эти вопросы были систематизированы и изложены в Лиссабонском договоре о функционировании Европейского Союза, принятом в 2009 г.

Общая миграционная политика ЕС регламентирует следующие вопросы:

- условия въезда и проживания для мигрантов;
- порядок выдачи долгосрочных виз и вида на жительство;
- права мигрантов, легально проживающих в странах ЕС;
- борьба с нелегальной иммиграцией;
- борьба с торговлей людьми;
- соглашения о реадмиссии граждан, возвращающихся в свои страны.
- стимулирование и поддержка стран ЕС по содействию интеграции мигрантов.

Эти правила лежат в основе национальной миграционной политики всех стран – членов ЕС. Тем не менее, страны имеют большую самостоятельность в проведении миграционной политики, в том числе при решении следующих вопросов:

- определение числа мигрантов, которые могут быть приняты в страну в поисках работы;
- принятие окончательных решений по заявкам мигрантов;
- разработка регламента на долгосрочные визы – при проживании на срок более трех месяцев;
- условия получения вида на жительство и разрешения на работу⁵².

Адаптация иммигрантов является важнейшим компонентом успешной иммиграционной политики. Основные принципы интеграционной политики для иммигрантов в Европейском союзе были приняты Советом юстиции и внутренних дел в ноябре 2004 г. Согласно этим принципам, интеграция иммигрантов относится к базовым ценностям ЕС. Ключевыми компонентами адаптации и интеграции иммигрантов являются: занятость, базовые знания языка, истории и институтов принимающего общества,

⁵² European Commission, EU Immigration Rules// ec.europa.eu/immigration/who-does-what/more-information/explaining-the-rules-why-are-there-eu-rules-and-national-rules_en

доступ к образованию, доступ иммигрантов к государственным и частным товарам и услугам наравне с гражданами страны, установление взаимодействия между иммигрантами и гражданами государств-членов, свобода вероисповедания, участие иммигрантов в демократическом процессе.

Интеграция иммигрантов является необходимой составляющей государственной политики всех стран – членов ЕС. Разработка единых четких целей, показателей и механизмов на уровне ЕС необходимы для оценки прогресса в области интеграции в каждой отдельной стране.

Институты, осуществляющие интеграционную политику ЕС

Основными институтами, занимающимися интеграционной политикой ЕС, являются:

1. **Совет Европейского Союза** – отвечает за принятие решений и координацию действий. На встречах присутствуют главы государств каждого государства – члена ЕС. Совет принимает законы, как правило, совместно с Европейским парламентом и на основе предложений, выдвигаемых Европейской комиссией. Совет может принять решение о проведении министерских конференций по вопросам интеграции, которые призваны содействовать непрерывным политическим дебатам об интеграции на уровне министров.

2. **Европейский парламент** – законодательный орган Европейского союза, напрямую избираемый гражданами государств – членов Евросоюза. Постоянный комитет по гражданским свободам, правосудию и внутренним делам (Комитет «ЛИБЭ») является ответственным за вопросы, связанные с интеграцией иммигрантов. Для обсуждения привлекаются эксперты из постоянного Комитета по занятости и социальным вопросам. В докладах и резолюциях большое внимание уделяется проблемам женщин-мигрантов, беженцев и **интеграции иммигрантов на рынке труда**.

3. **Европейская комиссия** – исполнительный орган власти ЕС, отвечающий за подготовку законопроектов, реализацию решений Совета ЕС и Европейского парламента, контроль соблюдения правовых актов ЕС.

4. **Комитет регионов** – это политическая ассамблея, которая дает региональному и местному уровням право голоса в разработке политики ЕС. Это консультативный орган ЕС. Комиссия по гражданству, управлению, институциональным вопросам и внешним связям (Комиссия «CIVEX») отвечает за вопросы, связанные с интеграцией иммигрантов.

5. **Европейский социально-экономический комитет** – консультативный орган Европейского Союза, созданный в 1957 г., чтобы обеспечить представительство интересов разных экономических и социальных

групп. За вопросы, связанные с интеграцией мигрантов, отвечает отдел социальных вопросов⁵³.

6. Сеть национальных контактных бюро по интеграции (National Contact Points on Integration – NCPI), созданная в 2003 г., представляет собой офисы правительственных экспертов в странах – членах ЕС, отвечающих за интеграционную политику. Сеть координируется Европейской Комиссией, и направлена на содействие обмену знаниями и передовой практикой между государствами-членами и усиление координации национальных и интеграционных политик ЕС.

Дополнительные инструменты в области европейской интеграционной политики:

1. Министерские конференции по интеграции, которые проходят раз в 2-3 года, начиная с 2004 г.

2. Европейский миграционный форум (с 2009–2015 – Европейский интеграционный форум) был впервые организован в 2009 г. Европейской комиссией и Европейским экономическим и социальным комитетом для обсуждения различных вопросов, касающиеся интеграции мигрантов. До 2015 г. Форум проводился два раза в год, с 2015 – один раз в год. На Форуме обсуждается и принимается Общий план действий в области миграции.

Инициативы, направленные на интеграцию иммигрантов

Европейская комиссия как орган исполнительной власти ЕС играет значимую роль в реализации интеграционной политики. Под ее руководством разработано ряд методических документов и инструментов для реализации миграционной политики в странах-членах:

- «Руководство по интеграции для лиц, определяющих политику и специалистов-практиков» (три издания, опубликованные соответственно в 2004, 2007 и 2010 годах).

- Европейский веб-сайт по интеграции (European Web Site on Integration – EWSI), который доступен на <http://ec.europa.eu/ewsi> с апреля 2009 г. Он является инструментом обмена информацией для политиков, занимающихся интеграцией. EWSI охватывает все аспекты процесса интеграции и собирает информацию от различных заинтересованных сторон, таких как национальные министерства, местные органы власти, гражданские общества, академические круги, частные предприятия и международные организации.

- В июле 2011 г. Европейская комиссия предложила «Европейскую повестку дня» для интеграции мигрантов, из неевропейских стран, сосре-

⁵³European Commission, EU actions to make integration work // ec.europa.eu/migrant-integration/main-menu/eus-work/actions

доточив внимание на мерах по расширению участия мигрантов в экономической, социальной, культурной и политической жизни. В этой повестке также рассматривалась взаимосвязь страны происхождения и процесса интеграции.

В июне 2014 г. были утверждены «новые стратегические принципы» для пространства свободы, безопасности и правосудия на 2014–2020 гг. Согласно документу, предполагается сконцентрироваться на своевременном переносе директив ЕС в национальные законодательства государств-членов, а также с большей пользой задействовать инструменты иммиграционной политики ЕС. В соответствии с заданной линией, национальные правительства обязывались оказывать поддержку сирийским беженцам. Кроме того, в документе подчеркивалась необходимость совместных мер по борьбе с терроризмом.

В июле 2015 г. вступила в силу директива по миграционной политике, разработанная Европейским парламентом. Её цель – унифицировать процедуру приема беженцев во всех странах – членах ЕС. Предоставление статуса беженца находится на усмотрении государства, где было подано соответствующее ходатайство. При этом статус действует только на территории того государства, где был предоставлен что по оценкам Еврокомиссии, позволяет бороться с перемещением мигрантов по ЕС, но не останавливает его.

Опубликованный 7 июня 2016 г. *План действий* обеспечивает всеобъемлющую основу для поддержки усилий государств-членов в разработке и укреплении их политики интеграции, а также описывает конкретные меры, которые Комиссия будет осуществлять в этом отношении. Хотя он нацелен на всех граждан третьих стран в ЕС, в нем содержатся меры по решению конкретных проблем, с которыми сталкиваются беженцы. План включает в себя действия во всех областях политики, которые имеют решающее значение для интеграции:

- Меры до прибытия иммигрантов, включая меры по подготовке мигрантов и местных общин к процессу интеграции.
- Образование, включая меры по содействию языковой подготовке иммигрантов и их детей.
- Занятость и профессиональная подготовка, включая меры по содействию скорейшей интеграции в рынок труда и предпринимательству мигрантов.
- Доступ к основным услугам, таким как жилье и здравоохранение.

- Социальная интеграция, включая участие мигрантов в культурной жизни и борьбу с дискриминацией⁵⁴.

Таким образом, в ЕС существует большое количество институтов, занимающихся миграционной и интеграционной политикой, разработаны и приняты соответствующие законодательные акты. Однако в настоящее время наднациональное регулирование в данной сфере на территории Европейского Союза не оформлено окончательно. Этот процесс постоянно совершенствуется как в сфере совместной стратегии и законодательства, так и в сфере механизмов их реализации в странах-членах⁵⁵.

Одна из проблем реализации совместной стратегии связана с тем, что не все страны согласны выполнять общие миграционные меры. Например, разработанная Советом Министров внутренних дел ЕС система квот для перераспределения беженцев между странами-членами не была поддержана рядом стран (Венгрия, Румыния, Польша, Чехия и др.) Эти страны не хотели принимать дополнительное количество беженцев⁵⁶.

Литература

1. European Commission, EU actions to make integration work // ec.europa.eu/migrant-integration/main-menu/eus-work/actions

2. European Commission, EU Immigration Rules // ec.europa.eu/immigration/who-does-what/more-information/explaining-the-rules-why-are-there-eu-rules-and-national-rules_en

3. Spencer S., The Challenges of Integration for the EU/ S. Spencer// The online journal of migration policy institute// URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/challenges-integration-eu>

4. Потемкина О.Ю. Иммиграционная политика европейского союза: итоги и новые вызовы // Москва – 2015. - С. 10-11// eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011SC0957&from=EN

5. Сапего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50.

6. Царева Е. Миграционная политика Европейского союза // Обозреватель – Observer - 3/2014 – 2014.

⁵⁴European Commission, EU actions to make integration work // ec.europa.eu/migrant-integration/main-menu/eus-work/actions.

⁵⁵ Царева Е. Миграционная политика Европейского Союза // Обозреватель – Observer - 3/2014 – 2014.

⁵⁶ Потемкина О.Ю. Иммиграционная политика европейского союза: итоги и новые вызовы // Москва. 2015. С. 10-11// eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011SC0957&from=EN

Basic principles of general immigrants' integration policy in the EU

Abstract. The historical features and the current migration situation in the EU are analyzed in the article. The characteristics of the main EU institutions dealing with adaptation policy as well as EU initiatives aimed at integrating third-country nationals are considered. The prospects for common integration measures in the countries of the European Union are assessed.

Keywords: migration processes, integration policy, EU institutions, general policy, action plan for integration.

Е.В. Викторова
elena.viktorova@mail.ru

Д.А. Петренко
dariia.petrenko.1@gmail.com

Международный информационно-аналитический
центр СПбГЭУ

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены культурные и социальные факторы, которые лежат в основе европейской идентичности. Проанализированы результаты опросов «Евробарометра» и сделаны выводы о самоопределении граждан ЕС и их отношению к ЕС. На основе изученной информации выделены факторы, препятствующие формированию европейской идентичности.

Ключевые слова: европейская идентичность, модели идентичности, гражданство ЕС, гражданское общество, «Евробарометр», кризисы ЕС.

Европейская идентичность представляет собой сложное многоуровневое понятие, включающее такие компоненты как национальная, этническая, региональная и др. идентичности. Она не имеет четкого определения и может употребляться в различных контекстах: социальном, историческом, политическом, культурном. Термин «Европейская идентичность»

может использоваться в широком смысле, относя данное понятие к гражданам всех стран Европейского континента (От Атлантики до Урала). Начиная с 1973 года, когда была подписана Декларация о европейской идентичности, данное понятие стало трактоваться как самоидентификация жителей Европейского Союза и их осознание принадлежности к единому сообществу, а процесс формирования европейской идентичности – как политический проект ЕС⁵⁷.

Роль социальных и культурных факторов в формировании европейской идентичности

Ключевыми факторами идентичности граждан ЕС являются идея «размытой государственности» и опора на гражданство ЕС. Кроме того, институты ЕС стремятся увеличить контакты с жителями Союза, тем самым формируя элементы культурно-социальной и гражданской идентичности.

Как показывают результаты исследований Евробарометра, многие граждане ЕС идентифицируют себя не только со страной своего рождения, но и с Европейским Союзом. Тем не менее, для большинства граждан европейская идентичность не заменяет национальную, региональную или этническую идентичности. В связи с этим, важно понимать, как уровни идентичности влияют друг на друга и какие между ними связи.

Эксперты выделяют три модели идентичности, применимые к Европейскому союзу: «сквозная», «вложенная» или «Матрёшка» и «переплетённая» или «мраморный торт»⁵⁸.

В «сквозной» модели члены одной группы идентичности могут разделять характеристики с членами другой группы.

«Вложенная» идентичность или «Матрёшка» подразумевает иерархию, при которой идентичность состоит из ядра – национальной или региональной идентичности, на которое накладываются наднациональная – европейская идентичность.

«Переплетённая» идентичность или «мраморный торт» представляет собой взаимодействие и взаимовлияние различных элементов идентичности. При такой модели элементы европейской идентичности становятся частью национальной или региональной идентичности.

Успех европейской интеграции во многом зависит от того, насколько осознано европейцы будут идентифицировать себя с Европейским Сою-

⁵⁷ Declaration on European Identity, Copenhagen Summit Conference// <http://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do;jsessionid=1KGyQ1tKtTpNjBQwQh6cwgC2yLn7BJMymvTrDq5s2rD3JYR9RfGQ!243197488?docId=203013&cardId=203013> - 14 December 1973

⁵⁸ Thomas Risse. “A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres.” Cornell University Press. 2010 by Cornell University.

зом и насколько будут доверять институтам ЕС. При этом европейская идентичность не может существовать без национальной и региональной идентичностей.

Для успешной интеграции европейских стран в наднациональное объединение Европейский Союз важную роль играет идея европейского гражданства и активной гражданственности. Права граждан ЕС были законодательно закреплены Маастрихтским договором, который вступил в силу в 1993 году. При этом гражданство Европейского Союза дополняет национальное гражданство, а не заменяет его.

Гражданство ЕС позволяет свободно перемещаться внутри Союза, дало право на проживание, работу и ведение предпринимательской деятельности в любом государстве ЕС, а также на защиту интересов в других странах. Гражданин ЕС может обращаться в европейские посольства по всему миру и получать помощь, даже если конфликтная или опасная ситуация возникла далеко от Европы. Таким образом, граждане Европейского Союза могут самостоятельно выбирать, где жить и работать, национальное гражданство не ограничивает свободу их перемещений.⁵⁹ Это способствует «размыванию» границ, сближению и взаимовлиянию культур, что ускоряет формирование единой европейской идентичности.

Важным аспектом стратегии европейской интеграции является идея европейской гражданской инициативы. Инициатива позволяет гражданам ЕС обращаться в Европейскую комиссию с предложениями по различным вопросам, которыми занимается ЕС. Примерами таких инициатив могут служить: инициатива об отмене роуминга на территории ЕС, о доступе граждан к питьевой воде и о защите поставок воды и управления водными ресурсами от законов рынка⁶⁰.

Институтами ЕС разрабатываются стратегии по поддержке гражданского общества (План действий ЕС 2015–2019: права человека и демократия», «План действий ЕС по интеграции граждан третьих стран»), в рамках которых формируются программы («Европа для граждан», «Права, равенство и гражданство 2014–2020», «Креативная Европа» 2014–2020 и др.). С ростом активности гражданского общества в жизни ЕС возрастает и доверие институтам ЕС, а также осознание принадлежности к Европейскому Союзу. Тем не менее, большинство экспертов говорят о том, что представители гражданского общества больше идентифицируют себя с конкретным государством, нежели с Европейским Союзом. Таким обра-

⁵⁹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of The European union, Official Journal of the European Union// <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT> - 2012 г.

⁶⁰ Официальный сайт программы «Европейская гражданская инициатива» // <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/welcome>

зом, можно сделать вывод, что единое гражданское общество ЕС пока развито не достаточно.

Значительное место в процессе формирования единой европейской идентичности занимает культурный фактор. Согласно опросам общественного мнения граждан ЕС, культура и культурные факторы относятся к ключевым ценностям ЕС. Большинство жителей ЕС (89%) выражают необходимость в развитии культурного сотрудничества в Европе при сохранении национальной культуры⁶¹.

Сближению культур и взаимопониманию способствует так же академическая и социальная мобильность молодежи, сотрудничество между вузами ЕС. Благодаря Болонскому процессу, который начался в 1999 году после подписания Болонской декларации, создано единое европейское пространство высшего образования, в состав которого входит и Россия. Болонский процесс способствовал сближению и гармонизации систем высшего образования стран-участниц. Одной из основных целей процесса является «содействие мобильности путём преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения».⁶² Такая система упрощает перемещение студентов, преподавателей и исследователей на территории Европы и стран, подписавших Болонскую декларацию, включая Россию. Формирование единого образовательного пространства содействует и формированию единого рынка труда и свободному перемещению специалистов с высшим образованием, так как единые стандарты образования позволяют готовить выпускником с едиными стандартами к уровню компетенций по одинаковым специальностям.

Мобильности студентов и преподавателей способствует программа Erasmus+. Программа направлена на поддержку сотрудничества в области высшего образования, профессионального обучения, молодежи и спорта. В сфере высшего образования программа включает в себя следующие направления:

- Мобильность для студентов и преподавателей.
- Сотрудничество для развития потенциала университетов,
- Развитие европейских исследований.⁶³

⁶¹ Public opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 89, Annex// <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180> - 2018

⁶² Зона европейского высшего образования, Совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 года

⁶³ Национальный офис Erasmus + в России// <http://erasmusplusinrussia.ru/index.php/ru/home-ru-ru>

Программы мобильности, а также научное сотрудничество университетов очень значимы для налаживания межкультурного диалога, взаимопонимания и предотвращения конфликтов.

Европейская идентичность сегодня и кризисы ЕС

Как показывают данные опросов Евробарометра⁶⁴, в марте 2018 года 40% граждан ЕС были настроены оптимистично по отношению к Союзу. Наиболее высокие результаты были в Ирландии (64%), Бельгии (56%) и Люксембурге (54%). Пессимистического взгляда на ЕС придерживаются граждане Греции (37%) и Чехии (30%). Значительная доля жителей ЕС выразила нейтральное отношение, и только 20% заявили о негативном отношении к ЕС.

Кроме того, 45% граждан ЕС считают, что Европейский Союз сейчас движется в неправильном направлении. В Бельгии, Чехии, Германии, Франции, Венгрии такого мнения придерживаются более 50% опрошенных, а в Греции показатель достигает 65%. Положительно оценивают развитие политики ЕС 30% респондентов с наивысшими показателями в Ирландии (58%), Литве (48%), Португалии (46%) и Румынии (46%).

В марте 2018 г. 70% опрошенных чувствовали себя гражданами ЕС. Наиболее высокие показатели были достигнуты в Люксембурге (93%), Ирландии (85%), Германии (84%), Португалии (83%), Франции (82%). В Болгарии и Греции гражданами ЕС чувствуют себя только 50% опрошенных.

Таким образом, можно сделать вывод, что лучше всего относятся к ЕС и чувствуют себя полноценными гражданами жители Люксембурга и Ирландии. Наименьшее доверие к Союзу в Греции⁶⁵.

В настоящее время Европа столкнулась с рядом кризисов: миграционный, экономический, солидарности – которые осложняют процесс формирования единой идентичности. Всё большую популярность приобретают движения за независимость в некоторых регионах Европы и евроскептицизм. Следует отметить, что трудности формирования общеевропейской идентичности объясняются многообразием национальных идентичностей стран – членов ЕС.

Экономический и миграционный кризисы, с которыми столкнулась Европа, нанесли ощутимый удар по европейской идентичности. Экономический

⁶⁴ Public opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 89, Annex// <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180> - 2018

⁶⁵ Public opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 89, Annex// <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180> - 2018

ческий кризис показал, насколько велико неравенство между богатыми и бедными государствами в составе ЕС. А большой поток иммигрантов из стран Африки, Ближнего Востока и Азии расширил культурное, религиозное, этническое и расовое разнообразие европейцев, усложнив тем самым и понимание идентичности в Европе. Как показывают данные «Евробарометра» двумя наиболее важными проблемами, с которыми сейчас сталкивается ЕС, по мнению граждан ЕС, являются иммиграция (38%) и терроризм (29%). При этом в Чехии, Дании, Эстонии, Венгрии и Мальте иммиграцию называют одной из самых серьезных проблем более половины респондентов. Терроризма боятся больше всего в Латвии, Чехии, Польше и Греции (более 40%).

Кризис европейской солидарности заключается в несогласии между европейскими странами по вопросам помощи беженцам⁶⁶.

Всё это приводит к росту евроскептицизма и сепаратистских движений, что в свою очередь может вызвать процесс дезинтеграции. Наиболее ярким примером проявления этих процессов может служить референдум о выходе из ЕС Великобритании – Brexit. Однако многие эксперты полагают, что другие страны ЕС не последуют примеру Великобритании. Более того, в социальных сетях и прессе всё чаще появляется термин Regrexit, который обозначает сожаление британцев о решении выйти из состава ЕС.

Таким образом, формирование европейской идентичности осложняется такими факторами как:

1. Традиционное для Европы региональное самосознание. Исторически в Европе высок уровень региональной идентичности. Внутри стран выделяются регионы со своими особыми культурой, традициями и зачастую даже языком. Наиболее ярким и известным примером может служить Каталония в Испании⁶⁷.

2. Расширение Европейского Союза. Вступление в ЕС стран с менее развитой экономикой приводит к увеличению неравенства между странами-членами.

3. Историческая память. Память о конфликтах, кровопролитных войнах, кризисах, произошедших на территории Европы, негативно сказывается на формировании единой наднациональной идентичности⁶⁸.

⁶⁶ Романова Т. Кризисы Европейского Союза и его будущее. Россия в глобальной политике // <http://www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evropskogo-soyuza-i-ego-budushee-18320-2016> г.

⁶⁷ Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2013.

⁶⁸ Stråth В. A European identity. To the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory. – L., 2002. - Vol. 5, No. 4. – P. 387-401.

4. Падение влияния христианской религии. С ростом секуляризации сознания жителей Европы стирается и значимость принадлежности к единой религии как фактора формирования европейской идентичности.

5. Миграционные потоки из «третьих» стран. Большой поток иммигрантов из стран Африки, Ближнего Востока и Азии расширяет культурное, религиозное, этническое и расовое разнообразие европейцев, усложняя тем самым и понимание идентичности в Европе.

6. Языковое разнообразие. Несмотря на распространенность английского языка в европейских странах, значительная доля граждан предпочитает в повседневном общении национальный язык. Официальные языки всех стран продолжают оставаться традиционными, отличными от английского.

В заключение следует отметить, что европейская идентичность строится из множества факторов. Важную роль среди них играют социальные, политические и культурные аспекты: единое гражданство, единые ценности (демократия, свобода, права человека, толерантность и мир европейских наций), гражданское участие, единое образовательное пространство, свобода передвижения, прочные межкультурные связи. Тем не менее, при кажущемся единстве в Европейском Союзе, в государствах Европы происходят процессы, затрудняющие интеграцию: миграция, регионализация и сепаратистские движения, евроскептицизм и кризис солидарности. Всё это влияет на трансформацию европейской идентичности, формированию нового общества, принципы которого изучены не достаточно.

Литература

1. Романова Т. Кризисы Европейского Союза и его будущее. Россия в глобальной политике// <http://www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evropeiskogo-soyuza-i-ego-buduschee-18320> - 2016 г.

2. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2013.

3. Национальный офис Erasmus + в России// <http://erasmusplusinrussia.ru/index.php/ru/home-ru-ru>

4. Официальный сайт программы «Европейская гражданская инициатива» // <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/welcome>

5. Stråth B. A European identity. To the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory. L., 2002. Vol. 5, No. 4. P. 387-401

6. Public opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 89, Annex// <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180> - 2018

7. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of The European union, Official Journal of the European Union// <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT> - 2012 г.

8. Thomas Risse/ "A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres." Cornell University Press. 2010 by Cornell University

9. Declaration on European Identity, Copenhagen Summit Conference// <http://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do;jsessionid=1KGyQ1tKtTpNjBQwQh6cwgC2yLn7BJMymvTrDq5s2rD3JYR9RfGQ!243197488?docId=203013&cardId=203013> - 14 December 1973

E.V. Viktorova, D.A. Petrenko
International Analytic Centre of the SPbSUE

Social and cultural dimensions of the European identity formation

Abstract. The article is dedicated to the cultural and social factors that form European identity. The results of the Eurobarometer surveys are analyzed, the self-determination of EU citizens and their relation to the EU are studied. On the basis of this information, factors that prevent the formation of European identity are identified.

Keywords: European identity, models of identity, EU citizenship, civil society, Eurobarometer, EU crises.

А.Б. Гехт
СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
a.geht@yandex.ru

СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению сотрудничества государств Северной Европы в социально-экономическом и политическом направлениях, которые лежат в основе феномена североевропейской интеграции. Взаимодействие в указанных областях активно развивается не только в силу общих культурно-исторических корней и ценностей северных стран, но на протяжении всей своей истории имело и сохраняет четкие прагматические цели. Ранняя и успешная интеграция стран Северной Европы фактически предвосхищала основные этапы западноевропейской

интеграции, позволяя познакомиться со всеми этапами установления тесного сотрудничества между государствами-участниками интеграционного объединения задолго до появления аналогичного опыта у остальных западноевропейских стран, сформировавших общий рынок рабочей силы существенно позднее.

Ключевые слова: «северное сотрудничество», североевропейская интеграция, Северная Европа, Северный Совет.

Исторические судьбы стран Северной Европы – Дании, Норвегии и Швеции, а также культурно и экономически плотно связанной с ними Финляндии – весьма прочно переплетены со времён глубокой древности. Несомненно, этому способствует тесная языковая и культурная общность, сохраняющаяся и в наши дни. Несмотря на длительную взаимную борьбу за доминирование в Скандинавии и регионе Балтийского моря между Данией и Швецией, в XIX веке под влиянием идей скандинавизма североевропейские народы осознали свою общность и пришли к необходимости внешнеполитического единства своих стран в условиях невозможности более тесного сближения.

Благодаря совместным усилиям скандинавским странам удалось сохранить нейтралитет, что укрепило их стремление продолжать внешнеполитическое сотрудничество и развивать дальнейшее взаимодействие. Развитие активного сотрудничества между странами Северной Европы было прервано Второй мировой войной. После её завершения Швеция, Дания и Норвегия (Финляндия присоединилась с некоторым опозданием) увидели возможность ускорить восстановление своих экономик в интенсификации экономического и политического сотрудничества. Участвуя в плане Маршалла северные страны не только в значительной мере компенсировали последствия войны, но и восстановили прежние экономические связи внутри своего региона.

В условиях бурного экономического подъёма Швеции и нехватки в этой стране рабочей силы, в конце 1940-х гг. руководство скандинавских стран предприняло шаги, направленные на формирование общего рынка труда. После подписания в 1952 г. акта о создании Северного Совета в 1954 г. был создан общий рынок труда, в 1957 г. оформлена паспортная уния, а для повышения мобильности трудовых ресурсов северные страны предприняли серию синхронных мер в области унификации социальной политики, тем самым превращая субрегиональный общий рынок труда в обширную сферу общих интересов стран Северной Европы и объектом их последующих интеграционных усилий. Отметим, что эти процессы происходили на фоне завершившейся гармонизации законодательств стран-

участников в области имущественного, коммерческого и гражданского права, а также области страхования, владения недвижимостью и т.д.

Хотя Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия участвовали в функционировании ЕАСТ, стратегический выбор они сделали в пользу «северного сотрудничества», закрепив его приоритет в заключенном в 1962 г. соглашении в Хельсинки. Оно стало своего рода дорожной картой интеграционных процессов в таких областях как право, экономика, социальное обеспечение и др. Центром практической реализации региональных интеграционных начинаний стал созданный в 1971 г. Совет министров северных стран, функционирующий по настоящее время. В 1976 г. был учреждён Северный инвестиционный банк, призванный финансировать проекты в области добычи ресурсов, энергетики и обрабатывающей промышленности, отвечающие интересам всех северных стран.

Необходимо отметить, что описанные интеграционные процессы фактически предвосхищали основные этапы западноевропейской интеграции, позволяя познакомиться со всеми этапами установления тесного сотрудничества между государствами – участниками интеграционного объединения задолго до появления аналогичного опыта у остальных западноевропейских стран, сформировавших общий рынок рабочей силы только в начале 1990-х гг.

Заключение соглашения между ЕС и странами – членами ЕАСТ (в т.ч. Исландией и Норвегией) о создании Европейского экономического пространства, а также присоединение Исландии и Норвегии к Шенгенскому пространству позволили странам Северной Европы продолжать эффективную политику «северного сотрудничества» в условиях, когда Дания, Швеция и Финляндия являются членами ЕС. Таким образом, все североевропейские страны сумели не только успешно сочетать режим регионального сотрудничества с функционированием ЕС, но и сохранить выраженную региональную сплоченность в условиях противоречивого процесса дальнейшего развития европейской интеграции и вызовов, стоящих перед Европейским Союзом.

Литература

1. Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. – М.: «Аспект-Пресс», 2016. С. 677–694.
2. История Дании / под ред. С. Буска, Х. Поульсена. М.: «Весь мир», 2007. С. 505–518, 535–552.
3. Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М.: Высшая школа, 1980. С. 247–285.
4. Северная Европа. Регион нового развития / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М.: «Весь Мир», 2008. С. 233–396.

**The Northern European integration model
in the European Union's evolution context**

Abstract. This article studies the Nordic countries' cooperation in the socio-economic and political areas what underlie the phenomenon of Northern European integration. Interaction in these areas is actively developing not only because of the common cultural and historical roots and values of the Nordic countries. Throughout its history it has had and still has its clear pragmatic goals. Early and successful integration of the Nordic countries actually anticipated the main stages of Western European integration. It allowed to get acquainted with all the stages of establishing close cooperation between the member states of the integration association long before the emergence of similar experience among the other Western European countries which formed the general labor market much later.

Keywords: "northern cooperation", Northern European integration, Northern Europe, Northern Council.

Д.В. Ефременко
Институт научной информации
по общественным наукам РАН
efdv2015@mail.ru

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЕЕ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ⁶⁹**

Аннотация. В статье анализируется роль политики памяти в процессе конструирования европейской идентичности. Рассматриваются две стратегии конструирования наднациональной идентичности. Первая из них предполагает обращение к общей истории и культуре. Вторая стратегия ориентирована на формирование идентичности на базе политических

⁶⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

принципов. Показано, что политика памяти в рамках обеих стратегий может использоваться как в целях консолидации, так и для наращивания конфликтного потенциала.

Ключевые слова: европейская идентичность; политика памяти; Европейский Союз; нации; Холокост.

Политику памяти (*politics of memory*) можно рассматривать как функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого. Еще в конце XIX в. Эрнест Ренан в своей Сорбоннской лекции дал определение нации, важной составляющей которого является историческая память: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, которые в действительности являются лишь одной, создают эту душу, этот духовный принцип. Одна относится к прошлому, другая – к настоящему. Одна является совместным обладанием богатым наследием воспоминаний, другая есть актуальное согласие, желание жить вместе, воля продолжать пользоваться доставшимся неразделенным наследством»⁷⁰. Несомненно, что две компоненты формирования нации теснейшим образом взаимосвязаны, и важной предпосылкой желанья жить вместе оказывается *политический менеджмент* богатого наследия воспоминаний. Иначе говоря, политика памяти является одним из важнейших инструментов по формированию макрополитической идентичности того или иного сообщества.

Сложную систему взаимодействий и коммуникаций в рамках политики памяти нельзя редуцировать до линейного процесса нациестроительства на основе использования различных практик коммеморации, преподавания истории и представления исторических сюжетов в популярных медиа и т.д. Все гораздо сложнее, поскольку устремления участников процесса зачастую оказываются разнонаправленными, а в основе их действий могут быть не только идеи сплочения нации, но и гораздо более приземленные задачи укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва. Не остаются в стороне и факторы внешней среды, связанные с позитивным или негативным отношением к макрополитической идентичности другого сообщества.

Следует подчеркнуть, что основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории. Но на определенном этапе взаимодействий относительно прошлого может резко возрасти роль внешних игроков, способных существенно повлиять на содержание и направленность политики памяти в той или иной

⁷⁰ Renan E. Qu'est-ce qu'une nation ? - P.: Mille et une nuits, 1997. – P. 9.

стране. Все чаще политика памяти становится предметом межгосударственных интеракций; по этому кругу проблем начинают формировать свою собственную позицию и наднациональные структуры (прежде всего, Европейского союза).

Политика памяти отдельных сообществ способна выступать фактором динамики конфликтов как внутри отдельных стран, так и на международном уровне. С помощью политики памяти конфликты можно разжигать, но можно превратить ее и в инструмент постконфликтного урегулирования. Строго говоря, политика памяти в странах послевоенной Западной Европы внесла важнейший вклад в переработку трагического опыта Второй мировой войны, преступлений нацистского режима и формирования на этой основе консолидирующего исторического нарратива.

Ситуация оказывается еще более сложной, когда речь идет о формировании наднациональной макрополитической идентичности. В частности, формирование общеевропейской идентичности в последние десятилетия неразрывно связано с интеграционными процессами в рамках Европейского Союза. Однако сами эти процессы приводят к появлению двух различных стратегий формирования европейской идентичности. Первая из них предполагает обращение к общей истории и социокультурным основаниям конструируемой идентичности. Представители этой точки зрения апеллируют к универсалиям европейской культуры и концентрируют свое внимание на пространственно-временном измерении европейской идентичности. Вторая стратегия основана на том, что европейская идентичность формируется на основе совокупности сугубо политических принципов. Сторонники этого подхода, как правило, отождествляют европейскую идентичность и идентичность ЕС, в основе которой лежат единые институты и политико-правовые принципы.

Историко-культурные аспекты идеи единой Европы привлекали внимание философов и политических мыслителей задолго до появления первых институтов и механизмов межгосударственной интеграции на европейском субконтиненте. Как отмечает датский исследователь Бо Строт⁷¹, начиная со Средних веков образ европейского сообщества создавался при помощи отмежевания от внешнего мира, от «других», а христианство являлось наиболее мощным интегрирующим фактором. Однако Реформация и религиозные войны привели к подрыву этого единства изнутри. В дискурсе Просвещения термин «Европа» служил нейтральным обозначением общего целого. Поскольку философы Просвещения закрепили за «Западной Европой» статус колыбели цивилизации, они ввели в

⁷¹ Stråth B. A European identity. To the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory. – L., 2002. - Vol. 5, No. 4. – P. 387–401.

обращение понятие «Восточной Европы» как другой ее половины. Такое концептуальное изменение карты Европы перенесло варварские отсталые земли с севера на восток. Налицо была двусмысленность: Восточная Европа являлась парадоксом одновременного включения в континент и вынесения за его рамки.

Тем не менее ключевым в культуралистской версии европейской идентичности являются образ «другого», «внешнего». Без не-Европы невозможно представить Европу. Однако с началом европейской интеграции политическая динамика стала все более опережать устоявшиеся представления об историко-культурных основаниях европейской идентичности. Так, со вступлением Греции в Европейское Сообщество в 1981 г. исчезла возможность говорить о том, что важной культурной основой европейской интеграции является лишь западное христианство. С начала 2000-х гг. политически предпочтительным оказался полный отказ от упоминания христианства как предпосылки культурного единства Европы.

Все большая релятивизация историко-культурных пределов Европы, связанная с динамическими процессами как в самой культуре европейских народов, так и, в особенности, с политическими изменениями рубежа XX-XXI вв., выдвигает на ведущие позиции интерпретацию европейской идентичности как политической идентичности Европейского Союза. Твердый сторонник этого подхода Фурио Черутти определяет политическую идентичность как «ансамбль политических ценностей и принципов, которые мы признаем в качестве базиса нашей политической группы. ...Этот акт признания или идентификации объединяет нас в единое Мы»⁷².

Социальные группы, как правило, определяются на основе совокупности идей, которые члены этих групп способны воспринимать положительно. Такие идеи могут выражаться непосредственно в способах взаимодействия и общения, либо опосредованно, путем применения общих символов, кодов или обозначений. Члены группы, таким образом, ощущают, что у них есть что-то единое, что формирует «воображаемое сообщество»⁷³. В случае Европейского Союза речь идет об истолковании европейской идентичности как особой политической идентичности, являющейся результатом и одновременно предпосылкой межгосударственной интеграции. В то же время культурное разнообразие – это неотъемлемая характеристика Европейского Союза, и – как полагают сторонники политико-институциональной стратегии формирования европейской идентич-

⁷² Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction // A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti and E. Rudolph - Leuven, 2001 - Vol. 1. - P. 17.

⁷³ Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

ности – было бы неверно для достижения политических целей осуществлять селекцию и сомнительный синтез исторического наследия. В конечном счете стремление к искусственному объединению культурной и политической идентичности способно подорвать весь процесс европейской интеграции.

В сущности, сознательный перенос акцентов с историко-культурных оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую является свидетельством укрепления позиций социально-конструктивистского подхода. При таком подходе европейская политическая идентичность рассматривается как социальный конструкт или проект. Ж. Деррида и Ю. Хабермас следующим образом аргументировали этот подход: «Сегодня мы знаем, что многие политические традиции, которые завоевали авторитет под влиянием убеждения в их естественном происхождении, на самом деле были изобретены. В противоположность этому европейская идентичность ... есть нечто изначально конструируемое. Но политическая и этическая воля, возникающая в герменевтике процессов самоотождествления, не есть произвол. Различие между наследством, в которое мы готовы вступить, и тем, что мы хотим отклонить, требует такой же осмотрительности, как и решение о толковании текста, которое мы принимаем. Ссылки на исторический опыт конкурируют друг с другом в процессе сознательного отбора, без которого формирующая идентичность сила не будет действенной»⁷⁴.

Консолидация европейских наций, достигнутая в конце XIX в. на основе осознания расовой, этнической, религиозной идентичности имела своей оборотной стороной культивирование представлений о национальном превосходстве, разжигание шовинизма и расизма. Результатом стали трагедии двух мировых войн. Память об этих трагедиях делает задачу конструирования европейской идентичности особенно сложной, поскольку необходимо выделить все, что может объединять нынешних членов ЕС и потенциальных новобранцев, и устранить все, способное их разъединять.

Но означает ли это, что «наследие воспоминаний» должно быть во все исключено из процесса конструирования европейской идентичности? На деле вплоть до начала 2000-х гг. формированию европейской идентичности на основе политических принципов способствовала политика памяти, ключевой темой которой была коллективная память о Холокосте, а основной задачей - проработка трагического опыта Второй мировой войны и

⁷⁴ Derrida J., Habermas J. Nach dem Krieg: Die Wiedergeburt Europas // Frankfurter Allgemeine Zeitung - 2003 –31.05.

преступлений нацистского режима и формирование на этой основе консолидирующего исторического нарратива.

Как убедительно показала Алейда Ассман, общеевропейская политика памяти предполагает понимание уникальности Холокоста как главной европейской трагедии XX века, осознание коллективной вины и ответственности всех народов Европы за эту трагедию⁷⁵. Коллективная ответственность европейцев опиралась на признание того, что в Холокост была вовлечена не только нацистская Германия и ее союзники, но также население оккупированных территорий. Холокост стал нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX века. Ключевая роль Холокоста в политике памяти Европы и в целом Запада получила институциональное воплощение в таких структурах, как Международный альянс памяти Холокоста, Всемирный форум памяти Холокоста и т.д. Холокост постепенно становился ключевым элементом политики памяти в странах Западной Европы с 1970-х – 1980-х гг., и с начала 2000-х гг. он прочно закрепился в общеевропейских коммеморативных практиках.

Закрепление за Холокостом центральной роли в европейской политике памяти совпало с постепенным присоединением к Евросоюзу многих бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Коммеморация Холокоста фактически стала одним из требований к новым членам ЕС, маркером принадлежности к «европейской семье» и приверженности «европейским ценностям». Однако для политических элит стран Центральной и Восточной Европы такая политика памяти оказалась дискомфортной. В частности, это вызвано тем, что зачастую связанные с нацистской Германией и причастные к Холокосту местные акторы после войны сформировали ядро антисоветского сопротивления и теперь прославляются в качестве национальных героев. Особенно это относится к странам Балтии. В результате, став полноправными членами ЕС, эти государства только поверхностно приняли повестку европейской политики памяти, сфокусированную на Холокосте.

После вступления в ЕС ряда посткоммунистических стран резко усилилась альтернативная версия политики памяти, акцентирующая репрезентацию этих стран как двойной жертвы коммунизма и – в меньшей мере – нацизма. Заручившись поддержкой некоторых видных западноевропейских политиков и интеллектуалов, новые члены единой Европы значительно преуспели в этом направлении. Постепенно отходя от центрального значения общеевропейской ответственности за Холокост и усиливая

⁷⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

линию на самовиктимизацию и перенос ответственности на внешние тоталитарные силы, проponentы альтернативной версии политики памяти закладывают основу для новых конфликтов и даже для «войн памяти».

В настоящее время можно говорить и о более долгосрочных последствиях такого сдвига в европейской политике памяти. Расширение Европейского союза в 2004 г., по сути, похоронило надежды на то, что консенсус относительно прошлого может стать фактором дальнейшей консолидации Евросоюза. Как верно отметил Алексей Миллер, «политика памяти, и, шире, культура памяти оказались не клеем, а растворителем, который разъедает единство ЕС»⁷⁶. Разъединяющая роль актуальной версии политики памяти могла игнорироваться до тех пор, пока сам Евросоюз рассматривался как уникальный пример успешного интеграционного проекта. Но теперь это уже далеко не так. После «Брекзита» неизбежной становится масштабная перегруппировка сил в ЕС, причем наиболее вероятный ее сценарий – «Европа разных скоростей». И вот здесь-то можно ожидать, что политика памяти станет весьма эффективным инструментом дивергенции.

Однако и это еще не все. Центрально- и восточноевропейские механизмы коллективной памяти, «подмявшие» под себя европейскую политику памяти, при их распространении на страны постсоветского пространства порождают напряженность, вступая в конфликт как с конструируемой в России макрополитической идентичностью, так и с идентичностями, восходящими к советскому времени. Динамику многих конфликтов на постсоветском пространстве невозможно адекватно реконструировать без учета этого клинча идентичностей. Вместе с тем предпосылкой устойчивого урегулирования таких конфликтов может стать совместная работа сторон, направленная на преодоление расколов, обусловленных не в последнюю очередь политикой памяти.

Литература

1. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. МИЛЛЕР А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // ГЕФТЕР. 29.04.2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18391>

⁷⁶ Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Гефтер. 29.04.2016. URL: [HTTP://GEFTER.RU/ARCHIVE/18391](http://gefter.ru/archive/18391)

4. Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction // A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti and E. Rudolph - Leuven, 2001 - Vol. 1. – P. 3-18.
5. Derrida J., Habermas J. Nach dem Krieg: Die Wiedergeburt Europas // Frankfurter Allgemeine Zeitung - 2003 –31.05.
6. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation ? - P.: Mille et une nuits, 1997. – 48 p.
7. Stråth B. A European identity. To the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory. – L., 2002. - Vol. 5, No. 4. – P. 387-401.

D.V. Efremenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences

Politics of Memory and its Role in the Formation of European Identity

Abstract. The article explores the role of the politics of memory in the process of construction of European identity. The politics of memory can be considered as a functioning system of interactions and communications between different actors with regard to political uses of the past. A complex system of interactions and communications occurring as part of the politics of memory cannot be reduced to a linear process of nation-building, using different practices of commemoration, the teaching of history or the presentation of historical events in the media. Things are much more complex as the parties involved often have opposite aspirations and may be driven not only by the idea of national consolidation but also by much more mundane objectives of strengthening a concrete sociopolitical order or, on the contrary, undermining it. External factors also play a role through a positive or negative attitude towards the macro-political identity of a community. In other words, the politics of memory is one of the key instruments for shaping macro-political identity of a community.

The author argues that there are two different strategies of the formation of supranational European identity. The first one is based on the vision of common history and culture. The second strategy focuses on the formation of identity based on political principles. The politics of memory within both strategies can be used both for confrontation and for consolidation.

Keywords: European identity; politics of memory; European Union; nations; Holocaust.

Е.Ф. Жукова
zhukova@mail.com

И.А. Ушанова
irina.ushanova@novsu.ru

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОГРАММ «ДВОЙНОЙ ДИПЛОМ» В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли совместных образовательных программ, в частности международных программ «двойной диплом», в процессе формирования европейской идентичности. Современные университеты позиционируют себя как открытые межкультурные организации, транслирующие не только знания, но и общеевропейские ценности и установки. Процесс, начатый Болонским соглашением и продолжающийся в рамках других программ ЕС, способствует конструированию и развитию европейской идентичности. На конкретном примере трех международных программ «двойного диплома», реализуемых в Новгородском государственном университете, в статье анализируются перспективы формирования европейской идентичности у участников данных программ.

Ключевые слова: европейская идентичность; международные образовательные программы; СОП «двойной диплом»; межкультурная открытость вузов.

Вопросы идентичности уже несколько десятилетий не теряют своей актуальности для политологов, историков, социологов и психологов. Социолог Стюарт Холл, исследуя воздействия глобализации на формирование культурной идентичности, убедительно показал, что современные культурные идентичности становятся все более децентрализованными, рассеянными и фрагментированными⁷⁷. Он весьма точно формулирует три основных вектора развития идентичностей в современном мире. Во-первых, развитие культурной гомогенизации и «глобального постмодерна» ведет к эрозии национальных идентичностей. Во-вторых, национальные и другие «локальные» или партикуляристские идентичности усиливаются как сопротивление глобализации. В-третьих, национальные идентичности находятся в упадке, в то время как их место за-

⁷⁷ Hall, St. Rassismus und kulturelle Identität / St.Hall.- Hamburg: Argument Verl., 2008, S. 180.

нимают новые гибридные идентичности⁷⁸. В этой связи европейская идентичность, о которой так часто полемизируют европейские ученые и политики, возможно, может стать закономерным итогом развития национальных идентичностей.

Европейские сообщества еще в декабре 1973 г. на встрече в Копенгагене приняли «Декларацию европейской идентичности», где были сформулированы глобальные задачи и сферы ответственности, а также европейские ценности, актуализирующиеся, например, при обсуждении потенциальных членов ЕС. В 1995 г. в Любеке на 41 Конгрессе Европейского Союза была принята «Хартия европейской идентичности», которая определяет Европу как сообщество с единой исторической судьбой, основанное на общих ценностях. В Хартии подчеркивается, что для формирования европейской идентичности, среди прочего, необходима «культурная и образовательная политика, стимулирующая развитие европейской идентичности», как на уровне ЕС (Брюсселя), так и в каждой отдельной стране – члене ЕС⁷⁹. Именно посредством такой политики должны осознаваться общие корни и ценности Европы, её «единство в многообразии». Целью является формирование толерантности по отношению к представителям, других культур объединение граждан вокруг европейской идеи и т.п. Для лучшего взаимопонимания необходимо способствовать раннему обучению детей иностранным языкам. Подчеркивается важная мысль – европейцем становятся не по рождению, а благодаря образованию.

Тем не менее в научных дискуссиях долгие годы сохранялось критичное отношение к этому вопросу. Немецкий политолог К. Пёле в 1998 г. прогнозировал, что «одних только отсылок к историческому, культурному и другому сходству в европейской истории недостаточно для обоснования европейской идентичности. Но она сформируется, как только ЕС будет сознательно восприниматься как единство, которое прямо или опосредованно влияет на жизнь людей. И деятельность ЕС должна вести к успехам и поражениям, с которыми граждане будут идентифицировать себя, гордо или с сожалением⁸⁰.

Спустя десять лет еще один немецкий учёный А. Харатш, размышляя о взаимодействии немецкой и европейской идентичностей, все еще утверждал, что национальной идентичности противопоставлена евро-

⁷⁸ Там же, с. 209.

⁷⁹ Charta der europäischen Identität. URL: http://www.europa-union.de/fileadmin/files_eud/PDF-Dateien_EUD/CHARTA_DER_EUROP_ISCHEN_IDENTIT_T.pdf (abgerufen am 01.12.2017)

⁸⁰ Pöhle, K. Ist europäische Identität unmöglich? / K.Pöhle // IPG.-1998.-№3, S.255

пейская. Но, по его мнению, последняя вряд ли существует, так как еще не развито общее европейское сознание, общий европейский язык, общие европейский социальные (общественные) структуры, такие как общая медийная деятельность и европейское общественное мнение⁸¹.

В 2017 г. немецкий историк Михаэль Гелер в своем интервью подчеркивает необходимость разделять европейскую идентичность и идентичность ЕС. Некоторые элементы имеют значение для обеих идентичностей. Однако европейская идентичность начала свое развитие задолго до образования ЕС, ЕЭС и др.⁸² Как замечает М. Гелер, в ряде многоступенчатых и смешанных идентичностей для многих европейская идентичность находится на последнем месте⁸³. Но при этом, важно, что частью формирования европейской идентичности является поколение программы Эразмус.

И все же политические и социальные события последних пяти лет изменили восприятие европейской идентичности. Согласно опросу этого года, Eurobarometer 87 более чем две трети европейцев ощущают себя гражданами ЕС, в частности, 82% немцев. На сегодняшний день это самый высокий показатель за всю историю опроса. Среди наиболее позитивных достижений ЕС на третьем месте с 25% находятся «студенческие программы обмена, такие как Эразмус»⁸⁴. Итак, можно говорить об особой роли образования и учебных заведений в формировании европейской идентичности. Однако формирование европейской идентичности обычно не ставится открытой задачей в стратегических планах университетов. Сегодня европейские вузы, прежде всего, стремятся подчеркнуть свою межкультурную открытость, поддержку многообразия и готовность к интернационализации.

Как отмечает Л.А. Фадеева, «университеты в качестве субъектов конструирования европейской идентичности предстают скорее не в виде институций, нацеленных на формирование и развитие европейской идентичности, но как сообщества интеллектуалов и специалистов, в чьей матрице идентичности европейский компонент играет значитель-

⁸¹ Haratsch, A. Wechselwirkungen zwischen deutscher und europäischer Identität – Ausdruck von Eigenständigkeit und Gemeinsamkeit / A. Haratsch // Deutsche Identität in Europa / Bueckling H.-J. (Hrsg.) – Berlin: Duncker&Humblot, 2008, S.178

⁸² Europäische Zeitgeschichte: Europa. Ein Ringen, ein echtes Tauziehen // DIE RELATION. - 2017/18. - Ausgabe #2, S.9

⁸³ Там же, с.10.

⁸⁴ Standard Eurobarometer 87 : Die öffentliche Meinung in der Europäischen Union. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2137> (abgerufen am 01.12.2017)

ную роль»⁸⁵. Нельзя не согласиться с Л.А. Фадеевой, подчеркивающей и двойственное положение европейских университетов. С одной стороны, их институциональная и академическая автономия позволяет им выступать активными участниками происходящих в Европе процессов. С другой стороны, ввиду этих же обстоятельств университеты стремятся сохранять некоторую дистанцию от Брюсселя. «В то же время осмысление своей собственной идентичности университетами парадоксальным образом помогает им поддерживать представление о европейской идентичности как игре с ненулевой суммой и сохранять Европу».⁸⁶ Тем не менее, обучение в европейских вузах способствует формированию у российских студентов чувства принадлежности к европейскому образовательному пространству.

В настоящий момент в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого реализуется три международных совместных образовательных программы: по педагогике (с 2004 г.), межкультурной коммуникации (с 2014 г.) и технологии (с 2016 г.). Партнером выступает Фондовый Университет Хильдесхайма (Германия). Все три программы построены по типу интегрированных международных программ «двойной диплом». Данные программы в Германии активно развиваются с начала 2000-х гг. и поддерживаются финансово Федеральным министерством образования и научных исследований. Их целью является поддержка дальнейшей интернационализации вузов и усиление академической мобильности студентов и преподавателей⁸⁷. Новгородские студенты, обучающиеся по данным программам в вузе-партнере два семестра, имеют возможность участвовать в интернациональных мероприятиях, проводимых Университетом Хильдесхайма для иностранных студентов, в первую очередь, для студентов программы Эразмус. На сегодняшний день в Университете Хильдесхайма предлагается ряд учебных модулей и дополнительных семинаров, нацеленных на формирование межкультурной компетенции и быстрое вхождение в новую академическую культуру. Особенностью этой культуры в последние годы стали культурное и языковое многообразие, гетерогенность студенческого и преподавательского состава. К наиболее востребованным образовательным

⁸⁵ Фадеева Л.А. Университеты как субъекты конструирования европейской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. С. 28.

⁸⁶ Фадеева Л.А. Университеты как субъекты конструирования европейской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. С. 28.

⁸⁷ Evaluation des DAAD-Programms „Integrierte internationale Studiengänge mit Doppelabschluss“, Abschlussbericht - Zusammenfassung, Stand: 24. Januar 2017. URL: https://www.daad.de/medien/hochschulen/ww/studiengaenge/doppelabschlussprogramm/zusammenfassung_evaluation_daad-doppelabschlussprogramm.pdf (abgerufen am 01.10.2017)

предложениям можно отнести тренинг по межкультурной (академической) коммуникации «Campus International» и семинар по развитию письменной коммуникации «Internationale Schreibpartnerschaften», а также внеучебные мероприятия от Erasmus Studenten Network.

Кроме этого, следует также упомянуть два предложения из сферы дополнительного образования – Zertifikat für Interkulturelle Kommunikation und Kompetenz и Portfolio für interkulturelle Kommunikation und Kompetenz. Данный сертификат доступен всем студентам университета и нацелен на рефлексию опыта в межкультурной коммуникации. Таким образом, от новгородских студентов, активно участвующих во всех вышеназванных мероприятиях, можно было бы ожидать расширение их идентичности за счет европейской составляющей. Однако анализ интервью студентов показал разную степень их заинтересованности и вовлеченности в данные мероприятия. Наибольшая вовлеченность отмечена у студентов направления «Межкультурная коммуникация», что обусловлено в первую очередь их профессиональным интересом и учебными задачами. А основным маркером европейской идентичности у большинства студентов выступает чувство принадлежности к европейскому сообществу в присутствии представителей из азиатских и арабских стран.

Итак, академическая мобильность, осуществляемая в рамках программ, поддерживаемых ЕС и отдельными европейскими фондами, способствует овладению студентами компетенциями, обеспечивающими их дальнейшую успешную социальную и профессиональную деятельность. Важным аспектом этой мобильности является расширение представления студентов о принадлежности к единому европейскому пространству, не только образовательному, но и общекультурному, разделяющего общие ценности и формулирующему общие цели на будущее.

Литература

1. Charta der europäischen Identität. URL: http://www.europa-union.de/fileadmin/files_eud/PDF-Dateien_EUD/CHARTA_DER_EUROP_ISCHEN_IDENTIT_T.pdf (abgerufen am 01.12.2017)
2. Europäische Zeitgeschichte: Europa. Ein Ringen, ein echtes Tauziehen // DIE RELATION. - 2017/18. - Ausgabe #2, S.9
3. Evaluation des DAAD-Programms „Integrierte internationale Studiengänge mit Doppelabschluss“, Abschlussbericht - Zusammenfassung, Stand: 24. Januar 2017. URL: https://www.daad.de/medien/hochschulen/ww/studiengaenge/doppelabschlussprogramm/zusammenfassung_evaluation_daad-doppelabschlussprogramm.pdf (abgerufen am 01.10.2017)

4. Hall, St. Rassismus und kulturelle Identität / St.Hall.- Hamburg: Argument Verl., 2008, S. 180.
5. Haratsch, A. Wechselwirkungen zwischen deutscher und europäischer Identität –Ausdruck von Eigenständigkeit und Gemeinsamkeit / A. Haratsch // Deutsche Identität in Europa / Bueckling H.-J. (Hrsg.) – Berlin: Duncker&Humblot, 2008, S.178
6. Pöhle, K. Ist europäische Identität unmöglich? / K.Pöhle // IPG.-1998.-№3, S.255
7. Standard Eurobarometer 87 : Die öffentliche Meinung in der Europäischen Union. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2137> (abgerufen am 01.12.2017)
8. Universität Hildesheim. Interkulturelle Workshops // <https://www.uni-hildesheim.de/io/interkulturelle-workshops/>
9. Фадеева Л.А. Университеты как субъекты конструирования европейской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. с. 28.

E.F. Zhukova, I.A. Ushanova
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

The role of international programs "double diploma" in the formation of European identity

Abstract. The article is devoted to consideration of the role of joint educational programs, in particular international programs "double diploma", in the process of formation of European identity. Modern universities position themselves as open intercultural organizations that broadcast not only knowledge, but also all-European values and attitudes. The process initiated by the Bologna agreement and continuing in the framework of other EU programs, contributes to the construction and development of European identity. On the specific example of the three international programs "double diploma" implemented in Novgorod State University, the article analyzes the prospects for the formation of European identity among the participants in these programs.

Keywords: European identity; international educational programs; joint educational programs "double diploma"; intercultural openness of the university.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается значение антропологических концепций при анализе национальной идентичности как в прикладных, так и теоретических исследованиях современных политических коммуникаций. Дезинтеграция современных политических порядков в национальных сообществах, вариативность политических идеологий и структур управления актуализирует исследование антропологических аспектов политической идентичности. Автор подчеркивает важность описания и теоретического анализа роли новых политических мифов и символов, присутствующих в современной политической памяти. Используя антропологически-ориентированный анализ как теоретический базис, автор предлагает новый теоретический подход к изучению современной европейской и российской национальной идентичности.

Ключевые слова: европейская и российская идентичность; антропологические измерения; политическая память; политический миф; символические репрезентации, солидарность.

Исследование влияния социокультурной специфики национальной идентичности, политики идентичности на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы, опирается на достаточно длительную традицию социально-философской и социологической рефлексии. Вместе с тем, доминирующие теоретические модели культурных предпосылок возникновения политических и идеологических конфронтаций между общностями, идентифицирующими себя как национальные, чаще всего сосредоточены на изучении содержания «национальных ценностей» и специфики достижения консенсуса между их носителями в процессе реализации внутренней и внешней политики, оставляя без внимания иные измерения культурной динамики и специфики легитимации национальных идентичностей.

Во многих работах, посвященных специфике европейской идентичности, прослеживается своего рода аксиологическое клише, представленное ремарками, что все страны Европы в той или иной степени разделяют такие базовые политические ценности демократии, как уважение человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина, политическо-

го равенства, правового государства и т.п. Завершаются же такого рода работы и документы нормативного плана констатацией, что несмотря на расхождения в оценках тех или иных политических событий и специфики национальных предпочтений в иерархии этих ценностей, народы этих стран поддерживают демократические идеи и принципы, что подкрепляется послылками социально-философского плана и результатами социологических исследований ценностных ориентаций. При этом ценностно-нормативный порядок и его политико-культурные измерения рассматриваются как некие объективные данности и состояния, что не объясняет варибельность и конфликтность принимаемых элитами этих стран политических решений, ведущих нередко к гуманитарным катастрофам и гражданским войнам.

Конфликтность или, наоборот, потенциал согласия идентичностей определяется не только идеологическими приоритетами властных или интеллектуальных элит, а зависит от специфики коммуникативных структур *политической памяти* и ее символических проекций. Символические коды и объекты ретроспекций и проекций коллективно-значимых событий политической памяти национальных сообществ выступают *антропологическим основанием культурной идентичности*. Культурная память при этом выступает не столько «хранилищем прошлого», а проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней».⁸⁸ Национальная память как историческая модификация политической памяти на данный момент играет ведущую роль в легитимации социальных институтов и конструировании социально-политической преемственности.⁸⁹ Достаточно очевидно, что именно эта теоретическая опция высвечивает социокультурную границу конфронтации между европейской и российской идентичностью, а не ценностное противостояние, так как опросы общественного мнения достаточно отчетливо фиксируют высокую степень совместимости в базовых ценностных установках большинства европейцев и россиян по отношению к таким ценностям как свобода и демократия.

В этом контексте весьма актуальными представляются методологические ремарки Н. Лумана о теоретической ограниченности аксиологических построений телеологического плана при описании современного коммуникативного процесса и национальной идентификации, в частности. Идентичность сама «должна быть идентифицирована». Отталкиваясь от

⁸⁸ Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. С. 104; Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. С. 110.

⁸⁹ Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. - P. 210–226.

идей, представленных в его работах, следует признать, что ценности, ценностные обоснования в процессе коммуникативного взаимодействия – своего рода «слепые пятна»⁹⁰. Ценности как осознанные или неосознанные представления о должном и желаемом создают смысловой фон для выбора альтернатив и облегчают коммуникацию в условиях ее непредсказуемости, проверяя на адаптивность программы политических действий, высвечивая их относительность⁹¹. Однако в условиях растущей множественности символических акторов ценностные обоснования в современном обществе (хотим мы это признать или нет) реализуются через идеологию и публичную риторику, где идеология нередко «совершает великие преступления, а аргументация – мелкое жульничество»⁹². Объединение людей на основе ценностей возможно, но оно не устойчиво в условиях современных политических коммуникаций.

Более обоснованным представляется научный дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на понятийные модели современной «культурсоциологии» (cultural sociology) и близких к этому направлению по своим интенциям научные стратегии современной антропологии политики и социологического неoinституционализма, представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как исторической формы социальной памяти, изучение которой должно опираться на анализ символических структур сетей смыслов, обладающей высокой степенью коммуникативной автономии не сводимой к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных институтов или социально-психологическим моделям коллективного сознания.

Изучение культуры, и политической культуры в частности, при таком подходе трансформируется в исследование «культурной прагматики» и «социального перформанса», «драматургии власти», представленный как многослойный процесс социального конструирования и комплекс средств символического производства социальной власти, сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия⁹³. Ин-

⁹⁰ Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 206.

⁹¹ См.: Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 419.

⁹² См.: Луман, Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. С. 178-179, 258-260.

⁹³ Alexander, J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2003. - PP. 11–26; Alexander, J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. - P. 29–89.

терес в связи с этим представляют использование культур-антропологической модели форм солидарности («grid-group» анализа), предложенной М. Дуглас и адаптированной представителями «культурной теории» к политическим реалиям политики в национальных сообществах⁹⁴. Измерение по шкалам мировоззренческой «сети» представлений (*grid*) и групповых предпочтений (*group*), нормативных ограничений, связанных с принадлежностью к культурной общности и конкретной социальной группе, позволяет выявить специфику форм солидарности и их символического потенциала по преодолению рисков и опасностей конфликтной динамики внутренней и внешней среды существования наций. Это позволяет выделить «идеально-типические» модели социальной солидарности на пересечении «мировоззренческой» и «групповой оси», которые могут быть использованы для характеристики своеобразия и влияния этих форм солидарности на характер социальных взаимодействий, в том числе и политических, в которые вступают люди (индивидуализм, фатализм, иерархизм, эгалитаризм) и их комбинаций. Отсюда следует четыре базовых мифоконструкции и стратегии достижения целей, связанные с восприятием границ политического, национального суверенитета, демократии: восприятие политики как рационально-управляемого и директивно-управляемого (политический индивидуализм и иерархизм) и как некой культурной антитезы индивидуализму и иерархизму – признание непредсказуемости политических коммуникаций (политический фатализм) и мировоззренчески-диффузная политика эгалитаризма. Движение в пространстве этих двух осей измерения и четырех «идеально-типических» конструкций солидарности, позволяют артикулировать многообразие их комбинаций, определяющих специфику идентичностей в реалиях взаимодействий национальных государств. Предпосылки политической конфронтации Европы (значимой компоненты идентичности «коллективного Запада») и «России» можно описать как конфликтной динамики, связанной с доминированием у политических элит стратегий «безответственного» индивидуализма, иерархизма или эгалитаризма.

Если солидарность – это культурный интеграл социокультурных взаимодействий на уровне повседневности, то семантическим ядром солидарности являются мифические символические структуры. Важным звеном подобного процесса является *политический мифический нарратив* как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются символизацией телесно-

⁹⁴См.: Cultural theory as political science / Ed. M.Thompson, G.Grendstad, P.Selle. L. N.Y.: Routledge. 2005. - P. 1-22.

чувственного восприятия политического, посредством символизации событий героического и жертвенного. Распространение новых медиатехнологий и биополитики существенно расширяет возможности для актуализации мифического, нередко делая его воздействие «более зловещим» чем в прошлом,⁹⁵ порождая многообразие «рационализированных» политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы»). Политический миф репрезентирует себя как драматическое повествование о героической истории политических или неполитических сообществ, стремящихся к обретению политической солидарности. Выявление потенциала действительности подобных *символических фигур* («героя», «жертвы», «преступника» и т.п.) позволяет перевести в плоскость конкретного анализа влияния политической памяти и присущей ей специфических символических фигур солидарности на конфликтное противостояние национальных идентичностей связанного с противостоянием символических фигур героического и жертвенного.

Наличие мифического ядра политической солидарности проявляется в презентации форм коллективной, взаимной ответственности за действия в чувственно-образной, символической форме. Именно антропологическая специфика форм солидарности определяет превращение коллективных представлений в нарратив, жизненно важны для создания и поддержания национальных идентичностей и конфликта между ними. Примером может служить современная конфронтация «Европы» и «России» по поводу «объединяющих символов», «образцов героического» в символических структурах солидарности и приоритетных стратегий политики памяти.

Таким образом, «тропа зависимости» от символических структур солидарности или попытки радикального их реформатирования, в процессе проводимой европейскими и российскими элитами политики памяти, может стимулировать как совместимость структур солидарности, появления пространств символической комплементарности, так и конфронтацию идентификационных символических кодов. Активизация маргинальных нарративов в символических структурах политической памяти ведет к легитимации насильственных стратегий и поведенческих моделей по отношению к «иным» или «другим» формам солидарного существования. К сожалению, процессы, происходящие в политических коммуникациях, демонстрируют рост актуальности предостережения Мэри Дуглас о рисках доминирования «социально безответственной» индивидуалистической солидарности.

⁹⁵ Bottici C. A Philosophy of Political Myth. New York: Cambridge University Press, 2007. - P. 243-248, 259-260, 358

Литература

1. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С.194-218.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 630 с.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
4. Cultural theory as political science/ Edited by Michael Thompson, Gunnar Grendstad and Per Selle/. L., N.-Y.: Routledge. 2005. 216 p
5. Alexander J.C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2003. 312 p.
6. Alexander, J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / Eds. J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.
7. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.
8. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
9. Assmann, A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. P. 210–226.
10. Bottici, C. A Philosophy of Political Myth. New York: Cambridge University Press, 2007. 286 p.

K.F. Zavershinskiy
St. Petersburg State University

European and Russian identity: cultural and anthropological bases of political confrontation

Abstract. The author discusses a significance of anthropological concepts in the analysis of national identity as carried out in both applied and theoretical studies of current political communications. The disintegration of the contemporary political orders into a varied range of national communities, political ideologies, and structures of governance has highlighted a necessity to properly theorize anthropological dimensions of political identity. The author emphasizes an importance of describing and theoretically analyzing a role of new political myths and symbols present in contemporary political memory. Using an anthropologically oriented political analysis as a theoretical basis, the author suggests a new theoretical approach to a study of contemporary European and Russian national identity.

Keywords: European and Russian identity; anthropological dimensions; political memory; political myth; symbolic representations, solidarity.

Е.В. Захарова

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
elena.v.ponomareva@gmail.com

Т.Г. Пономарева

Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург)
ponomarevatg@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются проблемы социальной политики стран членов Европейского Союза, возникшие в результате активного перемещения на территорию Европы мигрантов, желающих получить достойные социальные пособия благодаря развитой нормативной базе, поддерживающей развитие достойной социальной политики объединения ЕС

Ключевые слова: социальная политика, гражданство ЕС, свобода перемещения, социальная защита, нормативная база стран членов ЕС.

Глобализация и интеграционные процессы в экономике являются составляющей хозяйственной жизни стран современного мира. Интеграционные процессы в Европе начались в 1950-е гг. и рассматривались как один из инструментов ускорения развития европейских стран во всех сферах деятельности, исключительно за счет использования синергетического эффекта. В объединении европейских стран активно использовались все формы интеграции – зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, единое экономическое и политическое пространство, единая валютная система. К 1 июля 2016 г. в состав Европейского Союза вошли 28 государств, а именно Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Великобритания, Греция, Германия, Дания, Италия, Ирландия, Испания, Республика Кипр, Люксембург, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Словакия, Франция, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония. Однако, 29 марта 2017 г. Великобритания, применив статью 50 Договора о ЕС, начала процедуру выхода из состава Европейского Союза, завершение которой произойдет в течение двух лет. В свете анализа формирования социальной политики стран – членов Европейского Союза проанализируем, как изменилась ситуация в этой сфере с момента формирования единого европейского пространства по настоящее время.

Зарождение европейской социальной политики началось после Второй мировой войны в результате восстановления экономики европейских стран и оказании помощи нуждающемуся населению, выжившему после войны. Создание единой Европы начиналось со стран, имевших равный уровень экономического развития и желание восстановить экономику стран БЕНИЛЮКС (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). С января 1958 г. в Европе начинает функционировать Европейское экономическое пространство, включившее в это объединение, помимо стран БЕНИЛЮКС еще Германию, Францию, Италию. В дальнейшем в Европейское экономическое сообщество стали приниматься только равные партнеры. На первом этапе формирования единого европейского пространства основным экономическим показателем при принятии государства в объединение был показатель ВВП на душу населения. Это позволяло в равных соотношениях получать дивиденды от этого сотрудничества во всех сферах деятельности. Социально-экономическая политика формировалась поэтапно через развитие нормативной базы и учета интересов стран-членов. Римский договор 1957 г. (ст. 48–51) предусматривает свободу перемещения рабочей силы, свободу выбора экономической деятельности и предпринимательства в рамках всего объединения. Единый Европейский Акт 1987 г. дополнил социальные права граждан объединения ЕС. Новая нормативная база позволила повысить безопасность труда работающих и улучшить их здоровье (ст. 118а), а также появилась возможность проведения переговоров и подписания соглашений между социальными партнерами (ст. 118б). Изменения социальной политики Европейского экономического сообщества стали более привлекательными и для некоренных жителей территории государства позволяя им получать все социальные блага, включая жилье, образование, медицинское обслуживание и т. д.

В рамках пакета соглашений Маастрихтского договора, подписанного 7 февраля 1992 г., появились дополнительные гарантии прав для наемных рабочих, включая элементы социальной защиты. Принятие Маастрихтского договора также позитивно сказалось и на студентах и пенсионерах, изменивших страну проживания.

Введение гражданства Евросоюза дает возможности свободного перемещения, право выбирать и быть избранным, получать дипломатическую защиту на территории третьих стран, не членах ЕС, не требует отказа от гражданства своего государства. Взаимное признание дипломов врачей (1975), медсестер (1977), дантистов (1978), хирургов-ветеринаров (1978), фармацевтов (1986), архитекторов (1985) расширяет потенциальные возможности граждан Европейского экономического сообщества. Две

программы – ERASMUS (1987) и YES (1988) – поощряют мобильность молодежи и обмен студентами. Программа LINGUA (1989) преследует цель повышения знаний молодежи языков стран-членов Европейского экономического объединения. Принимаются программы по профессиональному обучению самых разных категорий работников: молодежи, женщин, служащих, взрослых рабочих. С 1993 г. Европейское экономическое сообщество меняет свой статус и становится Европейским Союзом – интеграционным объединением. Установлением справедливой конкуренции на рынке ЕС активно занимается Комиссия ЕС, привлекая для решения этого вопроса представителей профсоюзов и работодателей, а также представителей европейских организаций по стандартизации, предлагая введение европейских стандартов по здоровью и безопасности граждан. Нормативная база, формирующая социальную политику в рамках Европейского Союза, становится более привлекательной как для граждан членов ЕС, так и для граждан других стран. В условиях повышающейся конкуренции за рынки сбыта товаров, и борьбы за снижение себестоимости продукции, предложение дешевой рабочей силы становится выгодным для работодателя. Это ведет к повышению социальной напряженности на рынках труда. Открытие границ для мигрантов всех континентов усугубляет эту проблему, а социальная политика, задуманная в интересах стран-членов ЕС, становится привлекательной не только для граждан стран членов ЕС, но и прибывающих на эту территорию мигрантов из других менее развитых стран. А для стран – членов ЕС социально-экономическая политика становится все более затратной статьей расхода в бюджете ЕС и стран-членов.

На современном этапе характерной особенностью социально-политического развития стран Запада стало усиление «распределительного» конфликта, вызванного не традиционной конкуренцией за рабочее место, а проводимой бюджетной политикой государства.

Литература

1. РИА Новости (режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170207/1487280477.html>)
2. Люблинский В.В. Политическое измерение социального неравенства и бедности (Сравнительный опыт) // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 94–106.
3. Пономарева Т.Г., Данилко Р.Г., Захарова Е.В. Критерии интеграции страны в мировое хозяйство // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2015. № 1 (49). С. 37–45.

E.V. Zakharova
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
T.G. Ponomareva
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Formation of the social policy of the European Union in the new conditions of management

Abstract. The article examines the problems of social policy in the countries of the European Union that have arisen as a result of the active migration of migrants to Europe, wishing to receive decent social benefits due to the developed regulatory framework supporting the development of a decent social policy of EU integration

Keyword: social policy, EU citizenship, freedom of movement, social protection, normative base of the EU member states.

Д.Б. Казаринова
Российский университет дружбы народов
kazarinova_db@rudn.university

ДИНАМИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: BREXIT И REGREXIT

Аннотация. Процесс формирования европейской идентичности насчитывает не одно десятилетие. ЕС вкладывает огромные ресурсы в политику формирования общей идентичности: образовательную, языковую, символическую и политику памяти. Но серия кризисных явлений в ЕС (миграционный шок, Брексит), породив кризис солидарности, существенным образом меняет европейский социокультурный ландшафт, формируя новые сообщества или, как их называли в Чатэм хаус, «кланы», которые определяют европейскую политику.

Ключевые слова: ЕС, идентичность, ценности, евробарометр, кризис солидарности, европейские «кланы».

Политика европейской идентичности

Проблема становления европейской идентичности, которая бы вбирала в себя национальную и даже становилась преимущественной, много лет дебатруется не только в среде интеллектуалов, но среди широкой общественности. Политика конструирования европейской идентичности

системна и многоаспектна: это и деятельность по обсуждению ценностей в публичном пространстве, это образовательная политика (в первую очередь в рамках программы Эразмус), и символическая (гимн, флаг, день Европы) политика, языковая политика и политика памяти с общими коммеморациями. Это и чистый социальный конструктивизм с выведением нового европейца «поколения Эразмус».

Рассуждая о том, как возможна европейская идентичность, указывают также на необходимость внедрения европейского **образования**, которое бы вносило в массовое сознание европейские ценности, а не воспроизводило бы национальные мифы. Сторонники единой Европы считают, что европейское образование необходимо для становления европейской идентичности по аналогии с тем, как шел процесс формирования национальных идентичностей благодаря повсеместному распространению всеобщего начального и среднего образования в странах Европы. Обращают внимание также на важность создания и общественного финансирования с той же целью общеевропейских СМИ, выходящих за рамки новостных. То есть звучат призывы к Брюсселю интенсифицировать реализацию политики идентичности.

Проблемы **языкового многообразия** в контексте конструирования европейской идентичности также активно дебатировалась. Сторонники одного подхода придерживаются того мнения, что единство в многообразии – одна из главных ценностей ЕС, и как ценность она важнее для европейской идентичности, чем языковая общность. Другие признают необходимость лингва франка, в качестве которой в первую очередь рассматривается английский (сейчас им владеет почти половина населения ЕС и со сменой поколений эта доля будет все увеличиваться), однако активные дискуссии ведутся и вокруг эсперанто.

Самые широкие дискуссии разгораются по поводу определения некоего перечня европейских ценностей, лежащих в фундаменте европейского проекта. В основе ЕС лежит западный ценностно-политический проект, стоящий на китах рыночного либерализма, индивидуализма, прав человека и либеральной демократии, во многом берущий основы в протестантской этике. Это проект постиндустриальных, постсекулярных и постматериальных обществ, в которых свершился переход от ценностей группового выживания к ценностям индивидуального выбора. Но при отсутствии четкого понимания того, что есть западные, европейские и т.д. ценности, есть некое ощущение, что национальные ценности стран-членов ЕС далеко не всегда совпадают с претендующими на универсальность ценностями. Так, по данным Pew Research Center, ощущение конфликта между национальными и западными ценностями заставляет жителей ряда стран Центральной и Восточной Европы (Румынии, Польши, Хорватии,

Чехии, Венгрии, Греции, стран Балтии и др.) видеть Россию в качестве баланса глобальному Западу⁹⁶. Это можно интерпретировать как приверженность значительной части населения этих стран «традиционным ценностям», идущим вразрез с определенными ценностями Западного мира – ценностями «индивидуального выбора».

В ходе публичных интернет-дискуссий Debating Europe был рассмотрен целый набор **ценностей**, которые могут лежать в основе доминирующей европейской идентичности. Помимо «классических» общеевропейских ценностей – свободы, демократии и прав человека, предлагаются и другие варианты: культурный плюрализм, творчество в искусстве, технологический подъем, основанный на философии и гуманизме, склонность к объективности и логическому мышлению, характерные для европейской культуры вообще, общность исторического опыта и памяти, общность культурных кодов (выраженных в фольклоре), экологичность, способность к устойчивому развитию (Debating Europe).

Исходя из опросов общественного мнения (Eurobarometer 413), европейские достижения распределяются по значимости следующим образом:

- 1) экономическая, промышленная и торговая мощь ЕС;
- 2) приверженность ЕС ценностям демократии, правам человека и верховенства закона;
- 3) добрососедские отношения между странами-членами;
- 4) высокие стандарты жизни граждан ЕС;
- 5) возможность продвижения Европейским союзом мира и демократии за пределами своих границ;
- 6) возможности Евросоюза развивать исследовательскую и инновационную деятельность, европейскую экологическую ответственность.

Таким образом, общеевропейский консенсус по поводу базовых ценностей достигнут.

Вопрос о ценностном единстве в современной Европе представляется ключевым. Прецедент Брексита показал неуниверсальность европейской идеи. В то же время и ценность постоянного расширения границ ЕС постепенно утрачивает свое значение. Идея эта делала ЕС квазинеоимперским проектом, перестал вызывать однозначное одобрение европейцев.

Миграционный кризис существенным образом преобразил безоблачную картину кажущегося ценностного единства европейцев. И если несколько десятилетий назад ЕС был в авангарде политических процессов неолиберального характера: размывание государства, всесторонняя интернационализация и интеграция, укрепление негосударственных акторов,

⁹⁶ *Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe*. (2017) Report Pew Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>

смещение властного ресурса по горизонтали и вертикали, то сегодня Европа показывает миру другой пример – дезинтергации и правого популизма. О кризисе в европейской политике и экономике говорят давно, но сегодня со всей очевидностью видна системность кризисных процессов: «На современном этапе можно выделить пять болевых точек ЕС: это кризисы внутривластного лидерства и солидарности, стабильности единой валюты и экономического роста, нормативного лидерства, иммиграции и террористической угрозы и, наконец, легитимности»⁹⁷. Многие «новые» члены Европейского союза принципиально не согласны разделять общую европейскую ответственность.

Кризис европейской солидарности выразился в расколе между Западной и Восточной Европой по вопросу об ответственности европейцев за судьбу беженцев. И теракты, совершаемые выходцами из мигрантских, в первую очередь, радикально-исламских инокультурных анклавов, с одной стороны, поощряют акции общегражданской солидарности типа «je suis» в краткосрочной перспективе, с другой, в долгосрочной – наносят мощный удар по идеям толерантности и мультикультурализма, на которых базируется ЕС. Раскол между Западной и Восточной Европой, во многом, связан с тем, что страны ЦВЕ – малые страны, имеющие многовековой опыт борьбы за независимость и не имеющие опыта колониального.

Динамика европейской идентичности

Идея создания единой европейской социальной общности получила оформление в виде соответствующей политики ЕС, в которую входили и постоянные замеры общественного мнения, и его анализ. Так, систематически изучается видение будущего Европы глазами самих европейцев, их представления о ценности основных достижений Евросоюза, вызовов и угроз, приоритетности необходимых шагов⁹⁸. При значительных страновых расхождениях, тем не менее, просматриваются общие подходы и определяются характерные тенденции, которые позволяют судить о динамике становления «чувства сообщества», которое и определяет социальную интеграцию.

Представление о ЕС и его основных достижениях остается первым и главным вопросом в повестке программы Евробарометр. Евросоюз его граждане представляют в первую очередь экономической, промышленной

⁹⁷ Романова Т. (2016) Кризисы Европейского союза и его будущее. *Россия в глобальной политике* 21.08.2016 URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evropayskogo-soyuza-i-ego-budushee-18320>

⁹⁸ Казаринова Д.Б. Европейский союз: ценности для будущего// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология, 2014, №3. – С. 123-127

и торговой державой, и ее главными достижениями видят уважение демократии, прав человека и верховенство права в качестве основных инструментов достижения благополучия (33%) [33]. Европейцы очень ценят хорошие отношения между государствами-членами (24%) и уровень жизни граждан ЕС (22%). Таковы самые упоминаемые ценности и достижения европейской интеграции.

В тройку самых упоминаемых аспектов, которые будут наиболее полезны для будущего Европы, вошли: выравнивание уровня жизни (53%), сопоставимость стандартов образования (35%), а также определенность внешних границ ЕС (26%)⁹⁹.

Но идея политической интеграции при этом не захлебнулась, как считают многие. Для углубления взаимодействия еще есть значительный ресурс социальной поддержки. По крайней мере шесть из десяти европейцев поддерживают повышение уровня принятия решений до общеевропейского в различных областях, в частности, борьбе с терроризмом, содействию демократии и миру (по 80%) или защите окружающей среды (77%). Но неопределенным для самого Евросоюза остается предпочтительный механизм этой интеграции. Мнения о стратегии «Европы двух скоростей» разделились: 47% говорят, что страны, которые готовы активизировать развитие общей европейской политики в некоторых важных областях, должны сделать это, не дожидаясь остальных, в то время как 41% считают, что необходимо ждать, пока все государства – члены ЕС будут готовы к интеграционным шагам¹⁰⁰.

Tribes of Europe

Исследователи из Чатэм хаус по результатам проведенного в конце 2016-начале 2017 г. по 10 европейским странам исследования делят весь европейский демос на 6 больших групп или, как они называют, кланов¹⁰¹.

- «Колеблющиеся европейцы» – крупнейшая социальная группа, составляет 36% респондентов, в основном проживающих в сельской местности и малых городах, преимущественно женщины (57% против 43%), Они являются крупнейшим кланом и, как правило, выражают умеренные мнения по многим вопросам. Они относительно удовлетворены жизнью, пе-

⁹⁹ Special Eurobarometer 451 – Wave EB86.1 – TNS opinion & social *Future of Europe* Fieldwork: October 2016, Publication: December 2016. URL: <http://ec.europa.eu/COMM FrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/survey Ky/2131>

¹⁰⁰ Special Eurobarometer 451 – Wave EB86.1 – TNS opinion & social *Future of Europe* Fieldwork: October 2016, Publication: December 2016. URL: <http://ec.europa.eu/COMM FrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/survey Ky/2131>

¹⁰¹ Tribes of Europe <https://tribes.chathamhouse.org/the-tribes>

риодически сталкиваются с трудностями и считают, что более или менее контролируют свою жизнь. Многие имеют скромные доходы. Они чаще, чем другие, относятся к политике с апатией. Тем не менее, они не считают, что их страна выиграла от притока мигрантов. Они, как правило, отдают приоритет национальному суверенитету над более глубокой европейской интеграцией и испытывают равнодушие к ЕС.

- «Довольные европейцы» – следующая по величине социальная группа (23% респондентов), преимущественно молодежь и студенты, проживающие в крупных городах, как правило левоцентристских взглядов с некоторым преобладанием женщин над мужчинами (54 против 46%) Они в основном настроены оптимистично, проевропейски и довольны статус-кво. Они чувствуют, пребывания в составе ЕС принесло лично им пользу, и гордятся тем, что европейцы. Довольные европейцы часто молоды; многие из них принадлежат к возрастной когорте 18-29 лет, в основном это студенты. Они входят в число самых социально либеральных групп. Они в целом чувствуют себя позитивными, счастливыми и уверенными в ЕС как институте. Они чаще, чем большинство респондентов считают, что иммиграция принесла положительные результаты. Средний «довольный европеец» чувствует себя хорошо осведомленным о том, как работает ЕС, и верит в его демократичность. Они чаще, чем любая другая группа, думают, что баланс сил между ЕС и государствами-членами идеален. Тем не менее, они не готовы к идее "Соединенных Штатов Европы".

- «Ниспровергатели ЕС» – третья по величине социальная группа (14%), проживающая в основном в сельской местности и малых городах, в ней несколько преобладают мужчины (54 на 46%), которые в целом обозлены на политику и особенно ЕС. Они наименее склонны думать, что они лично выиграли от членства их страны в ЕС и не испытывают чувства солидарности со своими европейскими соседями. У них широкая гамма негативных переживаний по отношению к ЕС: гнев, отвращение, страх или пессимизм. В подавляющем большинстве они полагают, что ЕС недемократичен. Почти все в этой группе считают, что ЕС захватил слишком большую власть. Они полагают, что иммиграция плохо обернулась для их страны, и многие хотели бы, чтобы она вообще прекратилась. Они чаще всего поддерживают смертную казнь и выступают против однополых браков, хотя они разделены по этому вопросу, хотя они и не единодушны в этом вопросе. В основном это люди среднего возраста; относительно немногие из них молоды. Это работники неквалифицированного труда или самозанятые. Их социальные связи ограничиваются местом проживания и трудовым коллективом. Для многих характерен низкий уровень доходов, но есть также значительное

число обеспеченных. Несмотря на это, подавляющее большинство из них испытывают неудовлетворенность от жизни.

- «Разочарованные проевропейцы» составляют 9% всех опрошенных. В основном это жители городов, среднего возраста, достатка, тяготеющие к левоцентристским взглядам и не слишком довольные жизнью. Они хотят видеть ЕС, движимый прогрессивными ценностями, но они не чувствуют этого в настоящее время. Они склонны думать, что больше полномочий должно быть передано ЕС, но при этом многие не ощущают выгод от членства в нем. «Разочарованные проевропейцы», как правило, придерживаются левых взглядов. В целом они поддерживают общий подход к разрешению кризиса с беженцами и идею оказания помощи беднейшим государствам-членам. Но они не так неоднозначно относятся к иммиграции, как другие проевропейские группы. Большинство считают ЕС лишь относительно демократичным. По возрастным группам «разочарованные проевропейцы» распределяются довольно равномерно, как правило, работают на непостоянных рабочих местах и относятся к нижней части среднего класса.

- «Бунтовщики» составляют 9% респондентов, живут в средних городах, располагают средними и низкими доходами, принадлежат к старшему поколению, это левоцентристы с низким уровнем удовлетворенности жизнью. Они недовольны политикой и всем ЕС. Они мало верят в евродемократию, и лишь немногие считают, что ЕС им что-то даст. Часто представители этой группы испытывают социальные трудности и проблемы с занятостью. Они, как правило, живут в странах, испытывающих наихудшие последствия экономического кризиса. Большинство далеко не гордятся тем, что являются европейцами, и желают возврата к национальным государствам. Но при этом представители этого «клана» в основном считают, что более богатые государства-члены должны поддерживать более бедные, и что государства должны принять справедливую долю беженцев. По поводу ЕС они испытывают исключительно негативные эмоции.

- «Федералисты» – самая малая (8%) социальная группа. Это в большинстве своем зрелые (часто пенсионеры) мужчины (66%), жители больших городов, имеющие средний или высокий доход и удовлетворенные жизнью. Они хотят более глубоко интегрированного ЕС и поддерживают в конечном итоге "Соединенные Штаты Европы". Они являются самым богатым и наименее гендерно сбалансированным «кланом». Люди в этой группе чаще всего чувствуют, что они лично выиграли от членства ЕС и очень довольны своей жизнью. Эта группа также является наиболее позитивно относящейся к иммиграции. Среди членов этой группы представители всего политического спектра. Они уверены в ЕС и его будущем.

Как правило, у них есть университетское образование и много друзей из других стран – их социальные связи весьма широки. Часто говорят на трех и более иностранных языках. Собственно, это и есть тот элитный слой, который поддерживает европейский проект, его главный бенифициар и драйвер. Что еще раз доказывает тезис о том, что элиты в целом намного чаще готовы ассоциировать себя с более широкими сообществами.

Пожалуй, наибольшую роль в современной европейской политике играют еврооптимистичные элиты, но на выборах задают тон «ниспровергатели», сторонники правых популистов, которые перевернули в последние годы привычный ход политического процесса до такой степени, что угрожают концом либеральному миропорядку.

Brexit & Regrexit

Среди самых знаковых событий, которые проводят границу между старым миропорядком и нарождающимся новым исследователи в один голос называют избрание Президентом США Д. Трампа и референдум о выходе из ЕС Великобритании – Брексит. Но в то же время эти события дали новый импульс европейскому единству, а Brexit породил Regrexit¹⁰² – кампанию по трансформации ЕС, его обновлению и выходу на новую стадию развития.

Дж. Сорос в статье “Promise of Regrexit” утверждает: европейские лидеры должны признать, что ЕС находится на грани распада. Вместо того, чтобы обвинять друг друга, они должны сплотиться и принять исключительные меры. Среди таких мер Дж. Сорос называет следующие:

«Во-первых, четкое разграничение между членством в ЕС и еврозоны. Не-члены еврозоны не должны подвергаться дискриминации. Еврозона должна иметь свою казну и бюджет, Европейский Центральный банк должен стать полноценным финансовым органом.

Во-вторых, ЕС должен использовать не задействованные пока в значительной степени собственные кредитные возможности.

В-третьих, ЕС должен укрепить свою оборону, чтобы защитить себя от внешних врагов, которые могут воспользоваться его нынешней слабостью. Самый большой актив ЕС, по мнению Дж. Сороса, – это Украина, чьи граждане готовы пожертвовать жизнью для защиты своей страны и Европы.

В-четвертых, планы ЕС по борьбе с кризисом беженцев должны быть тщательно пересмотрены. Они пронизаны заблуждениями и нестыковками, которые делают их неэффективными».

Буквально выполнением этого плана выглядят заявления Ф. Могерини, Ж.-К. Юнкера и Э. Макрона о единой оборонной стратегии. Единая

¹⁰² Soros G. The Promise of Regrexit <https://www.theguardian.com/business/2016/jul/11/the-promise-of-regrexit>

Европа демонстрирует готовность встать наконец на «вторую опору» и де-факто сделать еще один шаг на пути интеграции. Однако затягивание процесса Брексита не облегчает эту задачу.

Британия пока не может разобраться с последствиями своего выхода из ЕС (в особенности остро встает вопрос об особом статусе Северной Ирландии, Шотландии и Лондона, который подразумевает их оставление в правовом поле ЕС), а часть ее элиты, которая в значительной мере чувствует для себя важной европейскую идентичность, желала бы пересмотреть итоги референдума. В крайнем виде это выражается тезисом Р. Саквы «Одна Европа или никакой».

Заключение

Политика построения идентичности всегда подразумевает социальный конструктивизм определенного субъекта. В случае Европейского Союза этот проект может быть признан вполне удачным, так как субъектами его были не только еврократия, но и большой спектр организаций гражданского общества, до сих пор существуют конкурирующие европейские нарративы (грубо их можно разнести как федералистов и стрононников межгосударственного подхода), то есть процесс был не монологичен, это результат диалога и даже полилога надгосударственных, государственных и негосударственных акторов политики. Сегодня происходит качественный сдвиг: «европейская идентичность перестала быть только элитистским проектом, который существовал на протяжении последних веков в культурной и научной сфере»¹⁰³. Благодаря многосубъектности и множественности политик европейской идентичности, он становится более массовым, хотя и встречает в то же время мощное сопротивление архаики правых традиционалистов. В то же время переход к такого рода полифонии, согласно И. Семененко, – залог модернизационного развития единой Европы.

Литература

1. Казаринова Д.Б. Европейский Союз: ценности для будущего // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология, 2014. № 3. С. 123–127

2. Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности / Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: «Весь мир», 2017.

¹⁰³ Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности/ Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание./отв. ред. И.С. Семененко/ИМЭМО РАН. М.: «Весь мир», 2017. С. 190.

3. Романова Т. (2016) Кризисы Европейского Союза и его будущее. *Россия в глобальной политике* 21.08.2016 URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evrolepeiskogo-soyuza-i-ego-buduschee-18320>
4. Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. (2017) Report Pew Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>
5. Soros G. The Promise of Regrexit <https://www.theguardian.com/business/2016/jul/11/the-promise-of-regrexit>
6. Special Eurobarometer 451 – Wave EB86.1 – TNS opinion & social Future of Europe Fieldwork: October 2016, Publication: December 2016. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/surveyKy/2131>
7. Tribes of Europe <https://tribes.chathamhouse.org/the-tribes>

D.B. Kazarinova
RUDN University

The Dynamic of the European Identity: Brexit and Regrexit

Abstract. There is a few decades' process of European identity constructing. The EU invests huge resources in common identity policies: education, language, symbolic and memory policies. Some crisis manifestations (migration chock, Brexit) incited solidarity crisis and changed European sociocultural landscape by forming new communities or, as Chatham house call them, Tribes of Europe which set the European politics.

Keywords: EU, identity, values, Eurobarometer, solidarity crisis, “tribes of Europe”.

В.А. Картамышев

Московский физико-технический институт
vkartamyshev17@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье анализируются основные модели современной Европейской идентичности и их влияние на процессы интеграции в ЕС. Основной аргумент – формирование Европейской идентичности в каче-

стве «надстройки» или «переплетающейся» с национальной идентичностью стран – членов ЕС является важным фактором в процессе Европейской интеграции. Рассматриваются такие модели, как «сквозная», «вложенная» и «переплетённая» формы идентичности. Все модели распространены среди граждан Европейского Союза, но важным аспектом является понятие «эксклюзивной» или «инклюзивной» идентичности – готовы ли граждане ЕС продолжать политику интеграции и позволить другим культурам и нациям вносить свой вклад в Европейскую идентичность, или же вызовы глобализации заставляют закрыть границы и превратить Европу в крепость. Понятие Европейской идентичности важно, но для успеха интеграции необходима и солидарность.

Ключевые слова: ЕС, Европейский Союз, интеграция, Европейская идентичность, Европейские институты, солидарность, иммиграция.

Современная Европейская идентичность формируется в уникальных исторических условиях. Зарождение состоялось в результате раздела Европы великими супердержавами, одержавшими победу во Второй мировой войне. В результате чего континент был поделён на сферы влияния между Советским Союзом и США и их союзниками. В результате «холодной войны» Западная Европа, лишённая традиционных национальных распрей, получила беспрецедентную возможность инвестировать время и усилия в создание процветающих, демократических и открытых сообществ. План Маршалла, предоставивший странам Западной Европы долгосрочные кредиты на восстановление экономик совокупно с гарантиями безопасности от военных угроз, позволил добиться впечатляющей макроэкономической стабильности и процветания Европейского сообщества. Таким образом, в отличие от национальных идентичностей, формирующихся в условиях так называемого «критического стыка»¹⁰⁴ – война, внешняя угроза или катастрофа, современная Европейская идентичность зарождалась в условиях мира и относительно стабильного экономического роста. Следует отметить что главные «вдохновители» Европейской интеграции Жан Моннэ и Роберт Шуман были убеждены, что интеграция экономик как раз и является залогом мира и прекращения периодических войн, которые только за один «короткий» XX век едва не стерли Европейскую цивилизацию с лица земли. В настоящее время вопрос Европейской идентичности встает довольно остро, так как он становится краеугольным камнем всего процесса дальнейшей Европейской интеграции и на самом деле политических выборов («political choices») перед которыми стоят

¹⁰⁴ Critical juncture

элиты и население Европы. Новые вызовы, вставшие перед Европейским Союзом особо остро: Brexit (выход Великобритании из ЕС), иммиграция, приход к власти популистских Евроскептиков в Венгрии и Италии, разочарование среди населения, демократический дефицит и крайне настороженное отношение к вопросу солидарности, подразумевающее помощь развитых ведущих экономик странам с низким уровнем жизни и задолженностью – являются тестом на прочность Европейского проекта и идентичности. Ведь в этом вопросе сложно разделить мотивационную и утилитарную составляющие, а именно – отождествляют ли себя жители Евросоюза с ЕС из-за успешности современной Европейской модели или из-за благ, которые они получают, будучи гражданами ЕС? Насколько осознанно жители Европейского Союза идентифицируют себя с успешным проектом построения единого экономического и политического пространства, будет зависеть будущее ЕС. Многие исследователи приводят доказательства того что за время интеграции в ЕС национальные идентичности приобрели дополнительные характеристики Европейской идентичности. Интересен тот факт, что не всегда жители ЕС осознанно выделяют различные аспекты этих идентичностей. Однако реальность показывает, что в том случае если Европейская идентичность или проект ЕС начинает восприниматься как «угроза» национальной идентичности, следует мощная негативная реакция – как в случае с Brexit или публичными референдумами, проводившимися по вопросу принятия Европейской конституции в Нидерландах в 2005 г.

Таким образом, аргументом в этой статье выступает предположение, что формирование Европейской идентичности крайне важно для успеха Европейского проекта. Однако в силу того, что отсутствует единый Европейский *demos* и *lingua franca* общая для всех жителей континента, такая идентичность по определению становится составной частью национальной идентичности. Также предлагается аргумент, что с учетом специфики Европейской идентичности иные аспекты, такие как солидарность, становятся крайне важны. В статье мы рассмотрим три вида идентичности, характерных для Европейского Союза: «сквозная»¹⁰⁵, «вложенная»¹⁰⁶ (ещё её называют «Матрёшка») и «переплетённая» (её также называют «мраморный торт»).

Исследования Европейской идентичности рассматривают три аспекта: как Европейцы воспринимают себя, как они воспринимают друг друга и каким образом взаимодействуют. Два первых вопроса касаются

¹⁰⁵ Cross-cutting

¹⁰⁶ nested

различных аспектов идентичности. Третий затрагивает тему солидарности. Взаимосвязь между этими тремя аспектами очень важна. В зависимости от контекста и участников сообщества эти восприятия могут изменяться.

Рассмотрим восприятие разных групп Европейцев в зависимости от контекста и взаимодействия: например, если в одном зале встречаются японцы, немцы и испанец последние будут воспринимать себя и друг друга как Европейцы. Если зал покинут японцы, испанец вполне вероятно будет продолжать считать себя европейцем, но велика вероятность того, что немцы будут его рассматривать в первую очередь как испанца. В этой связи интересно рассмотреть восприятие детей эмигрантов, переселившихся из Европы в Аргентину. Например, дети итальянских родителей, решивших переехать в Рим, хотя и говорят на итальянском и полностью идентифицируют себя с итальянской культурой, разделяют традиции и обычаи, тем не менее воспринимаются в Итальянском обществе как эмигранты.

Идентичность не имеет существенных не изменяемых характеристик по той же логике что и взаимоотношения между людьми и обществами не зафиксированы раз и навсегда. Они постоянно переменчивы и трансформируются (*in flux*).

Опыт формирует самоидентификацию, и восприятие других людей и групп – наши взаимоотношения с ними изменяемы. Кроме того, в культурной памяти наций изначально закладываются аспекты идентичности, которые предопределяют поведенческие особенности. Например, отношение граждан ФРГ к проекту создания ЕС в большой степени определялось реалиями жестокости нацистской Германии во время Второй мировой войны. Относительная изоляция жителей Восточной Германии от Западной Европы и возможность дистанцироваться от нацистского прошлого «смягчило» чувство их вины.

Три модели Европейской идентичности и их последствия для Европейской интеграции

Три модели Европейской идентичности подробно изучены профессором Томасом Риссе¹⁰⁷. В первой «сквозной» модели члены одной группы идентичности могут разделять характеристики с членами другой группы. К примеру, женщина – гражданка Испании и ЕС может разделять гендерные особенности с другими женщинами из других регионов мира, но они не разделяют с ней привязанности к Европе и испанской идентичности.

¹⁰⁷ Thomas Risse A Community of European? Transnational Identities and Public Spheres.

«Вложенная» идентичность или же «Матрёшка» подразумевает определённую степень иерархии, а именно – Европейская идентичность чаще всего формирует слой идентичности поверх ядра – национальной или региональной идентичности. В данной модели привязанность к национальному государству или региону проявляется значительно сильнее привязанности к Европе. Следует отметить, что довольно часто в Европе встречается «многоуровневая матрёшка» к примеру, под довольно сильной привязанностью к Испании обнаруживается еще более ярко выраженная Каталонская идентичность. Некоторые исследователи¹⁰⁸, изучив идентичности представителей Еврокомиссии, сообщают о том, что у них Европейская идентичность сформировалась как ядро, в то время как их национальные идентичности отодвинулись на второй план. Однако, это стало возможным скорее благодаря их позиции и лояльности к проекту ЕС. Большинство же населения ЕС редко находится в осознанном контакте с институтами ЕС и ядром их идентичности продолжает быть национальной или региональной идентичность.

Модель «мраморного торта» подразумевает «переплетённость» и взаимодействие различных аспектов идентичностей. Отличительной чертой такой идентификации является «вплетение» аспектов Европейской идентичности в национальную/региональную. Таким образом, Томас Риссе говорит о Европенизации национальной идентичности (Europeanisation). Европенизация означает, что ЕС и Европа интегрированы в основу осознания национальной принадлежности индивидуума. Восприятие себя как испанца, поляка или француза изменяется по мере того как Европа и ЕС становятся неотъемлемыми частями этого восприятия и осознанности. Граждане ЕС не перестают быть испанцами, поляками или французами, но становятся Европейскими испанцами, поляками и французами. Такая трансформация очень часто отмечается в выступлениях Европейской элиты и среди тех слоёв населения, кто имеют возможность часто путешествовать.

Почему нас может интересовать преобладание той или иной модели идентичности? Основным критерием, по которому определяется залог успеха Европейского проекта, можно считать преобладание эксклюзивной либо инклюзивной идентичности. Если среди населения Европы будут превалировать эксклюзивные настроения по отношению к Европе и ЕС, то элите будет довольно сложно убедить граждан своих национальных государств поддержать дальнейшую интеграцию. С другой стороны, если среди большинства населения будет ярко выражена инклюзивная идентич-

¹⁰⁸ Laffan and Wodak

ность с аспектами идентификации с ЕС и Европой, то у них уже заложены позитивные ценности космополитов, и они готовы более активно поддерживать дальнейшую Европейскую интеграцию. Эксклюзивные националисты формируют ксенофобские массы со скептическим или ярко агрессивным отношением к дальнейшей интеграции в ЕС. Именно модель «мраморного торта» позволяет отследить такой раскол в отношении населения к Европе и ЕС.

Идентичность как стимул к Европейской интеграции

Очень важно исследовать вопрос, идентифицируют граждане ЕС себя с Европой из-за самой сути проекта или из-за того, что они получают взамен. Вопросы идентичности и солидарности являются ключевыми в нашем понимании процесса Европейской интеграции, так как в них содержится легитимация и залог стабильности в Европе.

Является ли идентичность причиной и основной движущей силой в интеграционном процессе ЕС или же она проявляется как эффект в результате создания Европейских институтов, подписания договоров, попыток элиты убедить население в важности интеграционных процессов в Европе, а также практики общения Европейцев из разных стран между собой и с Европейскими институтами?

Роль Европейской идентичности как стимула берёт истоки из теории возникновения национализма. В 1950-х гг. исследователь Карл Дейч задавался вопросом, могут ли те же силы, что способствовали формированию наций, привести к появлению стойкого, стабильного и самосохраняемого сообщества государств Западной Европы. Его аргумент был прост – по мере того как различные группы взаимодействуют, они строят доверительные отношения и взаимопонимание. В конце концов, интенсивность взаимоотношений позволяет политическим лидерам сформулировать популярные призывы, апеллирующие не только к разным группам и классам сообщества. Призывы определяют совместный проект, отвечающий общим ценностям и стимулирующий положительную ответную реакцию всех граждан. Обычно такие проекты обещают повышение качества жизни, экономический рост и продвижение превосходящего стиля жизни нации (по сравнению с соседями). Поначалу такие призывы распространяются среди элиты, но постепенно воспринимаются населением и возникает призыв к интеграции характеризующийся широкой поддержкой масс. Построение сообщества становится одновременно и целью, и механизмом достижения политических целей. Ключом к успеху являются идентичность и солидарность населения. Имеются два условия к этому аргументу: первое – не следует забывать, что модели построения

нации в применении к более широкому процессу интеграции, происходящему на уровне ЕС, не являются национализмом в чистом виде. Европе не суждено стать национальным государством так же, как и различным многонациональным империям – они могут существовать, но процесс ассимиляции затруднён. В этой связи многие научные исследователи с некоторой иронией сопоставляют ЕС со Святой Римской Империей – едва ли Святая и вряд ли империя.

Второе условие – идентичность и солидарность очень трудно эмпирически измерить. Возможно измерить интенсивность взаимодействий различных групп, изучить их мнения и отношения к совместному проекту до и после начала интеграционного процесса. Но эти оценки могут лишь примерно дать представление о том, какие политические силы и с каким влиянием содействовали интеграции.

Карл Дейч решил исследовать, насколько верно было предположение о том, что политический процесс интеграции, предпринятый элитами, с энтузиазмом будет поддерживаться среди простого населения. Спустя 10 лет после подписания договора в Риме он сожалел, что «захватывающе бурное развитие институтов и договоров в Европе не сопровождается углубленной поведенческой интеграцией». Он отмечал, что национальные идентичности усилились на фоне ослабления энтузиазма по поводу Европейского проекта среди населения. Таким образом, он сделал заключение, что возможность объединить Европу упущена. Однако его выводы подверглись критике. Дейч не учитывал того факта, что со временем вырастет новое поколение молодых людей, которые более охотно будут идентифицировать себя с проектом Европейской интеграции, а их мнение будет основываться на выгодах, которые они ощутили от интеграции в момент формирования своих ценностей. К тому же, как показала история, за время интеграции Европейские институты продолжали функционировать и способствовать углублению и расширению ЕС несмотря на степень поддержки или пессимизма населения. Такая активная деятельность, возможно, способствовала зарождению более значимой поддержки среди населения. Однако эта поддержка не являлась непременно условием изначально как в случае с рождением нации.

Идентичность как эффект интеграции

Возникновение единой Европейской идентичности как эффекта интеграционных процессов также имеет корни в изучении национализма. Из истории – это макро-культурный проект по превращению «крестьян во Французов». Согласно этой модели, чем дольше различные

группы участвуют в процессах интеграции и взаимодействуют с общими институтами, тем сильнее будет влияние такого опыта на их восприятие себя и сообщества. Они начинают вырабатывать схожие поведенческие модели и становятся взаимозависимы. В результате все группы усваивают общие ценности и определяют общие интересы, которыми руководствуется все сообщество. Опыт участия уже не кажется таким странным и чуждым и все члены в результате идентифицируют себя с более широким сообществом.

Аргумент, конечно, содержит привлекательную логику, хотя не без изъяна. Он предполагает, что сообщества, созданные на основе институциональных наднациональных конструкций, таких как ЕС, являются наиболее важными форумами для общения. Однако мы знаем и другие, не менее, важные сообщества, существующие в Европе, такие как Скандинавские страны, Средиземноморье, католики, протестанты, Восточно-Европейское сообщество, страны Западной Европы. Было бы удобно предположить, что Европа возродилась с нуля (*tabula rasa*) после Второй мировой войны, однако иные исторические события и региональные объединения и союзы также влияют на формирование Европейской идентичности.

В результате полезно проследить контраст между идентичностью как причиной или стимулом, основывающейся на успехе призывов к различным классовым слоям и возникновению Европейской идентичности в результате эффекта от интеграции. Если последний вариант более вероятен, то возникает беспокойство, что ЕС, это проект, в котором активно участвует малая часть элиты и активных граждан.

Как показали исследования (Нил Флигстайн), поддержка Европейской интеграции зависит не столько от 10–15% населения Европы имеющих профессиональную возможность, образование и ресурсы для частых поездок в соседние Европейские страны, сколько от большинства, населения которое редко посещает соседние страны ЕС. В связи с этим важно понимать взаимосвязь Европейской и национальной идентичности. В том случае, если проект Европейской интеграции будет воспринят этой частью населения как угроза национальной идентичности, последует мощная волна протестов против инициатив углубления интеграционных процессов. Ярким примером является референдум 2005 г. в Нидерландах по ратификации Европейского конституционного договора. Голосуя против, население Нидерландов не рассматривало вопросы экономической выгоды либо углубления интеграции. Скорее население таким образом выражало недоверие своим политическим лидерам, боязнь увеличения мигра-

ционных потоков и восприятие проекта ЕС как «культурной угрозы» традиционной голландской культуре.

Тем не менее, важно отметить, что национальная и Европейская идентичности способны сосуществовать и дополнять друг друга. Вполне возможно иметь сразу несколько идентичностей и пользоваться ими в зависимости от контекста. Особенности многоуровневой институциональной структуры в Европе подразумевает множество уровней идентичности подобно таким Европейским странам как Великобритания, Бельгия, Испания, Франция с сильными традициями региональных или многонациональных традиций. Подобная многоуровневая идентификация скорее является симптомом хорошего здоровья наций и народностей. Более того, такого рода идентификация является более гибкой и восприимчивой для интеграции иммигрантов из других регионов мира, хотя в настоящее время ввиду обострившейся ситуации наблюдается волна ксенофобских настроений в ряде стран.

Отдельно следует отметить взаимоотношение Европейской идентичности с вопросами религии, этнического происхождения и миграции. Вопросы религии зачастую разделяли Европу и являлись причиной многих войн. В вопросах этнических различий задача заключается не в том, чтобы избавиться от этнического разнообразия в угоду единой объединяющей всех Европейской идентичности. Она также и не в том, чтобы сконструировать некую уникальную Европейскую идентичность, с которой смогут себя отождествлять многочисленные народы и этнические группы в Европейском Союзе. Скорее всего, задача заключается в том, чтобы создать условия, в которых растущие напряженности между разными этническими группами могли быть разрешены мирным путём. Существование единства и различия в Европе очень важны – лозунг *Unity in Diversity* для стран ЕС – это не просто слова. Идентичность важна, но Европейская солидарность всегда играла ведущую роль в интеграции. Кстати эта модель полезна как для внутреннего использования, так и для посылки во внешний мир в качестве примера того как примирять конфликтующие интересы различных групп на основе религии, этнической принадлежности.

Вывод: успех Европейской интеграции не основан на единой устраивающей всех идентичности. По всей видимости, не следует ожидать конвергенции идентичности, как и экономик. Как несовершенны механизмы и институты ЕС, так и идентичность может подвергаться критике. Если выбранная модель позволяет Европейцам сосуществовать в мире и процветании, то она является успешной.

Литература

1. Thomas Risse, “A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres.” Cornell University Press. 2010 by Cornell University.
2. Erik Jones, “Identity and Solidarity.” in the Oxford Handbook on the European Union. Oxford University Press. 2012 by Oxford University.
3. Karl Deutsch, et al., “Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience.” Princeton University Press. 1957.
4. Krishnan Kumar, “Nation-States as Empires, Empires as Nation-States: Two Principles, One Practice?” *Theory and Society* 39, no 2 (March 2010).
5. Neil Fligstein, “Euroclash: The EU, European identity and the Future of Europe.” Oxford University Press, 2008.
6. John McCormick, “Europeanism.” Oxford University Press, 2010.
7. Trine Flockhart, “Critical Junctures and Social Identity Theory: Explaining the Gap between Danish Mass and Elite Attitudes to Europeanization.” *Journal of Common Market Studies* 43, no 3, February 2005.
8. Laffan, Brigid, Rory O'Donnell, and Michael Smith. “Europe's Experimental Union. Rethinking Integration.” London: Routledge. 2000.
9. David P. Calleo, “Rethinking Europe’s Future.” Princeton University Press, 2001, A Century Foundation Book.
10. Alex Drace-Francis, “European Identity: A Historical Reader.” Palgrave Macmillan, 2013.

V.A. Kartamyshev

Moscow Institute of Physics and Technology

Modern European identity formulation as a result of European Union integration

Abstract. The article analyses key models of modern European identity and their influence on EU integration. The main argument is that European identity formulation as “nested” on top of or “intertwined” with a national one is a crucial factor in the process of the European integration. Cross-cutting, nested and intertwined models of identity are analyzed. All models are quite widespread among European citizens. However, an essential feature of any given type is whether an identity is “exclusive” or “inclusive” – i.e. whether a particular type of identity EU citizens hold allows other cultures and nations to contribute to EU identity, or, on the contrary, the globalization challenges have been forcing them to demand closing of borders and building ‘fortress Europe’. The concept of the European identity is important, but continued solidarity is crucial.

Keywords: EU, European Union, integration, European identity, European institutions, solidarity, immigration.

КАК ДОГОВОРИТЬСЯ О ЦЕННОСТЯХ И О ЧЕМ НЕЛЬЗЯ ДОГОВОРИТЬСЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор темы формирования идентичности субъекта культурного и социального диалога на основе философско-антропологического и ментального подходов. В содержание статьи входит краткая характеристика способов выстраивания диалога между странами, на основе которой предлагается переосмысление идеи и задач для диалога культур.

Ключевые слова: идентичность, субъект, субъектность, диалог цивилизаций, культурный диалог, культурная идентичность, философия культуры, ментальный подход, ментальность, диалог, философская антропология, практика философской рефлексии.

Диалог – это не просто одна из форм коммуникации и даже не средство реализации своих частных интересов. Диалог – это среда для развития.

В высокой культуре, искусстве и даже психологической практике давно присутствует определенный пиетет перед содержательными формами диалога – начиная с древних цивилизаций, греческих симпозиумов и платоновских диалогов Сократа, средневековых схоластических практик, заканчивая современными практиками групповой динамики в психологии и научными коллоквиумами. Однако в организации коммуникации между странами и народами до подобных глубинных диалогов еще далеко.

Межкультурный диалог как процесс самосознания субъектов истории

Философский анализ мировой культуры позволяет говорить о том, что формирование идентичности народа в истории мировой культуры происходит из столкновения особенных народных культур как субъектов истории. Этот процесс самоидентификации происходит через стадии определения границ владений субъектов отношения (географическое положение, природные ресурсы и т.д.), гражданских и мировых войн как средств распространения культуры, формирование международных экономических отношений и процесса торговли как способа закрепления международного формального права. При этом, существующие недостатки формального права в выражении содержания взаимной

зависимости особенных культур снимаются исключительно в процессе взаимного культурного просвещения и формировании наднациональных политико-экономических отношений. Вследствие чего в процессе самосознания народами своей идентичности на фоне всеобщей мировой истории возникает идея неотчуждаемых естественных прав человека и безусловной ценности исторического наследия мировой культуры. С конца XX столетия также возникают и интеграционные процессы в сфере образования и науки, претендующие на новый характер диалога цивилизаций.

Правовые ограничения как основания для содержательного конфликта интересов в партнерских отношениях государств

Поскольку существующие отношения между странами выстраиваются на основе формального права, исторически и содержательно обусловленного частным правом собственности, форма диалога цивилизаций оказывается детерминированной «экономическим базисом». Попытки говорить о диалоге между народами и странами как об экономических отношениях партнеров приводит к форме партикулярных отношений собственников, сложная система опосредующих исторических связей в отношениях участников такого диалога оказывается не рефлексированной. Взаимное влияние культур друг на друга не учитывается в формальном договорном характере отношений.

Борьба традиционных ценностей и исторической идентичности народов против современной прагматики научно-технологического прогресса приводит к отрицательной форме отношений непосредственной ценности сохранения культурной идентичности и непосредственной прагматики технологического прогресса.

Ценностно-смысловое и ментальное содержание диалога культур

На фоне относительно успешной стратегии развития международных экономических отношений выступают альтернативные способы организации межкультурного взаимодействия, основанные на разных ценностях.

Диалог между культур на основе религиозных оснований порождает новые конфликты как внутри стран, так и в их отношениях друг к другу.

Идея всеобщей ответственности за историческое наследие и взаимную безопасность оказывается не эффективной в организации интеграционных процессов, поскольку ей противопоставляется идея прогресса.

Апелляция к естественным правам человека и толерантности способствует росту национализма и экстремизма.

Экономический идеал всеобщего благосостояния, основанный на технологическом прогрессе, сталкивается с традиционными ценностями.

Нерефлектируемые ментальные основания позиций участников диалога сохраняют отчужденную форму отношений, поскольку не могут быть непосредственно выявлены. Неосознаваемые основания субъекта диалога являются ментальными ценностно-смысловыми установками и могут быть выявлены благодаря практике философской рефлексии.

Рефлексия ментальных оснований как способ развития участников диалога

В процессе диалога даже о самых простых вещах люди обмениваются своими представлениями о том, как по их убеждению все устроено и как со всем должно жить. Даже в быту мы разговариваем друг с другом о смыслах, составляющих ментальное содержание наших коммуникаций, но мы не замечаем этого. Кроме того, для становления сознания и мышления, расширения своей картины мира сложно представить себе что-то более простое и столь же действенное, чем диалог. Благодаря общению с другими мы знакомимся не только со своим родным языком и чужой культурой, но и с тем идейным содержанием и убеждениями, которые транслирует родная культура и естественный язык. Поэтому диалог на уровне смыслов является условием и средой для взаимного развития и осмысления не только чужой позиции, но и своей собственной.

Будущее межкультурного диалога зависит от качества и степени осмысленности участниками международных отношений собственного подхода к выстраиванию сложной, многоуровневой коммуникации.

Во-первых, требуется серьезное переосмысление исторического процесса, анализ взаимных культурных опосредований и осмысление единства пространства мировой истории.

Во-вторых, необходимо понимание того, что единое прошлое не гарантирует единства в будущем. Что требует выстраивания международных отношений главным образом в социальных проектах, а также в образовании и науке, инновационной промышленности.

В-третьих, на основе философского осмысления единого исторического процесса и реальной совместной деятельности, важно задуматься, для чего каждому из участников диалога цивилизаций необходимо сохранение мирового исторического и культурного наследия.

В-четвертых, определение направления реализации общезначимых смыслов в будущем требует от каждой из сторон принятия решения о том, от чего в своем прошлом они готовы отказаться ради совместного будущего.

Литература

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане
2. Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. С. 421–435.
3. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. С. 477–491.
4. Кант И. К вечному миру // Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. С. 437–476.
5. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. 798 с.
6. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 394 с.
7. Муравьев А. Н. Отношение философии и опыта в истории философии и культуры: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. СПб., 2017. 374 с.
8. Гончарук Н. С. Формирование наднациональной идентичности в условиях углубления социально-политических интеграционных процессов в ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Орел.: Изд-во ОРАГС, 2009. 43 с.

N.S. Lebedev

Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen

How to treat the values and what can not to be taken in the cultural dialog

Abstract. The article offers a brief overview of the theme of the formation of the identity of the subject of cultural and social dialogue on the basis of philosophical, anthropological and mental approaches. The content of the article includes a brief description of the ways of building a dialogue between the countries, on the basis of which it is proposed to rethink the ideas and objectives for the dialogue of cultures.

Keywords: identity, subject, subjectivity, dialogue of civilizations, cultural dialogue, cultural identity, philosophy of culture, mental approach, mentality, dialogue, philosophical anthropology, practice of philosophical reflection.

А.А. Ливеровский
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
aleksei.liverovskii@list.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается современная конституционно-правовая методология разрешения правовых конфликтов, возникающих в условиях воплощения идей глобализации на современном конституционном пространстве Европы.

Ключевые слова: конституционная идентичность, конституционная культура, конституционные принципы, естественное правопонимание, общепризнанные принципы международного права.

Конституционная реформа 1993 года принесла содержательно новое представление о понимании конституции и ее регулирующего воздействия на общественные отношения. В советское время конституция воспринималась как формальный документ, составленный из нормативных предписаний, регулирующих, в основном, вопросы государственного устройства и полномочий органов государственной власти. Новый этап развития конституционной культуры¹⁰⁹ состоял в переходе от эпохи «приоритета обязанности» к «приоритету прав человека»¹¹⁰. Содержательное наполнение российской, как, впрочем, и любой другой современной конституции, составляют правовые принципы, которые вытекают из традиционных демократических стандартов.

Конституционные принципы определяют высшее по юридической силе регулирующее воздействие на общественные отношения в государстве. Возникновение и существование системы конституционных принципов (конституционной модели государства) не зависит от волеизъявления органов государственной власти, а является результатом общественного согласия и отражением определенного уровня конституционной культуры общества.

Конституционные принципы как правовые регуляторы общественных отношений появились в результате осмысленного анализа человеком¹¹¹ (народом государства! – А.А.Л.) общественных отношений для со-

¹⁰⁹ *Harutyunyan G.G.* Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time. Yerevan, «Njar», New Millenium Constitutionalism: paradigms of reality and challenge. 2017. 528 p.

¹¹⁰ Bobbio N. Teoria generale del politica. Torino. 1999. P. 431-440.

¹¹¹ Имеется в виду рациональный (аристотелевский) подход к познанию и моделированию общественных отношений.

здания правопорядка, реализующего признанные в обществе ценности. В этом плане можно считать, что конституционные принципы имеют естественно-правовое¹¹² происхождение. С другой стороны, воздействие конституционных принципов должно отражать этническое и религиозное своеобразие народа, населяющего государство, его исторический путь и, тем самым, определять дальнейшее конституционное развитие общества. Солону¹¹³ принадлежит мысль, что право должно различаться для каждого народа и для определенного историко-политического периода, характеризующего ценностными особенностями этого народа и данного времени.

Механизмы регулирования общественных отношений конституционными принципами – естественно-правовыми регуляторами и нормами позитивного права¹¹⁴ различаются. Если норма действует *полностью* в соответствии со своим содержанием, то правовой принцип воздействует на общественные отношения *в определенной мере* своего содержания¹¹⁵. Если считать правовой принцип и норму правовыми моделями действительности, то первый следует считать более гибкой моделью, позволяющей устанавливать различную *меру* воздействия его содержания на общественные отношения, в зависимости от сложившихся политических, экономических и идеологических обстоятельств развития государства.

Действие Конституции как неформального регулятора общественных отношений поддерживается и, в какой-то мере, определяется деятельностью органов конституционного нормоконтроля. Органы законодательной власти государства принимают законы, реализующие действие конституционных принципов. Органы конституционной юстиции принимают общеобязательные решения, толкуя фундаментальную систему кон-

¹¹² «Естественно-правовое в той или иной форме есть нечто *объективное*, не зависящее от воли, усмотрения или произвола законоустанавливающей (государственной) власти, то есть определенное, отличное от других социальное явление (социальный регулятор) со своей *объективной* природой, своей сущностью и отличительными особенностями» // Новая философская энциклопедия. Т. 3. Москва. 2010. С. 306.

¹¹³ Солон (ок. 554 до н.э.) – афинский архонт, реформатор и по преданию один из 7 греческих мудрецов.

¹¹⁴ Позитивное право – продукт государственно-властной воли, выраженный в законах и иных нормативных правовых актах.

¹¹⁵ Принцип разделения государственной власти, в соответствии со своим «полным» содержанием, разделяет полномочия органов, относящихся к разным ветвям государственной власти, на создание законов и их исполнение. Однако в законодательных системах различных государств используется доктрина «сдержек и противовесов», определяющая в нормативном плане разную меру реализации принципа разделения государственной власти. Например, определяются разные законодательные формы участия губернатора в законодательном процессе, нарушающие самостоятельность законодательных органов государственной власти по принятию законов.

ституционных принципов, устанавливают текущую, в рамках конституционного развития государства, меру воздействия содержания конституционных принципов на общественные отношения.

В этом плане, под *конституционной идентичностью* государства следует понимать результат реализации (и правовые особенности) принятой и согласованной обществом конституционной модели в рамках её специфического национального развития, определяемого изменением мер воздействия конституционных принципов на общественные отношения, установленных органами конституционного нормоконтроля. Приведем в этой связи высказывание В.Д. Зорькина: «... именно писаная конституция является квинтэссенцией конституционной идентичности нации»¹¹⁶.

Проблемы, связанные с понятием конституционной идентичности государства? были обозначены в российской судебно-конституционной практике и получили свой первоначальный теоретический «абрис» в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации в связи с обсуждением возможности исполнения решений ЕСПЧ¹¹⁷ по делам «Маркин против России» и «Анчугов и Гладков против России». Со времени заключения Европейской конвенции по правам человека¹¹⁸ концепция конституционной идентичности становилась предметом судебного рассмотрения не только в Конституционном Суде Российской Федерации, но и в конституционных судах зарубежных стран и получала в соответствующих решениях теоретическое насыщение. Необходимость привлечения теоретической конструкции конституционной идентичности вызвана, по словам В.Д. Зорькина, тенденцией «расширения наднационального регулирования в сфере защиты прав человека и возрастания активизма межгосударственных судебных органов»¹¹⁹. Ученый делает вывод: «эволютивное толкование Конвенции Европейским Судом, по сути дела, направлено на создание нового унифицированного европейского правопорядка»¹²⁰.

¹¹⁶ Зорькин В.Д. Суть права // Журнал конституционного правосудия. № 5(59), 2017. С. 7.

¹¹⁷ Европейский суд по правам человека.

¹¹⁸ Европейская конвенция по правам человека, измеренная и дополненная Протоколами № 11 и 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13.

¹¹⁹ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (38). С. 2.

¹²⁰ Зорькин В.Д. Суть права // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5(59). С. 8.

В соответствии с пунктом 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации являются не только правовые принципы, содержащиеся в Конституции, но и «общепризнанные принципы международного права», содержащиеся в международных договорах Российской Федерации. Анализ коллидирующих между собой решений ЕСПЧ и национальных органов конституционной юстиции выводит на проблему коллизионности толкования содержания правовых принципов, имеющих различное естественное происхождение: европейское и национальное.

Приведенную выше естественно-правовую методологию определения конституционных принципов можно распространить на понимание происхождения и содержания общепризнанных принципов международного права. Общепризнанные принципы международного права, так же как принципы, входящие в различные конституционные модели, имеют естественно-правовое происхождение, хотя в обобщенном плане текстуально совпадают с ними, но отражают универсальные социальные ценности, сложившиеся во всем европейском социуме в процессе его исторического развития. Можно определять *европейскую идентичность* как результат правового воздействия совокупности общепризнанных принципов международного права, признанных европейским сообществом и согласованных европейскими государствами. Так же как национальные органы конституционной юстиции принимают решения в соответствии с конституционной идентичностью государства, наднациональные судебные органы в своих решениях, устанавливая *меру* воздействия общепризнанных принципов международного права на общественные отношения, формируют развитие *европейской идентичности*.

С момента вступления в силу Дополнительного протокола № 11 к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» наднациональные судебные органы, в том числе ЕСПЧ, получили формальную возможность изменять конвенционную систему, в целях создания «европейского консенсуса» в рамках известной доктрины «пределов усмотрения». Не объективизированное установление *универсальных* для европейских государств *мер* воздействия общепризнанных принципов международного права следует рассматривать как экспансию европейской идентичности, противостоящую конституционной идентичности отдельных суверенных государств. С одной стороны, понятно стремление ЕСПЧ к унификации применения общепризнанных принципов международного права в государствах, подписавших Европейскую конвенцию по правам человека. С другой стороны, тенденция правовой универсализации, проводимая наднациональными органами Европейского Союза

в рамках толкования общепризнанных принципов международного права, входит в противоречие со стремлением современных государств к осмыслению своей традиционной социокультурной идентичности, и, в конечном счете, отстаиванию своего национального государственного суверенитета.

Признание европейскими государствами принципов международного права не должно ограничивать самостоятельность установления тех мер их воздействия на общественные отношения, которые объективно соответствуют естественно-правовым особенностям их конституционной идентичности.

Литература

1. Harutyunyan G.G. Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time. Yerevan, «Njar», New Millenium Constitutionalism: paradigms of reality and challenge. 2017. – 528 p.
2. Bobbio N. Teoria generale del politica. Torino. 1999. P. 431–440.
3. Зорькин В.Д. Суть права // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5 (59). С. 7.
4. Европейский суд по правам человека.
5. Европейская конвенция по правам человека, измеренная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13.
6. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (38). С. 2.
7. Зорькин В.Д. Суть права. Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5 (59). С. 8.

A.A. Liverovskiy

Saint-Petersburg State University of Economics

European identity: the constitutional dimension

Abstract. This paper considers the modern constitutional legal methodology of resolving legal conflicts arising in the conditions of the embodiment of the ideas of globalization in the modern constitutional space of Europe.

Keywords: constitutional identity, constitutional culture, constitutional principles, natural legal understanding, universally recognized principles of international law.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. Европейская идентичность может успешно развиваться только при опоре на космополитическое воображение. Космополитизация становится ключевой чертой европейской повседневности, что требует нового типа социально-научного мышления. Необходимо обращение к конкретным практикам космополитизации, включая этические и образовательные практики.

Ключевые слова: европейская идентичность, космополитизм, космополитическое воображение, космополитизация, космополитическая добродетель.

«Незавершенное путешествие Европы» (З. Бауман) продолжается. Открываются новые перспективы, новые споры, новые диалоги. Фактически сегодня мы во многом по-новому начинаем осмысливать опыт европейской идентичности после четверти века радикальных изменений на европейском континенте. В силу многих обстоятельств и событий в Европе вновь оживают различного рода политики идентичности в самых мрачных ее формах, когда идентичность активно определяется в национально-этнических и/или религиозных терминах, поворачивая многих европейцев к прежним, казалось бы, уже пройденным формам социокультурного воображения своего прошлого, настоящего и будущего. Ведущую роль в этом случае играет «территориальная онтология» идентичности, которая «предполагает, что для формирования самосознания и социальной интеграции необходимо пространство, защищенное [ментальными] барьерами»¹²¹. Однако, если идентичности исключают друг друга, то европейская идентичность – невозможный проект. При этом становление европейской идентичности невозможно понять вне осмысления процессов глобализации, но сама глобализация чаще всего трактуется в традиционных социальных и политических понятиях, что не позволяет выйти за пределы установок современной социальной теории. Европейская же идентичность, как показывает опыт, постоянно должна обновлять пути и формы своего

¹²¹ См. Бек, У. Космополитическое мировоззрение. С. 23-24.

воображения. На нынешнем этапе, как представляется, особую роль в этом процессе играет космополитическое воображение, в контексте которого могут разворачиваться новые/обновленные практики строительства европейской идентичности.

Идеи космополитизма всегда выдвигались с целью ответить на стремление людей к лучшему миру, в котором различия выступают скорее в качестве моста, выбора, надежды, чем пропасти, непреложной судьбы, страха перед будущим; миру, в котором ключевую роль играет принцип открытости, а не закрытости, гостеприимства, а не враждебности, прева­лирует дружественное творческое общение, а не гоббсовская война всех против всех. Космополитизму присущи культурное, политическое, этическое и методологическое измерения, переплетающиеся друг с другом. Заметим при этом, что традиционный космополитизм от И. Канта до Дж. Роулза начинал скорее, так сказать, с крыши, а не с фундамента и поэтому часто производил впечатление абстрактности, априоризма, отчужденности от конкретной реальности и т.д., ибо при таком подходе вполне рациональные универсалистские максимы вступали в противоречие с конкретными культурными контекстами. В итоге зачастую космополитизм подвергался острой критике, не всегда справедливой.

В последние два десятилетия мы наблюдаем взрыв литературы о космополитизме¹²². Все чаще говорят о космополитическом повороте в социальных науках и социальных практиках. Космополитизм врывается в нашу действительность с разных сторон и требует качественно новых моделей ее осмысления. У. Бек, посвятивший много своих работ проблемам переосмысления космополитизма, обоснованно настаивал на том, что нам требуется иная точка отсчета для понимания современного мира, а именно, космополитическое мировоззрение, что исследования глобализации и глобальности, космополитизации и космополитизма ведут к революции в социальных науках, к смене самого видения современного мира, самого типа научного социального мышления¹²³. Необходимо при этом видеть различие между глобализацией, которая имеет прежде всего экономическое измерение, и космополитизацией, охватывающей в той или иной форме все стороны жизни общества на уровне повседневности. Причем, согласно тому же Беку, космополитизм может выявлять себя, по крайней мере, в четырех видах: бытовой, методологический, нормативный или философский, аналитико-эмпирический космополитизм.

¹²² См. подр.: Caraus, T. *Re-Grounding Cosmopolitanism: Towards a Post-Foundational Cosmopolitanism*; Schiller, N. G. *Whose Cosmopolitanism? Critical Perspectives, Relationships and Discontents*; Skrbis, Z. *Cosmopolitanism: Uses of the Idea*.

¹²³ См., подр.: Бек, У. *Космополитическое мировоззрение*.

Космополитизация как реальность нашего времени во многом есть синтез предыдущих теорий, преодоление дуализма между универсализмом и партикуляризмом, интернационализмом и национализмом, глобализацией и локализацией. На передний план в такой концепции критического космополитизма (Дж. Диленти) выходит новое определение социальной реальности, а не просто разговор о совокупности политических принципов, космополитических агентов или политических проектов. Отсюда идеи «нового космополитизма», многообразия космополитизмов в современном мире, банального или повседневного космополитизма и т.п. Все это переплетается с глубинным влиянием на новейшие социальные практики миграционных процессов и становления сетевого общества. Иными словами, современные общества нельзя понять с национальной или локальной точки зрения, необходим прежде всего глобальный подход. Очевидно, что это требует и иного взгляда на практики конструирования идентичностей, а именно понимания того, каким образом мы определяем свою принадлежность к конкретному обществу и как возможно такое определение вообще.

Тем самым на передний план выходит не нормативное, а эмпирическое измерение космополитизации, анализ ее повседневных реальных практик, операционализация данного концепта, взаимодействие космополитического дискурса (или теории) и «практической космополитики» (Э. Балибар). Наглядно это, например, видно, когда мы обращаемся к анализу современных рисков, которые оказываются сегодня космополитическими в духе именно банального космополитизма. Обращение к фактическим измерениям космополитизма обогащает наши представления о нем, ориентирует на реальные практики, не уводя термин «космополитизм» в сферу пустых означающих¹²⁴.

Таким образом, «новый космополитизм выступает в качестве способа мышления, осознающего ловушки, установленные модерной политикой, и знающего, как их избежать. Он рассматривает себя как конструирование радикально иного отношения: отношения, которое больше не исходит ни из партикулярного класса или нации как воплощения универсальных ценностей, ни из необходимости уничтожения других классов или наций как условия освобождения людей, но предлагает подлинно универсальную альтернативу всем таким ложным формам примирения»¹²⁵. Это значит, что современное космополитическое воображение предполагает интерес к культурному плюрализму и гетерогенности в качестве позитив-

¹²⁴ См. подр.: Delanty, G. *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*; Lindell, J. *A Methodological Intervention in Cosmopolitanism Research: Cosmopolitan Dispositions Amongst Digital Natives*.

¹²⁵ Fine, R. *Taking the 'Ism' out of Cosmopolitanism: An Essay in Reconstruction*. P. 461.

ного идеала, обращение к взаимодействию глобального и локального (глобализация изнутри, глокализация), постоянную реконфигурацию границ нашего мышления, возрастание значения этического измерения социальной реальности, поскольку на передний план здесь выходят понятия заботы, права и гостеприимства¹²⁶.

В связи с этим особенно важно учитывать, что ключевым для практик формирования европейской идентичности является утверждение космополитического восприятия мира в качестве повседневной практики, когда такое восприятие становится, по существу, «принудительным», а всякое принуждение вызывает сопротивление, что мы и наблюдаем сегодня во многих европейских странах. Имеет место нарастание банальной космополитизации, она пронизывает все стороны повседневной жизни, что, следуя Беку, можно назвать внутренней глобализацией, существенным образом трансформирующей повседневное сознание и идентичности. Космополитизм обнаруживается, иными словами, в любом месте проживания человека, становится неизбежным, превращая всех нас в космополитов, даже если мы этому сопротивляемся. Проблема в том, как находить адекватные локальные ответы на глобализацию и космополитизацию повседневной жизни, резонирующие с нашим проживанием в системе множества современных рисков. «Космополитизм в этом новом значении – это чувство единства, усиленное общей угрозой: теперь космополитизм – это уже не выбор, а состояние. Мы предполагаем, что все люди объединены сегодня одним – мечтой о большей осмысленности происходящего в мире. Такая негативная солидарность зиждется на страхе глобального разрушения, и она еще раз демонстрирует коммуникативную логику мирового общества риска»¹²⁷. Мы нуждаемся в своеобразной космополитической герменевтике в качестве повседневной практики, поскольку множество голосов должны услышать друг друга. Европейская идентичность оказывается глубоко рефлексивной идентичностью, формирующееся все больше снизу, так сказать, «из корней травы», во взаимодействии различных актантов, в ходе которого должен происходить сдвиг от латентной космополитизации к космополитическому мировоззрению.

Речь, повторимся, должна идти о критическом космополитизме, что означает способность формирования нового видения мира, которая выявляется тогда, когда разные люди сталкиваются с общими проблемами, причем это именно не культурные, а социальные и экономические про-

¹²⁶ См. Delanty. G. *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*. P. 7.

¹²⁷ Бек У. Критическая теория мирового общества риска: Космополитический взгляд на проблему. С. 17.

блемы, имеющие существенные политические следствия, что требует обращения к новому типу воображения – космополитическому воображению. Причем в ситуации развития общества, обозначаемой термином «социальная неопределенность», невозможно предложить однозначное решение ни одной серьезной социальной проблемы, нужен постоянный диалог. Космополитический взгляд позволяет нам уходить от монологизма традиционного национального воображения с его «контейнерным мышлением» (У. Бек), все более оказывающегося препятствием на пути развития новейших социальных практик, к диалогическому воображению. Мышление в национальных категориях делает европейскую идентичность невозможной. Модели будущего Европы как становление некоего федеративного сверхгосударства или конфедерации национальных государств неадекватны и имеют антиевропейскую направленность, отвергая более высокую цель – формирование Европы различий, Европы космополитической, которая заботится о процветании различий.

Космополитизм, иными словами, предлагает альтернативное воображение, или воображение альтернативных образов жизни и рациональностей, которые включают инаковость другого. В центр деятельности попадают рассмотрение и обсуждение противоречивого культурного опыта. Мышление по принципу «или-или» заменяется мышлением по принципу «и то, и другое», поиском практических средств того, как соединять различия в каждом конкретном случае. Космополитическое воображение стремится уйти от исключительной вовлеченности в традиции прошлого и ориентировано прежде всего на будущее, в отличие от национального монологизма. Но при этом мы сталкиваемся с очень существенным противоречием между сознанием и действием: глобальное осознание общего коллективного будущего не включает достаточно четко прописанные формы действия; последние основываются, как правило, на прошлом опыте. В результате современные социальные кризисы в своей особенно острой форме и выражаются как кризисы идентичности.

Космополитизм, таким образом, не означает отмены нации, как, скажем, Вестфальский мир не означал отмены религии. Вестфальский мир спас религию от искажений, отделив ее от государства. Точно так же космополитизм спасает национальные идентичности от их собственного искажения. Сегодня выживут только те, кто сумеет понять и вести национальную политику космополитическим образом. Становление космополитической европейской идентичности становится средством выживания Европы и человечества. Все остальное, чем бы оно не прикрывалось, путь к катастрофе и гибели. Взаимозависимость – условие выживания сегодня,

действия могут быть только многосторонними, только в сотрудничестве, когда выигрывают и каждый игрок, и все вместе¹²⁸.

Соответственно кредо современного космополитизма заключается в «новом универсализме» (Э. Лакло), а именно, в концепции прав человека, которые, в отличие от партикуляризма нации, более эффективно поддерживают идентичность граждан мира, а не только граждан отдельных государств. Новый космополитизм отвергает идею, что формы солидарности концептуально связаны исключительно с национальным государством, и обращается к утверждению постнациональной, транснациональной или глобальной демократии. «Мир при космополитическом взгляде на него предстает как будто стеклянным. Различия, контрасты и границы фиксируются и определяются в осознании принципиальной схожести тех, кто находится от них по разную сторону. Линии, отделяющие нас от других, более не заблокированы и не затушеваны онтологическим несходством; они становятся прозрачными. Это необратимое сходство открывает пространство и для сочувствия, и для агрессии, которые трудно сдерживать»¹²⁹.

Такой космополитизм четко акцентирует нравственное измерение социальных и политических отношений, обращая особое внимание на принцип индивидуальности. На передний план выходят понятия заботы, права и гостеприимства; вытекающие из них культурные и моральные обязательства часто описываются понятием «космополитической добродетели». Как показывает Б. Тернер в своих исследованиях космополитической добродетели, космополитизм не означает, что у индивида нет страны или отечества; он означает наличие у индивида определенной рефлексивной дистанции по отношению к отечеству¹³⁰. Иными словами, космополитические социальные практики – это прежде всего этические практики, предполагающие выработку соответствующих привычек, или космополитического габитуса, т.е. развитие этических установок, благоприятствующих практике индивидуальных и общественных добродетелей.

Очевидно, что, хотя повседневный космополитизм затрагивает всех, космополитическое сознание не формируется само собой, стихийно. Вполне можно использовать, скажем, новейшие (и космополитические) технологии для утверждения самых отсталых взглядов на мир, побуждающих к замыканию в национально-этнических коконах. Сегодня нет дефицита в правильных правовых установках, но их воздействие не так ве-

¹²⁸ См. подр.: Бек У. Критическая теория мирового общества риска: Космополитический взгляд на проблему.

¹²⁹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. С. 27-28.

¹³⁰ См. напр.: Turner, B. S. *Cosmopolitan Virtue: On Religion in a Global Age*.

лико, если право не подчинено этике, установкам, благоприятствующим космополитическому сосуществованию и сотрудничеству. И здесь особое значение принадлежит космополитической педагогике, которая должна пронизывать все элементы и уровни образования, если мы действительно думаем о современной европейской идентичности, ориентированной на благополучное будущее. Что должно включать космополитическое образование? Это не просто знакомство с другими культурами. Речь идет об образовательных практиках, четко направленных на формирование установок и диспозиций, навыков мышления и понимания, которые внутренне побуждали бы к соответствующему поведению¹³¹.

В заключение вернемся еще раз к категории гостеприимства, которая заняла ключевое место в концепции космополитизма со времен Канта. Смысл этого этического принципа прост – принимать чужестранцев становится не актом доброй воли, но обязанностью. Но вот как быть с гостеприимством, если на него претендуют неприглашенные люди? Это одна из фундаментальных проблем формирования европейской идентичности, и часто ее решение скатывается к националистическим суждениям прошлого и позапрошлого столетий. Вся проблема в том, что в сегодняшнем мире с нами может случиться все, что угодно, и каждый может оказаться в ситуации чужестранца. Мы можем уйти от космополитической коллективной ответственности, разве только спрятав голову в песок. Появляется потребность в глобальном «коллективном сознании». «Европа может реализоваться только в космополитическом единстве признания и примирения многих национальных и региональных историй – иного не дано. Космополитическая Европа не предполагает истребления или растворения наций, как Вестфальский мир не подразумевал истребления или растворения разных религиозных течений. Напротив, космополитизм означает институциональное закрепление, сохранение и гарантирование принципов национальной, культурной, этнической и религиозной терпимости»¹³². И это прежде всего этическая и педагогическая проблема, которая самым радикальным образом сегодня встала перед европейцами.

¹³¹ См. подр.: Bracher, M. *Educating for Cosmopolitanism: Lessons from Cognitive Science and Literature*; Papastephanou, M. *Being and Becoming Cosmopolitan: Higher Education and the Cosmopolitan Self*.

¹³² Бек, У. Космополитическое мировоззрение. С. 276-277.

Литература

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 318 с.
2. Бек У. Критическая теория мирового общества риска: Космополитический взгляд на проблему // Прогнозис. 2009. № 2. С. 3–32.
3. Bracher, M. *Educating for Cosmopolitanism: Lessons from Cognitive Science and Literature* / M. Bracher. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 141 p.
4. Caraus, T. *Re-Grounding Cosmopolitanism: Towards a Post-Foundational Cosmopolitanism* / T. Caraus, E. Paris (eds.). – New York: Routledge, 2016. – 340 p.
5. Delanty, G. *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory* / G. Delanty. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 296 p.
6. Fine, R. Taking the ‘Ism’ out of Cosmopolitanism: An Essay in Reconstruction / R. Fine // *European Journal of Social Theory*. – 2003. – Vol. 6 (4). – Pp. 451-470.
7. Lindell, J. A Methodological Intervention in Cosmopolitanism Research: Cosmopolitan Dispositions Amongst Digital Natives / J. Lindell // *Sociological Research Online*. – 2014. – Vol. 19 (3). (<http://www.socresonline.org.uk/19/3/19.html>)
8. Papastephanou, M. Being and Becoming Cosmopolitan: Higher Education and the Cosmopolitan Self / M. Papastephanou // *International Journal of Higher Education*. – 2013. – Vol. 2(2). – Pp. 184-194.
9. Schiller, N. G. Whose Cosmopolitanism? Critical Perspectives, Relationalities and Discontents / N. G. Schiller, A. Irving (eds.). – New York, Oxford: Berghahn books, 2014. – 264 p.
10. Skrbis, Z. *Cosmopolitanism: Uses of the Idea* / Z. Skrbis, I. Woodward. – London: Sage, 2013. – 140 p.
11. Turner, B. S. *Cosmopolitan Virtue: On Religion in a Global Age* / B. S. Turner // *European Journal of Social Theory* – 2001. – Vol. 4 (1-2). – Pp. 45-63.

G.I. Miniankou

European Humanities University

European identity in the context of cosmopolitan imagination: actual social practices

Abstract. European identity can be developed successfully only when relied on cosmopolitan imagination. Cosmopolitization becomes a key feature of European everyday life, which requires a new type of scientific social thinking. It is necessary to address specific practices of cosmopolitanization, including ethical and educational practices.

Keywords: European identity, Cosmopolitanism, cosmopolitan imagination, cosmopolitanization, cosmopolitan virtue.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье обращение к проблематике российской идентичности предстает под углом зрения роли традиционализма как ресурсной базы властных технологий российской политической элиты. Делается вывод о том, что конструктивность процесса формирования российской идентичности может быть обеспечена через исправление диспропорции между традиционалистскими и консервативными началами в политико-идеологическом ландшафте современной России.

Ключевые слова: идентичность, традиционализм, консерватизм, Россия, властные технологии.

Обращение к проблематике российской идентичности под углом зрения роли традиционалистских установок представляется значимым, поскольку традиционалистские, а не собственно консервативные, элементы заполняют сегодня значительные ниши российского политико-идеологического ландшафта. Они активно используются российской политической элитой в качестве ресурсной базы властных технологий, в том числе, в процессе конструирования современной российской идентичности. Поэтому обращение к теме традиции и традиционализма, представляется наиболее адекватным способом оценки специфики формирования коллективной идентичности в современной России.

В качестве методологического инструментария может быть использована концепция польского социолога Е. Шацкого, предложившего в своей работе «Традиция. Обзор проблематики» сравнительный анализ трех смысловых подходов к понятию «традиция»: объектного, функционального и субъектного (ценностного)¹³³. Особый интерес представляет позиция преверженцов субъектного подхода, которых интересует «...не процесс социокультурной трансляции, не содержание транслируемых норм, а интерпретирующее и оценивающее отношение индивида (субъекта) к элементам наследия прошлого»¹³⁴. Смысловое содержание понятия «традиция» в этом случае предстает не как воспри-

¹³³ См.: Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с пол., общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990.

¹³⁴ Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 18.

ятие исторического наследия во всем его объеме, а как сознательный отбор тех норм, ценностей и иных объектов прошлого, которые соответствуют интересам и предпочтениям уже современного наблюдателя-интерпретатора. «Таким образом, именно отношение современников к объектам или идеям прошлого позволяет ту или иную часть исторического наследия включать в содержание категории "традиция"»,¹³⁵ — утверждает польский социолог П. Штомпка.

Соответственно традиционалистская идеология оформляется как система аргументов в пользу традиций, обосновывающих необходимость их сохранения или восстановления. При этом традиционалист дает разную оценку отдельным традициям и осуществляет их реконструирующую выборку, соответствующую требованиям времени и своим культурно-политическим интересам: он наделяет определенные элементы исторического наследия аксиологическим содержанием, вырабатывает собственную шкалу оценки, принимая одни элементы и отвергая другие. Обязательным элементом этой выборки становятся не только ее позитивная, но и негативная часть, в рамках которой современный интерпретатор выстраивает череду отрицательных традиций, требуя подвергнуть их политико-культурному остракизму или принудительному забвению. В традиционализме результаты деятельности прошлых поколений воспринимаются как ценности, которым приписывается определенный (позитивный или негативный) смысл, значимый именно в контексте современности.

В русле проблематики формирования коллективной идентичности оказывается важным разрешение вопроса о диспропорциональном сочетании традиционалистских и консервативных тенденций в отечественном общественно-политическом дискурсе, а также о специфике функционального использования традиционализма современной российской правящей элитой посредством системы «традиционных ценностей». Проблема ценностей в их традиционалистской оболочке приобрела в современной России огромное значение, определив повестку дня большинства как интеллектуальных, так и общественно-политических дискуссий, в рамках которых этот концепт так и не получил своего внятного определения и содержательного уточнения. Большинство аналитиков склонны видеть в нем своеобразный конструкт, искусственно собранный из кусочков разных идеологий, а потому эклектичный и даже постмодернистский по своей сути. Опись «традиционных ценностей» постоянно расширяется и корректируется в зависимости от политической повестки дня, при этом одновременно существует и список того, что им противоречит и подлежит разносторонней критике. В итоге, идеологиче-

¹³⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 92.

ский конструкт «традиционные ценности» постепенно превратился в ресурс власти, активно используемый, в том числе, и для конструирования современной российской идентичности.

Впервые этот новый поворот во властной риторике к «новому консерватизму» с его опорой на «традиционные ценности» был полногласно озвучен в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2013 года: «... мы знаем, что в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»¹³⁶. Эта тема рефреном присутствует во многих других публичных выступлениях В.В. Путина, например, в его речи в День народного единства на торжественном открытии в Москве памятника крестителю Руси – древнерусскому князю Владимиру: «И сегодня наш долг – вместе противостоять современным вызовам и угрозам, опираясь на духовные заветы, на бесценные традиции единства и согласия, идти вперед, обеспечивая преемственность нашей тысячелетней истории»¹³⁷.

Новая идеологическая версия, выстраиваемая вокруг системы «традиционных ценностей», сориентирована при этом не только на внутреннего, но и на внешнего потребителя, что обусловлено особо тесной взаимосвязью внутренней и внешнеполитической повестки современной России. Данное обстоятельство во многом предопределило и новые властные технологии трансляции «традиционных ценностей», которые активно продвигаются в общественное сознание, например, посредством политики памяти, а также различных инициатив и проектов в области социальной политики, образования, искусства и т.д. Важное место в этих процессах занимает Русская православная церковь (РПЦ), которая все более активно вмешивается в «мирскую» жизнь и успешно лоббирует свои интересы, опираясь на тактику лояльности и покровительства со стороны российских властей, как на федеральном, так и региональном уровнях. Позиция РПЦ, легитимирующая именно традиционалистский выбор в российской политике и создающая основания для сотрудничества с современной российской государственной властью в деле продвижения различных проек-

¹³⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию [Электронный ресурс] / Сайт «Kremlin.ru». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата доступа: 10.04.2018 г.).

¹³⁷ Путин на открытии памятника князю Владимиру, 4 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] / Интернет-издание «Газета.Ru». – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/video/2016/11/04/putin_na_otkrytii_pamyatnika_knyazyu_vladimiru.shtml (дата доступа: 11.04.2018 г.).

тов «традиционных ценностей», была выражена нынешним Патриархом Московским Кириллом еще до его избрания на этот пост и закреплена позднее в подготовленных под его руководством «Основах социальной концепции Русской православной церкви» (2000 г.): «Религиозное значение института государственной власти заключается в ее способности ограничивать в мире власть зла, содействуя утверждению добра»¹³⁸.

На современном этапе в различные «традиционалистские» акции оказываются втянутыми на уровне противостояния, как сами представители российской властной элиты, так и оппозиционные им силы. Это создает в российском обществе отчетливую линию напряженности не только в политико-идеологическом, но и в социокультурном смысле, и служит контрпродуктивным фактором для формирования коллективной идентичности. Можно говорить об оформлении феномена «устной гражданской войны» или «войны идентичностей», которая сегодня разворачивается, прежде всего, в СМИ и социальных сетях, вокруг различных проблем, связанных с выборкой и внедрением в российское общество новых инициатив российских властей по продвижению «традиционных ценностей». В этом контексте только исправление диспропорции между традиционалистскими и подлинно консервативными началами, нахождение между ними разумного баланса способно обеспечить конструктивный процесс формирования российской идентичности.

Литература

1. Кирилл (Гундяев), митр. Церковь и общество в свете Основ социальной концепции Русской Православной Церкви / Кирилл (Гундяев) // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 5–30.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. [Электронный ресурс] / Сайт «Kremlin.ru». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата доступа: 10.04.2018 г.).
3. Путин на открытии памятника князю Владимиру, 4 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] / Интернет-издание «Газета.Ru». – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/video/2016/11/04/putin_na_otkrytii_pamyatnika_knyazu_vladimiru.shtml (дата доступа: 11.04.2018 г.)
4. Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 12–27.
5. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск., общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
6. Штомпка, П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

¹³⁸ Кирилл (Гундяев), митр. Церковь и общество в свете Основ социальной концепции Русской Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. – № 2 (19). – С. 13.

**To the issue of the traditionalism's impact in the shaping
of Russian modern identity**

Abstract. In the article the appeal to the problems of Russian identity appears in terms of the role of traditionalism as a resource base of power technologies of the Russian political elite. The author concludes that the constructiveness of the process formation of the Russian identity can be ensured through the correction of an imbalance between the traditionalist and conservative principles in the political and ideological landscape of modern Russia.

Keywords: identity, traditionalism, conservatism, Russia, power technologies.

О.В. Попова
Санкт-Петербургский государственный университет
o.popova@spbu.ru

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ:
ЕВРОПЕЙСКАЯ VS РЕГИОНАЛЬНАЯ**

Аннотация. В докладе, посвященном оценке состояния некоторых форм территориальной социальной идентичности, проанализированы показатели и факторы, определяющие состояние европейской и региональной идентичности жителей Санкт-Петербурга. Автор опирается на данные социологического исследования, проведенного осенью 2017 г.

Ключевые слова: идентичность, европейская идентичность, региональная идентичность, Санкт-Петербург, горожане, массовое сознание, установки.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФОРМ
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Территориальная идентичность¹³⁹ связана с отождествлением индивидом себя как члена территориальной общности. Исследователи тради-

¹³⁹ Персональный грант О.В. Поповой на тему «Региональная идентичность взрослого населения Санкт-Петербурга», полученный от Комитета науки и высшей школы правительства Санкт-Петербурга в сфере научной и научно-технической деятельности за

ционно выделяют четыре уровня территориальной идентичности: локальный, региональный, национально-государственный, наднациональный. Однако следует учесть, что в этих видах идентичности территориальный компонент является базовым компонентом, однако смыслообразующими являются социально-культурная и политическая составляющие. Важно отметить, что значимость этих составляющих для различных видов территориальной идентичности заметно отличается; национально-государственный – наиболее политизированная форма идентичности из этих четырех вариантов, однако процесс политизации всех иных форм территориальной идентичности может быть также очевидным. Существенное влияние на это может оказывать проводимая политическим классом политика идентичности.

К структурным компонентам территориальной идентичности относят следующие 4 элемента: а) когнитивный компонент географических образов, основанный на сформированных устойчивых представлениях о пространстве; б) ценностный компонент культурной идентификации, объединяющий воедино символы и ценности прошлого, настоящего и будущего территории и определяющий спектр оценок отличия этой территории от других; в) эмоциональный компонент, объединяющий стандартные стратегии реагирования, стереотипы восприятия, преобладающие эмоции, уровень волевого контроля, типичные для населения определенной территории; г) регулятивный компонент, включающий рутинные практики восприятия внешних угроз и опасностей, выработку устойчивых маршрутов передвижения, набор и потребность в посещении сакральных мест, участие в проводимых на определенной территории праздниках/публичных мероприятиях и т.д.

Важнейшими индикаторами, фиксирующими состояние любой формы территориальной идентичности, являются следующие: наличие/отсутствие образа территории (что представляет в сознании индивида территория, на которой он находится); характер образа (позитивный/негативный образ, принятие этого образа, восприятие как «своего» / отчуждение); желаемый образ территории (ее «лицо»); интерес и знание истории территориальных образований; эмоциональное отношение к прошлому, настоящему и будущему территории; включенность в пространство циркуляции информации о территории; активность, желание что-либо изменить, улучшить / его отсутствие, пассивность.

Категория «европейская идентичность», наряду с иными формами социальной идентичности, относящихся исследователями к группе территориальных, в настоящее время стала одной из популярнейших тем иссле-

дования политологов, политических психологов и политических социологов, интересующихся проблемами политических установок индивидуального и массового сознания. Однако споры о сути этого явления среди ученых не утихают. Можно выделить, как минимум, 3 трактовки сущности этого явления.

Первая, радикально негативная точка зрения сводится к тому, что европейская идентичность не существует. Она представляется скептически настроенным исследователям некой интеллектуально-речевой конструкцией, которая поддерживается идеями толерантности и демократии и отражает длительный и сложный процесс формирования внегосударственных/надгосударственных форм макро-идентичности в современном мире¹⁴⁰. Ж.-Л. Нанси прямо писал, что этот феномен эфемерен, поскольку для любого человека, географически обитающего на территории Европы, ощущение своей «европейскости» значимо гораздо меньше, чем чувство принадлежности к определенному этносу, культурной традиции или наличие паспорта определенной страны¹⁴¹.

Второй подход признает существование европейской идентичности, но соотносит ее только с формальным критерием – осознанием индивида того обстоятельства, что он проживает в точке, географически находящейся в Европе. Формально это правильно, но при таком подходе полностью выхолащиваются социокультурная и политическая составляющая этого вида территориальной идентичности.

Третий подход апеллирует к культурно-цивилизационной составляющей. «Быть европейцем» тождественно осознанию значимости культурной традиции европейской цивилизации, готовности и способности быть ее носителем. Проблем здесь только одна — эта трактовка делает практически невозможным «стать европейцами» выходцам из других частей света, сохраняющим свою исходную культурную, конфессиональную и этническую идентичность, поскольку «европейство» предлагает некий эталонный набор норм и ценностей, соответствующих во многом мифологизированному представлению о европейской культуре. «Европейство» в этой трактовке может охватить компоненты лишь ограниченного числа культур и наций, «чтобы общий культурный знаменатель не стал бы слишком малым»¹⁴².

¹⁴⁰ Jamieson, L., Grundy, S. Political participation and European citizenship identity / L. Jamieson, S. Grundy // *Revisiting youth political participation: Challenges for research and democratic practice in Europe* / Ed. by J. Forbing. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2005. P. 122.

¹⁴¹ Нанси, Ж.-Л. Интервью / Ж.-Л. Нанси // *Топос*. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.topos.ru/article/3835/printed> (дата обращения 15.06.2018).

¹⁴² Райтер Э. Идея европейской федерации // *Современная Европа*. 2000. № 2. С. 102.

СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

В размещенной ниже таблице представлены результаты оценки значимости для петербуржцев различных форм идентичности¹⁴³. Как практически незначимую оценили ее 36,7% опрошенных петербуржцев, как умеренно значимую – 20,1%, как высоко значимую – 36,2%. Распределение ответов респондентов в отношении 5 форм социальной идентичности наглядно представлено в таблице (более удобно оценку проводить по последней колонке, где представлены результаты расчета индекса значимости различных видов идентичности).

Полученные данные свидетельствуют о том, что указанные виды территориальной идентичности в сознании петербуржцев не представлены как альтернативные модели установок; они достаточно гармонично сосуществуют и дополняют друг друга в пространстве символического культурного, политического и территориального самоопределения рядового жителя мегаполиса.

Индекс значимости различных видов социальной территориальной идентичности (% по строке)

	1, ничего не значит	2	3	4	5, очень значимо	Затрудняюсь ответить	Затрудняюсь ответить	Индекс значимости вида идентичности
Надгосударственная европейская идентичность	29,6	7,1	20,1	16,1	22,1	5,1	5,1	+0,015
Государственная идентичность	5,7	3,2	8,4	10,5	71,5	0,7	0,7	+0,776
Этническая идентичность	12,0	4,1	12,9	10,6	58,4	2,1	2,1	+0,529
Региональная идентичность	4,7	2,8	9,9	13,2	67,8	1,6	1,6	+0,735
Локальная идентичность	16,1	7,1	15,2	13,3	46,4	1,9	1,9	+0,365

Вопреки ожиданиям, позиционирование «я-европеец» для жителей Санкт-Петербурга оказалось существенно менее значимым, чем «я-россиянин» или «я-петербуржец». Значимость локальной идентичности ниже, чем этнической, которая, в свою очередь, оказывается в обыденных

¹⁴³ Время проведения – октябрь 2017 г. Объем выборки – 1163 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка квотная с несвязанными признаками; параметры контроля выборки – пол, возраст, образование, район проживания – с соблюдением всех методических требований отбора респондентов. Метод сбора информации – телефонное интервью.

условиях существования жителей в мегаполисе менее значимой, чем региональная или национально-государственная.

Несмотря на значительные показатели мобильности населения города (в настоящее время среди постоянно проживающих в нем доля родившихся в Санкт-Петербурге уже меньше 2/3), в массовом сознании жителей города сохраняются относительно гомогенные характеристики/образы различных видов социальной (территориальной) идентичности.

Тем не менее, с целью выявления социально-демографических групп, у которых показатели европейской идентичности отличаются, была проведена оценка с учетом значимых стандартизованных остатков. Анализ показал, что в большей степени, чем другие социально-демографические группы, склонны считать европейскую идентичность незначимой для себя: горожане в возрасте до 40 лет, обладатели полного среднего и незаконченного высшего образования, учащиеся и студенты, квалифицированные рабочие, достаточно обеспеченные горожане, чей ежемесячный доход на каждого члена семьи более чем в 3 раза превышает прожиточный минимум в Санкт-Петербурга, жители Василеостровского и Выборгского районов.

Склонны подчеркивать высокую значимость того, что они европейцы, в большей степени, чем другие группы, петербуржцы в возрасте старше 50 лет, занятые в непроеизводственной сфере специалисты с высшим образованием (наука, культура, IT-компании, образование, здравоохранение), неработающие пенсионеры, а также горожане, которые приехали в Санкт-Петербург из государств, которые до 1991 г. не входили в состав СССР, жители Колпинского, Петроградского, Петродворцового, Пушкинского и Центрального районов.

Причины относительно низкой значимости европейской идентичности для петербуржцев разнородны. На наш взгляд, следует отметить рутинизацию образа Европы за счет расширения возможностей поездки петербуржцев в европейские государства, особенно для представителей среднего и высшего класса, а также молодежи безотносительно уровня их материальных доходов. На более старшие группы с невысоким социальным капиталом особое влияние продолжает оказывать информационная политика СМИ (особенно государственных), в последние 3-4 года активно декларирующих отсутствие особых европейских ценностей или непригодность европейских ценностей для россиян как представителей особой цивилизации. Нельзя сбрасывать со счетов и постепенное размывание образа Санкт-Петербурга как самого европейского города России за счет негативных PR-кампаний 1990-х годов (достаточно вспомнить активно продвигавшийся тогда в новостных и аналитических программах, художе-

ственных фильмах и телевизионных сериалах до сих пор не исчезнувший из памяти горожан образ «бандитского Петербурга»). Приходится признать и ослабление механизмов передачи стиля жизни и образа «настоящего» петербуржца/ленинградца как представителя культурной (т.е. во всех смыслах европейской) столицы России вследствие изменения миграционной политики в мегаполисе и стране в целом.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Особенностью определения границ региональной идентичности петербуржцев является его административный статус города федерального подчинения, что и определяет его статус как субъекта Российской Федерации и самостоятельного региона. В сознании многих горожан границы региона также совпадают не с образом Северо-Запада России, хотя все прекрасно осознают географическое расположение мегаполиса на карте страны, а с границами «большого» Санкт-Петербурга, в который входят прекрасные пригороды Пушкин, Павловск, Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф. Кроме того, жители Санкт-Петербурга прекрасно осознают, что более чем пятимиллионное население мегаполиса численно значительно превосходит многие европейские государства.

Мощные миграционные процессы, в результате чего сотни тысяч людей меняют свое место жительства, ставят перед исследователями вопрос о принципиальной возможности, скорости и эффективности (завершенности) формирования новых вариантов территориальной идентичности, последствий вытеснения из сознания старых моделей региональной и локальной идентичностей. Исследование показало, что для иммигрантов, прибывающих в Санкт-Петербург, этот период, определяющий, станет ли этот великий город для приезжего «своим», равен 5 лет. В Уставе Санкт-Петербурга, принятом в 1997 г., есть раздел, посвященный городским традициям. Фактически это не просто кодекс поведения петербуржца, но совокупность системы ценностей и норм уважительного отношения к сложившимся практикам. Можно знать эти нормы, но не соблюдать их; можно не знать, но интуитивно впитав дух великого города, попав в соответствующую среду и круг общения, принять их как свои.

Огромную роль в формировании идентичности с Санкт-Петербургом играет не только отношение к городу, знание его истории и отношение к ней, соблюдение традиций, особенностей местных жителей, участие в жизни местного сообщества, но и факторы, влияющие на социальный статус человека: место работы, уровень образования, благосостояние и т.д. Но вот ответ на вопрос о том, станет ли «своим» для Санкт-Петербурга его новый житель, не имеет столь четкого временного выражения.

Конечно, в современных условиях трудно представить, чтобы коренной ленинградец так, как это было распространено в 1980-е годы, мог сказать о ком-то, прожившем в этом городе более трех десятков лет, что-то подобное: «Ну, ведь он не ленинградец, он приехал сюда из...». Тема «он не ленинградец, он не петербуржец» становится все менее актуальной, звучит все реже. Скорость миграционных потоков возросла многократно; налицо превращение Санкт-Петербурга в открытый город не только вследствие отмены жесткого института прописки, но и потому, что этот мегаполис является исключительно привлекательным местом источника заработка (конечно, в меньшей степени, чем Москва) для молодых, энергичных и амбициозных людей.

Проведение дискурс-анализа высказываний респондентов позволили выделить наиболее типичные позитивные образы Санкт-Петербурга в массовом сознании горожан. К ним относятся доминирующее позитивное эмоциональное отношение принятия и любви «своего города», образ малой Родины с акцентированием принадлежности респонденту («мой»), восприятие города через образ семьи, родных и близких. Интересно акцентирование того, что Санкт-Петербург – это город, который стал родным и любимым, который принял приезжего как своего. Хотя и менее распространены, но с достаточно высокой частотностью всплывают образы: красивого города с величественной классической архитектурой, вызывающего восхищение славного, великого, трагического исторического прошлого; культурной столицы России, европейского города. Интересно, что даже пожилые горожане используют при описании «своего» города позитивные поэтические и романтические образы. Наконец, в высказываниях молодежи часто подчеркивается образ мегаполиса, который предлагает своим жителям большие перспективы.

В описании образа «мы-петербуржцы» доминирует комплиментарное описание, в котором акцентируются образованность, доброта, вежливость, высокий уровень культуры, воспитанность, т.е. характеристики «идеального жителя культурной столицы России» или «типичного жителя высококультурной Европы». Доброе отношение к другим людям в массовом сознании до сих пор связывается с исторической памятью, с трагическими страницами истории города и горожан во время Великой отечественной войны. Сохраняется представление об особенностях ленинградской/петербургской речи, сдержанности цветов одежды, общей интеллигентности, ином темпе жизни, меньшей суетности. Особо отмечается высокий патриотизм населения в отношении своего города.

Прагматически подчеркивается, что в Санкт-Петербурге поддерживается более высокий уровень и качество жизни горожан по сравнению с другими регионами страны. Рождение в Санкт-Петербурге, жизнь здесь большинством горожан воспринимается как счастье, удача. При этом настоящие петербуржцы/ленинградцы воспринимаются как «уходящая натура», что связывается с бесконтрольным приездом в город людей из других регионов России и трудовых мигрантов из других государств. Единичные ответы о петербуржцах у самих горожан связаны с декларацией негативных характеристик (зеркальны положительным качествам), отсутствием общих черт у горожан, унификацией черт людей, проживающих в разных регионах России. В целом можно отметить, что в массовом сознании жителей продолжает доминировать образ города, который был сформирован в 1960–1970-е годы.

Литература

1. Нанси Ж.-Л. Интервью // Топос. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.topos.ru/article/3835/printed> (дата обращения 15.06.2018).
2. Райтер Э. Идея европейской федерации // Современная Европа. 2000. № 2. С. 97–106.
3. Jamieson, L., Grundy, S. Political participation and European citizenship identity / L. Jamieson, S. Grundy // Revisiting youth political participation: Challenges for research and democratic practice in Europe / Ed. by J. Forbing. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2005. P. 121–132.

O.V. Popova
St. Petersburg State University

Territorial Identity of Citizens in St. Petersburg: European vs Regional

Abstract. The report is devoted to the evaluation of some forms of territorial social identity. Indicators of the European and regional identity of residents of St. Petersburg are analyzed. The factors of influence on these forms of identity are singled out. The author analyzes the data of the sociological research of the autumn of 2017.

Keywords: identity, European identity, regional identity, St. Petersburg, citizens, mass consciousness, attitudes.

ПЕРЕКРЁСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Аннотация. Место и роль Европы в формирующейся новой конфигурации мировой системы будет зависеть от внутренней целостности Евросоюза как социокультурного конструкта, что во многом определяется состоянием общественного сознания европейцев, и, прежде всего, солидарностью этносов, населяющих Европу, степенью отождествления их со странами проживания.

Ключевые слова: глобализация, локализация, национализм, интеграция, идентификация.

Современный мир характеризуют две встречные тенденции. С одной стороны, глобализация, направленная на всеобщую культурную унификацию и стандартизацию, на что одним из первых обратил внимание К. Ясперс: «Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения...»¹⁴⁴ А с другой – локализация, направленная на защиту национальной самобытности, культурного своеобразия, как ответная реакция – не только апеллирующая к культурному наследству и исторической памяти, но и завышающая оценки социокультурного своеобразия и самобытности, педалирующая различия между культурами и цивилизациями, проявляющая избыточные усилия по защите локальной специфики. Всё это органично переходит и в социально-политическую сферу. Нарастающие антиглобалистские тенденции связаны с тем, что люди ощущают себя не представителями некоего общего безликого мира, а носителями конкретного этнокультурного сообщества. Отсюда – возросшая агрессивность в защите своего языка, своей культуры, своей истории. Таким образом, глобализация если и не спровоцировала, то уж, во всяком случае, актуализировала потребность в национализме, в возрастании которого проявляется иммунитет человеческого сообщества от губительного единообразия и унификации социальной жизни. «Можно с большой вероятностью утверждать, что национализм является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миро-систему»¹⁴⁵, – считает

¹⁴⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 417.

¹⁴⁵ Валлерстайн И. Миров-системный анализ: Введение. М. 2006. С. 141.

И. Валлерстайн. Резкое усиление влияния этнического фактора в современной политике и культуре – феномен, получивший название «этническое возрождение» (ethnic revival). Поиск своей идентичности захватывает сегодня широкие слои населения, как в малых, так и в больших государствах. В большинстве стран Запада возникают конфликты, порожаемые резкими расхождениями между локальными и «универсальными» системами ценностей и в этой связи происходит усиление позиций националистов и национальных радикалов.

Обе тенденции – глобализация и локализация – происходят на фоне двух социально-экономических процессов: во-первых, общеевропейской интеграции, во-вторых, неравномерного социально-экономического развития государств. Строительство Большого Европейского дома – объективный исторический процесс. Ещё в XIX веке лучшие российские умы понимали необходимость общеевропейской интеграции для сохранения роли Европы в мире. Так, в 1884 г. С.Ю. Витте писал: «Вообразите, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег и труда на соперничество различных стран между собою... тогда Европа была бы гораздо сильнее, и гораздо культурнее, она действительно являлась бы хозяином всего мира, а не дряхлая бы под неимоверной тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно, прежде всего, стремиться установить прочные отношения между Россией, Германией и Францией. Тогда образуется общий континентальный союз, иначе Европа и вообще отдельные страны, её составляющие рискуют очень большими невзгодами»¹⁴⁶. Это пророчество сбылось всего через 30 лет: в 1914 г. началась 1-я мировая война, которая нанесла огромный урон Европе. Но и этого оказалось мало. Через 20 лет после окончания первой, в Европе началась 2-я мировая война, после которой Европа окончательно утратила мировое лидерство – оно перешло к США. Т.е. потребовались две масштабные катастрофы, чтобы европейцы осознали необходимость объединения.

Растущая поляризация между государствами-лидерами («золотой миллиард») и государствами-аутсайдерами повышает рискогенность мирового сообщества, составляющую основу дискурса о глобальных вызовах. Одним из таких вызовов является всплеск миграции, напоминающий великое переселение народов в Европе в IV–VII веках после падения Римской империи, которое сопровождалось культурными, языковыми, религиозными и бытовыми конфликтами. Разница между ранним средневековьем и современностью состоит в том, что, если межцивилизационное и межкультурное взаимодействие в далёком прошлом определяло стабильность Западной Европы, то в нынешних условиях глобализации оно опре-

¹⁴⁶ Витте С.Ю.. Воспоминания. М., 1960, Т. 2. С. 122-123.

деляет стабильность и развитие всего мирового сообщества. При этом Западная Европа в силу своего географического положения и общественно-политического устройства остаётся наиболее уязвимым звеном в обеспечении устойчивости миросистемы. Из всех стран «золотого миллиарда» страны Западной Европы и наиболее привлекательны, и наиболее доступны. Европе во второй половине XX века удалось создать общественный феномен «социальное государство» – политэкономическую систему, которая позволяет раскрыться потенциалу индивидуума и обеспечивает его общественную защиту. Именно поэтому Западная Европа так привлекательна. И в силу географического положения легко достигаема для иммигрантов из Северной Африки и Юго-Западной Азии – основных ареалов бедности и конфликтогенности, что повышает долю выходцев из этих стран в Западной Европе. Масштабная и часто неконтролируемая миграция вызывает острую полемику в научном сообществе об исламизации Европейского континента, так как мусульманские страны традиционно испытывают перенаселение, а военные действия в Афганистане, Ираке и Сирии резко увеличили миграцию в Европу. Следует напомнить, что вступление в Евросоюз государств Восточной Европы вызвало поток иммигрантов в страны Западной Европы. Так, в Великобритании количество выходцев из Польши, Румынии, Болгарии, Словакии, Хорватии, Боснии, Косова, Албании, стран Балтии составляет не менее 2 млн человек. Усиливающаяся этническая и конфессиональная пестрота национальных государств Европы актуализирует поиск идентичности нынешних жителей Европы. В социологии обычно используют пять основных моделей оптимизации взаимодействия мигрантов и коренного населения: 1) геттоизация (отгораживание от всякого соприкосновения с чужой культурой через создание и поддержание собственной замкнутой культурной среды); 2) ассимиляция (отказ от своей культуры и стремление целиком усвоить необходимый для жизни культурный багаж чужой культуры); 3) культурный обмен и взаимодействие (промежуточный способ, предполагающий благожелательность и открытость обеих сторон друг другу); 4) частичная ассимиляция (уступка в пользу инокультурной среды в какой-то одной из сфер жизни при сохранении верности своей традиционной культуре в других сферах); 5) колонизация (активное навязывание чужой культуре собственных ценностей, норм и моделей поведения). В самое последнее время появилась новая модель – перекрёстная идентификация как результат социокультурной диффузии, позволяющий соединить гражданскую и этническую идентичности¹⁴⁷. Например, этнический турок, живущий в Германии во втором или даже в третьем поколении, и являющийся граждани-

¹⁴⁷ Симонян Р.Х. Новый субэтнос «еврорусские» / Россия и стран Балтии. 2-е доп. изд. М. 2005. С. 174–192.

ном Германии, не утрачивает свою этническую идентичность, но он не просто – турок, он – «немецкий турок». Именно так его и воспринимают на исторической родине, когда он туда приезжает. Это в полной мере относится и к молодым русским гражданам стран Балтии, – «еврорусским», многие из которых хорошо знают Западную Европу, или, даже там учатся или работают, но никогда не были в России. Молодые русские в странах Балтии с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо поддержку, и поставленные в условия жёсткой борьбы за выживание прошли все этапы процессы аккультурации. «Большая часть нашей молодёжи, – отмечает таллиннская журналистка Л. Семёнова, – постепенно и как-то совсем незаметно, зачастую вопреки расхожему мнению, интегрируется в эстонское общество посредством языка, поэтому их будущее в Эстонии можно считать более-менее определённым»¹⁴⁸. Многие «еврорусские» завели деловые контакты на Западе. В этом амбивалентном социальном слое, возникшем на российско-евросоюзском приграничье, содержится значительный потенциал катализатора общеевропейской интеграции.

Литература

1. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели постсоветского развития. 3-е доп. издание. М.: Институт экономики РАН, 2009. 418 с.
2. Симонян Р.Х. Лекции по истории и этнологии Литвы. М.: Аспект Пресс, 2013. 284 с.
3. Симонян Р.Х. Эстония. Обретение второй независимости. М.: Аспект Пресс, 2016. 320 с.

R.H. Simonyan

Center for European Studies MGIMO (U)
Ministry of Foreign Affairs of Russia

Cross-identification in the context of integrative processes on the European continent

Abstract. The place and role of Europe in the emerging new configuration of the world system will depend on the internal integrity of the European Union as a sociocultural construct, which is largely determined by the state of the public consciousness of Europeans, and, first of all, by the solidarity of the ethnic groups inhabiting Europe and the degree of their identification with the countries of residence.

Keywords: globalization, localization, nationalism, integration, identification.

¹⁴⁸ Молодёжь Эстонии, 07.09.2007. С.5.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования европейской идентичности как интегрирующего начала в Европейском Союзе. Отмечается противоречивый характер данного процесса, так как в нем действуют две противоположно направленные силы – стремление народов ЕС приобрести некую универсальную идентичность и желание сохранить свою национальную принадлежность. Для более успешной адаптации в ЕС необходимы новые подходы к классификации культур, корректировка моделей межкультурной компетентности, разработка актуальных в XXI веке стратегий межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Европейская идентичность, культура, аккультурация, межкультурная компетентность, межкультурная коммуникация, асертивность.

Подписание «Декларации о европейской идентичности» в Копенгагене 14 декабря 1973 г. можно считать началом дискурса о содержании понятия «европейская идентичность». В документе, получившем одобрение 9 государств, отмечалось, что, несмотря на историческую разобщенность, во имя спасения цивилизации эти государства готовы к сотрудничеству. «Европейская идентичность» при этом трактовалась как приверженность общим ценностям и принципам, подчеркивалась важность сохранения разнообразия культур в рамках европейского сообщества.

В последующих документах – Декларациях, Конвенциях, касающихся функционирования Европейского Союза, указывалось на неотъемлемость существования общего рынка, таможенного союза, совместных политических и экономических институтов при формировании европейской идентичности, и что именно культура должна стать приоритетной сферой европейской интеграции. С 2010 года принимается новая стратегия «Европа 2020», в которой практически все сферы жизнедеятельности государств-членов Евросоюза (образование, инновации, социальная интеграция, климат, проблема занятости и т.п.) увязываются с культурой (1).

Но что такое феномен «культура»? Термин «культура», как отмечают исследователи, обладает большим количеством смысловых оттенков и используется в разных контекстах. Так, например, В.Е. Болдырев указывает на существование 3 основных подходов в попытках определить культуру –

гносеологического, аксиологического и антропоцентрического (2, с. 79). Именно последний подход заслуживает особого внимания, так как отражает взаимосвязь и взаимовлияние человека и культуры.

Культура обладает рядом характерных особенностей: она не является генетически наследуемой, ей свойственно динамичное развитие; культура обладает рамками (представителям определенного сообщества предлагается набор вариантов поведения, базирующихся на системе ценностей, правил, традиций). Уместно в связи с этим заметить, что в рамках одной доминирующей культуры, как известно, существуют микрокультуры, или субкультуры, также наделенные специфическими чертами. Если человек действует не в этих рамках, его воспринимают как «чужого»; культура этноцентрична (люди обычно оценивают «чужую» культуру с позиций «своей» культуры).

Вхождение людей в определенный социум осуществляется наряду с усвоением ими принятых в данном сообществе ценностных установок, системы знаний, представлений, норм, правил поведения, традиций, то есть его культуры. Процесс вхождения может осуществляться путем инкультурации, если это касается представителей одной («своей», «родной») культуры. Результатом инкультурации является осознание собственной идентичности как представителя какой-либо социальной группы.

Инкультурация происходит в рамках одной культуры, вхождение в «чужую» культуру связано с процессом аккультурации. Народам государств-членов Европейского Союза при сохранении своей национальной идентичности необходимо пройти в некотором смысле аккультурацию в целях приобретения другой – европейской идентичности как интегрирующего начала. Исследователи проблемы формирования европейской идентичности неоднократно указывали на отсутствие единого концепта во взглядах на это понятие, а также ясного плана по его развитию в контексте европейской интеграции (3, с. 70). Закономерен и вопрос, чем отличаются европейские ценности от общечеловеческих, если эти ценности – свобода личности, либеральная экономика, этнокультура, демократия?

Оказывается, в настоящее время из 28 стран Евросоюза только у 32% на первом месте стоит европейская идентичность, у остальных 68% соответственно национальная идентичность считается приоритетной. И это соотношение не случайно, поскольку процесс формирования европейской идентичности носит противоречивый характер: на него воздействуют две противоположные силы – центростремительные и центробежные. С одной стороны, существует необходимость создания некой надкультурной, универсальной, идентичности, способной интегри-

ровать страны в Евросоюз, а с другой, объективное желание у представителей стран, входящих в ЕС, сохранить национальную принадлежность, следовательно, и гражданство своей страны.

Противоречивый характер формирования европейской идентичности с особой остротой проявляется в XXI веке в связи со складывающейся напряженностью в отношениях между государствами, кризисами в политике, экономике, увеличивающимся потоком беженцев на территории Европы. Некоторые страны ЕС, например, Франция, разрабатывают меры, направленные на сохранение культурного многообразия, национальной самобытности, защиты своего языка. Последнее приобретает особое значение, так как к 2100 году возможно исчезновение почти 90% существующих на Земле языков вследствие ее перенаселенности и иммиграции.

Самобытность народа, его культура, менталитет, образ жизни, традиции, ценностные установки, морально-этические нормы отражаются в языке, в языковой картине мира – в вербализованных сведениях о мире, представлений о нем, передаваемых от поколения к поколению. Таким образом, понятия «идентичность», «язык», «языковые картины мира» неразрывно связаны между собой. Очевидно, выбор какого-либо общего языка при формировании европейской идентичности является весьма важным. Бесспорно и то, что английский язык, традиционно воспринимаемый мировым сообществом в качестве международного, становится языком-посредником. Однако здесь также не все однозначно, о чем не без основания пишет в своей работе М.В. Берендеев (там же, с. 74): существует опасность установления примата англосаксонской культурной традиции.

Слабое владение английским языком представителями стран, недавно вошедшими в состав Евросоюза, негативно влияет на интеграционные процессы (в особенности это касается стран Восточной Европы) и затрудняет свободное общение в сферах экономики, политики, культуры. В профессиональных коммуникациях на уровне международных институтов – в Европарламенте, Еврокомиссии – возникают проблемы, связанные с кросс-культурной прагматикой: существуют трудности адекватного перевода слов, не являющихся эквивалентами (4); необходимость понимания контекста деловых встреч (учет аудитории, корректный выбор интонации, владение тонкостями перевода, прогнозирование восприятия содержания обсуждаемых вопросов).

Важным в этой связи является разработка качественных программ по изучению языка-посредника для более успешного интегрирования в Европейский Союз. Но при этом вопросы, связанные с возможностями сохранения уникальности каждого национального языка, никуда не исчезают. Напомним тот факт, что страны, входившие в СССР, в первую очередь

страны Балтии, неоднократно отмечали насильственную «русификацию» населения посредством внедрения русского языка в программы школ, вузов, а также указывали на негативные последствия этой политики вследствие утраты «чистоты» языками народов бывшего СССР.

Интеграционные процессы неизбежно влекут за собой выработку правил межкультурной коммуникации внутри Евросоюза, в противном случае существует реальная возможность возникновения труднопреодолимых барьеров в межкультурном общении и, как следствие этого, конфликтов. Западные и российские ученые разработали модели межкультурной компетентности, понимаемой как способность адаптировать свое поведение к собеседнику с учетом норм и традиций его культуры. Достоинством последних исследований в области межкультурного взаимодействия является сформированный принцип толерантности в отношении межкультурных различий, заключающийся в понимании того, что не может быть оценки их с позиций стандарта правильности.

Разработаны и рекомендации по выстраиванию эффективной межкультурной коммуникации: в целях расширения своих знаний о «чужой» культуре необходимо осуществлять поиск информации о ней; избегать негативных оценок о людях другой культуры; проявлять желание к адаптации и развивать эти навыки в себе; уметь ориентироваться на другого; проявлять определенную гибкость в общении с ним; создавать так называемую «третью культуру» (5, с. 482).

Информацию о некоторых классификациях культур можно найти в трудах западных исследователей, наиболее известными среди которых являются работы нидерландского социолога Т. Хофстеде и американского антрополога и исследователя кросс-культурной коммуникации Э. Холла. Ценностная классификация Т. Хофстеде основана на таких параметрах, как маскулинность – феминность, избегание неопределенности, дистанция власти, индивидуализм – коллективизм, долгосрочная ориентация – краткосрочная ориентация. Классификация Э. Холла опирается на контекст в выявлении коммуникативных особенностей различных культур (позволяет характеризовать культуры как высококонтекстные или низкоконтекстные), а также на систему использования времени (деление культур на монокронные и полихронные).

Бесспорно, актуальность этих исследований не утрачена до сих пор, тем не менее необходимо отметить, что они были разработаны в конце XX века. С учетом произошедших международных событий в XXI веке и прежде всего с вхождением новых стран в Евросоюз (стран Балтии, Восточной Европы, Кипра и пр.) появилась объективная потребность в дополнительных исследованиях в этом направлении.

Открытость к познанию других культур, стремление к пополнению знаний о составе населения, истории, языках стран Евросоюза способствуют развитию эффективной межкультурной коммуникации. По данным, которые представлены, например, в работе А. Кузинковой (6), только в Восточной Европе проживают славяне, греки, романские, германские народы. Так, небольшую по территории Словакию населяют венгры (10%), цыгане (2%), русские и украинцы (0,6%) и другие этносы (1,4%). Сложность национального состава стран Европейского Союза становится нередко причиной межэтнических конфликтов.

Разработанные модели межкультурного взаимодействия, в которых особая роль отводится принципу толерантности как основе межкультурной коммуникации, требуют корректировки с учетом появления новых реалий в области международной политики, экономики, образования, культуры. Ассертивность – более сложная стратегия по сравнению с толерантностью, имеющей свои пределы (7, с. 361). Эта стратегия понимается прежде всего как право людей на защиту своих ценностей, образа жизни, морально-этических представлений, языка и именно поэтому становится все более актуальной на современном этапе мирового развития.

Литература

1. История формирования культурной политики ЕС. – Режим доступа: studbooks.net/2424204/politologiya/istoriya_formirovaniya_kulturnoy_politiki (дата обращения 20.11.2017).
2. Болдырев В.Е. Введение в межкультурную коммуникацию: Курс лекций. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 144 с.
3. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета И. Канта. 2012. Вып. 6. С. 70–79.
4. Латышев Л.К., Тимко Н.В. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2013. № 2. С. 44–49.
5. Матьяш О.И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова и др. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
6. Кузинкова А. Народы Восточной Европы: состав, культура, история, языки. — Режим доступа: fb.ru/article/352578/narodyi-vostochnoi-evropyi-sostav-kultura-istoriya-yazyki (дата обращения: 28.11.2017).
7. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Ассертивность в межкультурной коммуникации // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза: Материалы межвузовской научно-практической конференции 14 декабря 2017 года. СПб: ВАС, 2017. С. 355–360.

N.N. Speranskaya
Military Telecommunications Academy, Saint-Petersburg

Intercultural communication in the process of formation of European identity

Abstract. The article considers problems of formation of European identity as integrating principles in the European Union. It is noted the contradictory nature of this process, as there are two oppositely directed forces – the desire of the peoples of the EU to develop some kind of universal identity and a desire to preserve their national identity. The more successful adaptation to the EU requires a new approach to the classification of cultures, adjustment of models of intercultural competence, development of essential in the 21st century strategies of intercultural communication.

Keywords: European identity, Culture, acculturation, intercultural competence, intercultural communication.

Л.А. Фадеева
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lafadeeva2007@yandex.ru

АКТОРЫ И ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: ЕВРОПЕЙСКОЕ И РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу политики идентичности, понимаемой как целенаправленная деятельность по конструированию макрополитической идентичности. Автор считает, что наряду с государственными акторами в политике идентичности участвуют и негосударственные – политические партии, гражданские активисты, интеллигенция/интеллектуалы. И в европейском, и в российском измерении сегодня конструируются конкурирующие трактовки идентичности. По мнению автора, если политические основания этих трактовок в современной ситуации носят конфликтный характер, то социокультурные их основания могут быть использованы акторами для смягчения конфликтности и предотвращения конфронтации в политике идентичности.

Ключевые слова: политика идентичности, акторы, Европейский Союз, Россия, социокультурные основания идентичности.

Политика идентичности как научная категория возникла в ответ на потребность в анализе новых социальных движений 1960-х годов на Западе, когда разные общности, чувствовавшие себя ущемленными, декларировали свои права и выступали за их легитимацию и защиту¹⁴⁹. Социокультурные компоненты данных групп (гендерных, этнических, расовых, сексуальных) давали им основания для претензий на «особость», «самость», собственную идентичность. Заложённая в то время традиция и сейчас составляет мейнстрим в академических штудиях о политике идентичности.

Однако в последние десятилетия политика идентичности все чаще понимается как целенаправленная деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности¹⁵⁰. Акторами политики идентичности выступают, прежде всего, субъекты политического процесса, особенно, государственные, но могут в этом качестве быть заявлены и политические партии, группы интересов, гражданские активисты, публичные интеллектуалы¹⁵¹.

Европейское измерение политики идентичности неоднородно. Политика идентичности, начиная с подписания Декларации европейской идентичности 1973 г., включала в себя обсуждение и принятие целого ряда инициатив и программ, таких как «Народная Европа (A People's Europe)». Были сделаны важные шаги в формировании единого внутреннего пространства, стимулирующие и создание нового уровня идентичности: по взаимному признанию государствами – членами ЕС дипломов о высшем и профессиональном образовании, установление соответствия профессиональных стандартов, введение единого паспорта, принятие единых символов – флага и гимна. Тем не менее, в большинстве своем европейцы воспринимали политику европейской идентичности как элитист-

¹⁴⁹ Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

¹⁵⁰ Холодковский, К.Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН. 2013. 326 с.; Laffan, Brigid. The Politics of Identity and Political Order in Europe / В. Laffan // Journal of Common Market Studies. 1996. vol. 34. № 1.

¹⁵¹ Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН. 2009. 190 с.; Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф. 2012. 312 с.; Чернышов Ю.Г. Европейская идентичность в исторической ретроспективе // Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

ский проект, на который распространялось отношение общественности к Брюсселю и еврократии¹⁵².

Вследствие этого, акцент в политике идентичности был перенесен на культурные составляющие и культурную манифестацию европейской идентичности. Значительные усилия были направлены на развитие единого образовательного пространства. С 2001 г. ежегодно отмечается Европейский день языка (26 сентября). Специально ориентирована на развитие европейской идентичности программа «Европа для граждан» (Europe for Citizens). Социокультурные основания европейской идентичности важны в связи с тем, что по опросам общественного мнения культура и культурные факторы занимают приоритетное место в системе ценности европейцев. 89% граждан ЕС считают необходимым развитие культурного сотрудничества в Европе при сохранении национальной культуры. Европейские интеллектуалы активно включились в формирование именно такой интерпретации европейской идентичности, развернули дискуссию о европейской идентичности как многоплановом феномене, предложили рассматривать ее как один из компонентов неиерархичной множественной идентичности¹⁵³. Следует отметить и серьезный критический потенциал и запал инициированных интеллектуалами и гражданскими активистами дискуссий о проблеме демократического дефицита в ЕС, о возможностях ограничить влияние еврократии и расширить участие граждан. Сложную проблему составляет и поиск общего подхода к истории, поскольку Европа как место памяти сопряжена с острыми, болезненными и зачастую конфронтующими воспоминаниями и трактовками¹⁵⁴.

Так или иначе, по мнению исследователей, в настоящее время европейская идентичность не может быть оценена как сугубо элитистский проект.¹⁵⁵ Политика идентичности и вовлечение в нее негосударственных (или надгосударственных) акторов дает свои результаты. Правда, одним из таких

¹⁵² Cherutti, F. A Political Identity of the Europeans? / F. Cherutti // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26>.; European Identity / Ed. By J.T. Chekel, P.J. Katzenstein. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. –265 p.

¹⁵³ Laffan, Brigid. The Politics of Identity and Political Order in Europe / B. Laffan // Journal of Common Market Studies. 1996. vol. 34. № 1.; The Europe of Elites. A Study into Europeanness of Europe's Political and Economical Elites. Oxford, 2012. 293 p.

¹⁵⁴ European Union in Crisis / Ed.by D. Dinan, N. Nurgent, W.E. Paterson. Palgrave, 2017. – 376 p.; European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis / Ed. by Bettina Westle and Paolo Segatti. Oxford: Oxford University Press, 2016. 384 p.

¹⁵⁵ Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности / М. Котта // Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

результатов стало формирование двух потенциально конкурирующих трактовок европейской идентичности: одна из них тесно связана с политическими структурами и процессами в ЕС (европейская = «еэсовская»), другая опирается на культурную общность и имеет более широкие коннотации.

Российская идентичность с постпетровских времен выстраивалась (как политической элитой, так и интеллигенцией) с учетом европейского фактора. Метафорически именно Европа являлась для России своего рода зеркалом, в которое смотрится российское общество, в том числе и для осознания себя, для понимания или конструирования собственной идентичности¹⁵⁶. Эта метафора остается актуальной и сегодня, причем, как в социокультурном, так и в политическом измерении.

Знаменитый раскол на западников и славянофилов имел свое продолжение в противостоянии в постперестроечной России на «новых западников» и «почвенников»¹⁵⁷. Проблема российской идентичности обострилась в связи с распадом СССР, и 1990-е гг. отмечены ожесточенной борьбой разных политических сил, группировок общественности, представителей интеллигенции, в том числе и борьбой за идентичность. К началу 2000-х гг. более 60% российских граждан считали Россию слабым государством, которое в мире (и в особенности в Европе) не уважают. Это формировало так называемое «оборонное» сознание: осознание внешних и внутренних угроз для России. Сформировался запрос на новую политику идентичности, который и стал реализовываться государственными акторами, начиная с Мюнхенской речи Путина 10 февраля 2007 г., в которой президент РФ сделал акцент на традициях России как страны с более, чем тысячелетней историей, иметь привилегию для проведения независимой внешней политики. Вопрос «кто мы и кем хотим быть» неоднократно поднимался президентом в разных форматах, но им неизменно подчеркивались принципы независимости, самостоятельности, суверенитета, своего пути, опоры на традиции с устремлением в будущее. В свете современной политической ситуации все чаще подчеркивается особый путь России. Если говорить о таком акторе политики идентичности как интеллигенция, то она, как и всегда, гетерогенна по своему составу, умонастроениям, соответственно и интерпретациям российской идентичности. Так, яркий пример конструирования российской идентичности и сознательно гипертрофированной трактовки России как осажденной крепости, как страны, которой Запад (и Европа) отказывают в праве на само-

¹⁵⁶ Холодковский К.Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН. 2013. 326 с.; Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф. 2012. 312 с.

¹⁵⁷ Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН. 2009. С. 140.

бытность и самостоятельность, дает известный писатель Захар Прилепин в своих «Уроках русского» на НТВ (на данный момент вышло 24 программы). Принципиально иную позицию не менее эмоционально и выразительно демонстрирует не менее известный публицист и поэт Дмитрий Быков, резко критикующий российские претензии на особость, а президента – за его усилия по превращению страны в крепость¹⁵⁸.

Но если анализировать общие тенденции, без обращения к наиболее эпатажным представителям интеллектуальной элиты, то очевидно, что для интеллигенции всегда свойственно акцентировать внимание именно на социокультурных аспектах, сюжетах, проблемах, в том числе и в отношении национальной идентичности.

Политика идентичности выстраивается государственными и политическими акторами, в зависимости от ситуации, на основании поисков сходства или различия между цивилизациями, странами, системами. Негосударственные акторы фокусируют внимание на социокультурных основаниях. Подобно европейской, российская идентичность имеет две потенциально (и не только) конкурирующие трактовки: в одной из них делается акцент на особом пути России, в другой – на общности (цивилизационной, социокультурной) России с Европой. В самой конкурентности трактовок нет ничего страшного до тех пор, пока она не обретает легитимирующей силы для противостояния и открытого конфликта. В этом плане именно социокультурные компоненты политики идентичности могут способствовать взаимному пониманию и конструированию позитивной идентичности. Разумеется, их можно использовать и иначе – для разжигания конфликта и усиления конфронтации. Культура может как объединять, так и разъединять, если «песню и стих» использовать «как бомбу и знамя». Все зависит от акторов, их позиции, применяемых ими усилий, от их осознания собственной ответственности за конструируемую ими идентичность, если учитывать, что представления и ценности формируют установки, предпочтения и практики.

Литература

1. Быков Д. Кремлевский крепостник и смута в головах // Собеседник.Ru. 2018. 08 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20180507-dmitrij-bykov-kremlevskij-krepostnik>
2. Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семеновко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

¹⁵⁸ Быков Д. Кремлевский крепостник и смута в головах // Собеседник.Ru. 2018. 08 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20180507-dmitrij-bykov-kremlevskij-krepostnik>

3. Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности // Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семеновко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
4. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН. 2009. 190 с.
5. Фадеева, Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф. 2012. 312 с.
6. Холодковский К.Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН. 2013. 326 с.
7. Чернышов Ю.Г. Европейская идентичность в исторической ретроспективе // Идентичность. Личность. Общество. Политика / под ред. И.С. Семеновко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
8. Cherutti F.A Political Identity of the Europeans? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26>.
9. European Identity / Ed. By J.T. Chekel, P.J. Katzenstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 265 p.
10. European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis / Ed. by Bettina Westle and Paolo Segatti. Oxford: Oxford University Press, 2016. 384 p.
11. European Union in Crisis / Ed.by D. Dinan, N. Nurgent, W.E. Paterson. Palgrave, 2017. 376 p.
12. Laffan, Brigid. The Politics of Identity and Political Order in Europe / B. Laffan // Journal of Common Market Studies. 1996. vol. 34. № 1.
13. The Europe of Elites. A Study into Europeanness of Europe's Political and Economical Elites. Oxford, 2012. 293 p.

L.A. Fadeeva

Perm State National Research University

Actors and trends of identity politics sociocultural basement: European and Russian dimensions

Abstract. The article is devoted to the identity politics which is defined as a special kind of activity targeted to the construction of macro-political identity. The author considers that state actors are not the only actors of identity politics: political parties, civil activists, intelligentsia/intellectuals could play their role in the process. Competitive interpretations of identity are constructed up-to-date both in Europe and in Russia. On the opinion of the author, political basement of identity as social construct tends to the conflict, at the same time sociocultural basement could be used by actors for the conflict mitigation and preventing the confrontation.

Keywords: Identity politics, actors, European Union, Russia, sociocultural basement of identity.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ БЕДНЫМ В СВЕТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ*

Аннотация: Рассматривается международно-правовое регулирование института социальной помощи малоимущим в свете интеграционных процессов гуманитарного социокультурного ценностного пространства. Отдельное внимание уделено имплементации международно-правовых стандартов социальной помощи бедным во внутригосударственной правовой политике Российской Федерации.

Ключевые слова: международное право, права и свободы человека и гражданина, преодоление бедности, социальная помощь.

Преодоление бедности как негативного феномена и неизбежной составляющей рыночной формы экономики, выступает одной из главных угроз социально-экономической безопасности, предметом особой тревоги мирового сообщества и, как следствие, объектом международно-правового регулирования.

Процессы глобализации с современным мире, с одной стороны, и активизация интеграции России в гуманитарное социокультурное и правовое пространство на основе европейских конституционных ценностей, с другой стороны, обуславливают провозглашение в базовых международных актах материальных и социальных стандартов достойной жизни. В ст.ст. 23, 25 Всеобщей декларации прав человека, ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст.ст. 24, 25, 34 Хартии основных прав Европейского Союза, ст. 1 Конвенции Международной организации труда «Об основных целях и нормах социальной политики» социальная защищенность и борьба с нуждой называются в качестве приоритетных целей социального развития. Ценность такого прирожденного и неотъемлемого права каждого, как человеческое достоинство, недостижимого в условиях нищенского существования, декларируется в ст.ст. 1, 5, 22 Всеобщей декларации прав

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодоления бедности в России: история и современность» (проект № 18-011-00202).

человека, ст.ст. 7, 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 13. Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Одна из особенностей международно-правовой регламентации вопросов социальной помощи малоимущим связана с тем, что международное регулирование борьбы с бедностью осуществляется на двух уровнях: универсальном и региональном.

Среди универсальных межгосударственных объединений, оказывающих активное регулятивное и охранительное воздействие в сфере реализации и защиты социально-экономических прав и свобод, в том числе права на достойную жизнь, следует назвать, прежде всего, Организацию объединенных наций (ООН) и Международную организацию труда (МОТ). Акты ООН и МОТ устанавливают как исходные (общие, учредительные) принципы и нормы, так и специализированные (конкретизирующие, детализирующие) положения, выступающие базой для дальнейшего формирования международно-правового регулирования социальной помощи малоимущим. В частности, в рамках ООН стандарты социального государства отражены в следующих документах, принятых на заседаниях Генеральной Ассамблеи: Резолюции 41/117 «О неделимости и взаимозависимости экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав» от 4 декабря 1986 г. и Декларации социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 г. Из актов МОТ можно выделить, например, Декларацию «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» от 18 июня 1998 г. и Декларацию «О социальной справедливости в целях справедливой глобализации» от 10 июня 2008 г., закрепляющих принцип социальной справедливости в качестве важнейшего критерия обеспечения всеобщего и прочного мира.

На уровне международного регионального регулирования для Российской Федерации основными ориентирами в сфере оказания социальной помощи малоимущим и преодоления бедности (в части реализации и охраны прав человека, обеспечения свободы движения капитала и рабочей силы, координации развития экономики как предпосылок повышения доходов населения и снижения уровня бедности) являются международные документы таких региональных межгосударственных объединений, как СНГ, ЕАЭС, институтов Совета Европы (Парламентской ассамблеи, ЕСПЧ). Так, в числе правовых актов на международном региональном уровне особое значение для внутригосударственного правового регулирования социальной помощи малоимущим в Российской Федерации как государстве – члене Совета Европы представляет Европейский кодекс социального обеспечения.

Важной вехой в развитии сферы социального обеспечения в России стала ратификация 20 мая 2009 г. Европейской социальной хартии. К числу основных прав данного международного документа, оказавшего суще-

ственное влияние на развитие национального законодательства о социальном обеспечении, в том числе социальной помощи малоимущим, относятся: право на социальное обеспечение (ст. 12); право на социальную и медицинскую помощь (ст. 13); право на социальное обслуживание (ст. 14); право инвалидов на независимость, социальную интеграцию и на участие в жизни общества (ст. 15); право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту (ст. 16); право детей и молодежи на социальную, правовую и экономическую защиту (ст. 17); право лиц пожилого возраста на социальную защиту (ст. 23); право на защиту от бедности и социального отторжения (ст. 30).

Немаловажна роль региональных стандартов социальной помощи бедным, которые приняты в рамках Содружества Независимых Государств. Конвенцией СНГ «О правах и основных свободах человека» от 26 мая 1995 г. (ст. 16) закрепляется, что каждый человек имеет право на социальное обеспечение, включая социальное страхование по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, воспитания детей. Для того чтобы обеспечить эффективное осуществление права на социальную помощь, страны-участницы Конвенции обязуются обеспечивать получение необходимой социальной помощи каждому, кто не имеет достаточных средств и кто не может их изыскать собственными усилиями или получить из иных источников, например, за счет льгот, привилегий, стимулирующих механизмов в рамках системы социального обеспечения.

Государственно-правовая политика Российской Федерации в сфере социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам основывается на признании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров неотъемлемым элементом национальной правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). На внутригосударственном уровне международные стандарты оказания социальной помощи бедным воплощены в публично-правовых принципах социального государства, конституировании системы социальных прав, служат нормативным фундаментом осуществления социальной функции современным Российским государством [1]. Международно-правовыми стандартами, образующими смысловое содержание юридической конструкции «достойное существование», оперируют политико-правовые концепции (Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года), доктрины (Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации), стратегии (Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года), социальное законодательство как федерального, так и регионального уровней.

В России как федеративном государстве международно-правовые стандарты образуют нормативную базу при выстраивании социальной политики в субъектах Федерации. Федеративная форма территориальной организации Российского государства означает наделение региональных органов власти собственными полномочиями и финансовыми ресурсами для полноценного участия в реализации конституционной модели социального государства. Одним из ожидаемых результатов регионального развития в Указе Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» называется сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан. Основные усилия органов власти субъектов Федерации в сфере социального обеспечения направлены на конкретизацию адресатов получения социальной помощи (малоимущих одиноких граждан и нуждающихся семей) в рамках приоритетных задач социальной политики, определяемых федеральным центром.

Одним из важных аспектов федерализации социальной политики является соотношение принципа разграничения предметов ведения и полномочий (ст.ст. 71-73, 76 Конституции РФ) с международно-правовым принципом социальной справедливости. В современном международном праве (например, в Уставе МОТ, в Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» от 18 июня 1998 г., в Декларации МОТ «О социальной справедливости в целях справедливой глобализации» от 10 июня 2008 г.) социальная справедливость рассматривается в качестве одного из важнейших факторов и индикаторов «всеобщего и прочного мира». В свете международно-правовых стандартов возникает вопрос о социальной справедливости отказа от «советской» модели централизованного распределения социальной помощи и перехода посредством так называемой «монетизации льгот» к нынешней российской многоуровневой системе социального обеспечения. Сегодня адресаты получения социальной помощи разграничены на основании источника бюджетного финансирования на «федеральных», «региональных» и «муниципальных». Объем и виды социальной помощи ставятся в зависимость от места проживания малоимущего гражданина, финансового потенциала субъекта Федерации или муниципального образования, возможностей получить финансовую помощь в виде субвенций, субсидий, дотаций на разработку и осуществления социальных программ из федерального бюджета, что идет вразрез с принципами социальной справедливости и равноправия, снижает уровень социальной защищенности граждан.

Имплементация международно-правовых принципов социального обеспечения и социальной помощи нуждающимся в российскую правовую систему свидетельствует о том, что и Президент РФ как гарант прав и

свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ), и Федеральное Собрание РФ, и Правительство РФ, и органы государственной власти субъектов Федерации последовательно подтверждают конституционную обязанность Российского государства заботиться о бедных и малоимущих. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» снижение в два раза уровня бедности и обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан обозначены в качестве приоритетных векторов модернизации страны на ближайшую перспективу. Однако, как известно, «обещать и делать – разные вещи» [2]. Увы, но, несмотря на объявленную в Конституции Российской Федерации цель социального государства гарантировать каждому человеку достойную жизнь (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), отечественные социальные нормы-стандарты далеко не всегда соответствуют гуманистическим международным стандартам прав человека.

Литература

1. Фомин А.А. Нормативно-правовое обеспечение социальной помощи малоимущим и преодоления бедности в Российской Федерации // Современное общество и право. 2017. № 6 (31). С. 71–77.
2. Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С. Учебный ассоциативный словарь русского языка. СПб.: Златоуст, 2017. 356 с.

A.A. Fomin

Saint-Petersburg State University of Economics

International legal standards of the social help to the poor in the light of humanistic European values

Abstract. In the article is considered international legal regulation of institute of the social help needy in the light of integration processes of humanitarian sociocultural valuable space. Special attention is paid to implementation of international legal standards of the social help to the poor in the interstate legal policy of the Russian Federation.

Keywords: international law, rights and freedoms of the person and citizen, overcoming poverty, social help.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОЙ ДИФФУЗИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ

Аннотация. Исламская диффузия стран региона Балтийского моря имеет многовекторный и полиформатный подход. Для каждого из частей региона она имеет свои индивидуальные культурный, культурно-исторический, экономический и т.п. особенности. Однако наиболее сильно процесс трансформации региона и его диффузии затронул государства региона в начале 2010-х гг. и продолжается по настоящее время. Во многих странах абсолютное большинство населения оказалось не готово к тем переменам, которое несёт в себе процесс «исламизации» тех или иных областей, сфер и сторон жизни общества и окружающего его пространства. Прежде всего это касается облика людей и тех населённых пунктов, где они проживают, а также экономического и социального пространства, сфер жизни и деятельности общества.

Ключевые слова: мультикультурализм, иммиграция, мусульманская община, страны Балтийского региона, адаптация мигрантов, сценарии интеграции, Швеция, Северная Европа.

Общеэкономическая, политическая и социальная обстановка в Северной Европе к 2025 г. складывается из мозаики противоречий и перспективы «в неизвестность». Это связано, прежде всего, с такими актуальными проблемами настоящего времени, как рост неконтролируемой миграции и как ответ на этот рост – усиление влияния в обществах СЕ популистских, правых и экстремистских партий и течений. Ухудшение экономических показателей в связи с экономическим и финансовым кризисом ряда экономик Европы, связанным с санкционной политикой ЕС в отношении РФ, в результате которой в Финляндии, Норвегии и Швеции вынуждены терпеть убытки, закрывать предприятия и сокращать рабочие места и т.д. – вынуждает описывать совершенно новые реалии для стран Северной Европы. Отдельной строкой стоит отметить дебаты и референдумы о перспективном вхождении Финляндии и Швеции в НАТО, и что может за этим последовать как в качестве действий, так и числе последствий – а именно реакции РФ на это событие в регионе. В общем и целом, всё выше сказанное говорит нам о том, что «золотое время» послевоенной Северной Европы подходит к своему концу.

Все скандинавские государства, как и все остальные страны Северной Европы, согласно спорному, но общепринятому «стандарту ЮНЕСКО» до Европейского миграционного кризиса 2015 г. являлись мононациональными государствами и лидерами в рейтинге Индекса человеческого развития (ИЧР). Согласно ему, уже в 2015 г. Швеция умудрилась в нём разменять второй десяток, а Финляндия вылететь на 23 место, уступив в нём свои позиции таким странам как, к примеру, перманентно бунтующая Ирландия и откровенно воюющий Израиль. Однако, и с фактором мононациональности и традиционной скандинавской однородности также пришлось проститься. Так, согласно образовательному стандарту РФ для среднего (полного) общего образования (профильный уровень предмета «география»), под «однациональным» подразумевается государство, государственные границы которого совпадают с национальными (этническими) и основная национальность составляет более 90% всего населения. По мнению исследователя Дэвида Уэлша, этнически однородными могут называться лишь те государства и регионы, национальные меньшинства в которых составляют менее 5% от общего количества населения, а доля одного этноса превышает 95% от общей численности населения¹⁵⁹. Примеры мононациональных государств и регионов, согласно вышеуказанным ординарам, с доминированием одного этноса более чем 95% в мире не так уж и много: Албания, Армения, Бангладеш, Египет, Исландия, Ингушетия, КНДР, Южная Корея, Мадагаскар, Чечня, Сомали, Япония. Норвегия входила в этот список стран буквально до 2017 г., однако в настоящее время, согласно данным своей официальной статистики, она не является мононациональным государством. Именно демография и её показатели будут решающими в формировании нового облика Северной Европы. А также именно она поможет нам смоделировать не столь отдалённое будущее этого региона в перспективе на 2025 г.

То, что сейчас происходит в Северной Европе по части мусульманского населения, сложно обозначить иначе, как некий сознательный или бессознательный социальный эксперимент, имеющий глобальное значение и далеко за ним идущие последствия. Что это за эксперимент и в чём может заключаться его значение – нам пока неизвестно. До сих пор от нас, как от широкой общественности, остаются сокрыты и его реальные последствия. Но если только представить, что он на самом деле существует, то на этом моменте необходимо остановиться, и прояснить его уникальность и отличия от всех остальных, которые имеют место быть в настоящее время.

¹⁵⁹ Welsh David. Domestic politics and ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security / Brown, Michael E. – Princeton: Princeton University Press. – P. 43–60.

Процесс трансформации социокультурного и политического пространства стран Северной Европы имеет ряд особенностей и этапов миграционных процессов и достоин отдельного исследования и рассмотрения. Здесь же мы обратимся уже непосредственно к конкретному и очень показательному примеру. Количество мусульман Швеции лишь немного уступает их количеству во Франции – самой густонаселённой мусульманами страной ЕС (за исключением стран Балканского полуострова, где мусульмане составляют значимую автохтонную часть от всего населения страны). Однако мусульмане массово начали прибывать во Францию после Алжирской войны (1 ноября 1954 г. – 19 марта 1962 г.), и процесс этот занял почти 70 лет, чтобы выйти на тот показатель, который имеется в настоящем. И также необходимо отметить, что, то мусульманское население, которое прибывало на территорию Франции в течение почти семи десятилетий, имело почти однородный состав, и что очень важно в этом вопросе – родственную между собой культурно-семантическую основу. В Швецию же, приблизительно такое же количество людей прибыло всего за 15 лет. Притом, что немаловажно, чуть меньше половины от всего мусульманского населения, проживающего на настоящий момент в стране – за последние 3 года [с 2015 г.], и все они представляют совершенно разные микро и макромиры Исламского мира от Западной Сахары до Минданао, и от Поволжья России до Шри-Ланки (Цейлона).

При всей эфемерной «единности» мусульман в мире среди мусульман нет единообразия. Помимо разделения на течения и секты, происходит разделение на четыре основных *мазхаба*, представители которых не в равномерной пропорции представлены в странах СЕ, что уже начало порождать достаточно большие проблемы внутри локальных мусульманских общин, в том числе и в странах Северной Европы с незначительным мусульманским населением (на пример в Исландии). Помимо этого, очень сильны и отличны культурные, бытовые и политические взгляды мусульман Западной и Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Центральной и Южной Азии, как между собой, так и между теми мусульманами, что уже живут, интегрированы и ассимилированы в европейский социум, на такие важные, основополагающие столпы жизни общества, как роль женщины и её облик в социуме, роль ислама в жизни общества, место мусульманской общины в пространстве муниципалитета, города, страны и т.д. и т.п. Т.е. разделение идёт уровнями, а сама проблема имеет как горизонтальные, так и вертикальные линии разломов.

Разница в культуре и быте порождает порой и куда более серьёзные противоречия. Разница в *адате* – традиционных законах [доисламское право], что уже за собою несёт иной «бэкграунд» проблем, и порой эти проблемы имеют на столько неразрешимый характер, что каждая из му-

сульманских общин вынуждены сегрегироваться от доминирующей или пытающийся доминировать общины или класса, что выливается в прямой или косвенный конфликт. Когда конфликт переходит в экзистенциальную фазу приходится создавать и открывать собственные мусаллы, а порой и целые мечети, вести закрытый и максимально обособленный образ жизни¹⁶⁰. Иногда уровень неприятия друг друга даже среди представителей одного мазхаба может достигать до такого уровня, что выражается в категоричности (даже порой откровенной ненависти), не прикрытой чаще всего даже предполагаемым воздержанием, стеснением или просто благовидным предлогом. В качестве примера можно привести пример, что [на примере Швеции] сомалийцам нежелательно появляться в турецких модельных домах, а представители Северного Кавказа порой и вовсе ведут достаточно замкнутую религиозную жизнь, скрытую от глаз посторонних, что само по себе не способствует ни их интеграции, ни их адаптации в принимающих их обществах¹⁶¹. Добровольность и сознательность их выбора, можно констатировать это конкретным примером – если для большинства прихожан Великих мечетей Стокгольма, Хельсинки или Петербурга шведский, финский или русский язык соответственно, является языком межнационального общения и в мечетях во время пятничных служб *вааз* [чтение назидательной проповеди перед праздничной молитвой] ведётся имамом именно на государственном языке, то в своих мечетях/мусаллах, они всё равно будут читать проповедь на родном языке, несмотря на то, что большинство не понимает о чём идёт речь, а эти мечети могут входить в центральные мусульманские организации, признанные государством, на территории которых они находятся.

И одновременно с этим. Наиболее открытые и интегрированные в общества североевропейских стран местные мусульманские религиозные общины, такие как татары, боснийцы, некоторые турки, по факту, в настоящем не представляют в них даже и 5% от всей мусульманской общины региона. К примеру, с 1917 по 1998 г., т.е. почти 80 лет – татары и тюркоязычные этносы составляли абсолютное большинство мусульманской общины Финляндии. Этот факт уже в настоящем моделирует перспективные проблемы, с которыми столкнулись эти общины в государствах СЕ, и вскоре это проблема уже может приобрести характер общегосударственной. Если сегодня они, т.н. «старые мусульмане» или «старые мусульманские общины» – это пример т.н. «европеизированных мусульман», которые в настоящем занимают в мусульманской духовной иерархии северо-

¹⁶⁰ Bangstad, S. The morality police are coming! Muslims in Norway's media discourses // *Anthropology Today* Vol. 27, 2011: 5, pp. 3-7.

¹⁶¹ Bangstad, S. Eurabia comes to Norway // *Islam and Christian-Muslim Relations* 3: 2013, pp. 369-339.

европейских обществ своё высокое почётное место (по сути – место медиатора между уммой и государством), то, возможно, уже через 5–7 лет (к 2025–2027 гг.), самое большое через поколение (10–15 лет к 2035–2040 гг.), им придётся уступить своё место представителям мусульманских общин из Ирака, Афганистана, Сирии, Сомали и Пакистана. Более значительных в своих представителях, даже возможно, с точки зрения исламских знаний – более весомых, но однозначно менее интегрированных в европейское общество. Есть небольшая, именно, что небольшая вероятность, что они [«старые общины»] смогут сохранить свои места в силу компромиссности своих фигур помноженную на высокий уровень их личной и индивидуальной интеграции, однако, со временем динамика роста мусульманской общины в каждой из североевропейских стран однозначно будет складываться не в их пользу. И это процесс будет необратим, что станет даже не проблемой конкретно этих общин и их представителей, сколько очередным вызовом для правительств скандинавских государств.

Норвегия и Швеция к 2020 г. перестанут считаться в полной мере христианскими странами, поскольку доля практикующего христианского населения в них упадёт ниже уровня в 50% от общего числа населения. Христианство в этом отношении становится ритуально-церемониальной, в общем и совокупном понятии – традиционно-ритуальной частью жизни североевропейского общества. Но не более того. Если сохраниться демографическая динамика замены (а на это конкретном примере – именно замены) этнического состава североевропейских стран в той мере, которая наблюдается нами в последние 5 лет, то уже к 2025 г. и после 2027 г христианские ценности также будут демонтированы в пользу более прогрессистских, соответствующих новой действительности и укладываемых в новую для североевропейского сообщества реальность, но навряд ли традиционную для мусульманской его части парадигму мышления. Пока это имеет лишь единичные случаи вроде скандала с рождественской ёлкой в датском Коккедале¹⁶², но это именно «пока» и ключевое слово здесь «лишь». Это так или иначе, в той или иной мере, но коснётся в не столь далёком будущем всех сфер жизни североевропейского социума. И нельзя не сказать, что этому ходу событий нет понимания в государствах Северной Европы.

Прежде всего это конечно коснётся самого важного института любого государства – института семьи. Уже с 2014 г. Швеция признаёт браки многожёнцев, заключённые за рубежом. Однако право на жительство [в Швеции] и получение социальных пособий имеет только первая жена, при

¹⁶² Надежда Ермолаева Европа: похищение рождественской елки URL: <https://rg.ru/2012/12/25/yolka-poln.html> (Дата обращения: 23.01.2018)

всём при этом государством признаются все остальные брачные союзы гражданина Швеции, но не более чем с четырьмя жёнами¹⁶³, количество которых регламентировано Кораном как наиболее оптимальное и рациональное, если мужчине недостаточно одной или двух жён. Несмотря на то, что закон имеет с точки зрения как обычного светского, так и шариатского права достаточное количество своих «подводных камней», процесс пошёл. На настоящее время из североевропейских сообществ – это самый прогрессивный взгляд на массовую проблему факта многожёнства в среде мусульман в Европе. Но и это только вершина айсберга. Далее встает вопрос о воспитании детей в мусульманских семьях, где принципат родителей, и прежде всего отца, силён настолько, что его не представляется возможным ни на что заменить, ничем подменить, да и просто как-то ввести/внести в жизнь ребёнка некую альтернативу этому. В этом же русле будет, видимо, и трансформироваться политика защиты детей и сама тема ювенальной юстиции в североевропейских государствах, славящихся ей, где доступ в семьи мусульман представителям служб опеки и социальной защиты будет заказан.

Следом за появлением достаточно большого числа детей в мусульманских семьях так или иначе последует вопрос об их религиозном образовании, как это уже произошло, к примеру, в Нидерландах¹⁶⁴ и Бельгии¹⁶⁵. Это будет касаться всех уровней образования – от мусульманских детских садиков до полноценных исламских академий в будущем на территории Северной Европы. Это наиболее важный и деликатный вопрос, прежде всего связанный с мусульманскими общинами, который должно будет для себя решить североевропейское общество в каждой из стран региона по отдельности, уже вроде бы пройденный вопрос «государства и церкви»^{166, 167}. Либо этот процесс организуется государством/правительством, либо данный процесс организуется извне, либо, как вариант, (менее предпочтительный, но при настоящем положении дел – наиболее

¹⁶³ SvD Manggifte godkanns – ibland URL: <https://www.svd.se/manggifte-godkanns--ibland> (Accessed: 23.01.2018)

¹⁶⁴ Van Bijsterveld, S. «Religion and Law in the Netherlands: Constitutional Foundations, Legislation, Religious Institutions and Religious Education» State and Religion in Europe. Legal System, Religious Education, Religious Affairs. Istanbul: Center for Islamic Studies, 2006. pp. 193-208.

¹⁶⁵ Torfs, R. «Religion in the European Union Countries. Belgium.» State and Religion in Europe. Legal System, Religious Education, Religious Affairs. Istanbul: Center for Islamic Studies, 2006. pp. 56-77.

¹⁶⁶ Van Bijsterveld S. «State and Church in the Netherlands». State and Church in the European Union. Ed. Robbers G. Baden-Baden: Nomos, 2005. pp. 367-390.

¹⁶⁷ Torfs, R. «State and Church in Belgium.» State and Church in the European Union. Ed. Robbers G. Baden-Baden: Nomos, 2005.

вероятный) он организует себя сам. Здесь альтернативы особой не существует. В последнем случае это классический «чёрный ящик», который, возможно, окажется полон целыми «косяками потенциальных «чёрных лебедей»». Вопрос исламского образования многоуровневый и сложный. И вот ещё по какой причине. Большинство приверженцев ислама (в отличие от убеждений некоторых из них) не делят мусульман на европейцев и африканцев, на «белых» и «чёрных», богатых и бедных и т.д. Вот что об этом говорится в «Прощальной проповеди» Пророка Мухаммеда: «Всё человечество – от Адама и Евы. Араб не имеет никакого превосходства над неарабом, и неараб не имеет никакого превосходства над арабом; белый не имеет никакого преимущества над чёрным, чёрный не имеет преимущества над белым; [никто не имеет превосходства над другим], кроме как в благочестии и хорошем нраве»¹⁶⁸. Образование считается частью благочестия мусульманина перед собою, обществом и Богом. И не учитывать значимость этого фактора североевропейским обществам – ошибочно.

Наличие в Западной и Северной Европе двух предельно взрывоопасных по отдельности факторов: радикализации общества (из-за недовольства жесткими антикризисными реформами, политикой бюджетной экономии и миграционными проблемами), с одной стороны, и укрепление позиций мусульманской уммы, с другой, порождает опасность тяжелого межрелигиозного конфликта, который в состоянии изменить религиозную, этническую, а может быть и административно-территориальную карту Европы. Его предвестники уже ощущаются в Европе, только пока не в Северной Швеции, а в Южной Франции. «Одно государство для двух народов: проект капитуляции и раздела Франции»¹⁶⁹ – именно так была озаглавлена статья на французском языке, взорвавшее информационное пространство внутри Франции. Суть проблемы во Франции всё более и более начинает напоминать шведскую историю. Каждый 5-й гражданин 5-й Республики – мусульманин, из них каждый третий голосует за Шариат во Франции. Если отбросить абсолютно лишние аллюзии авторов статьи об относительно счастливых исторических перспективах сожительства французов и мусульман в Алжире и переносе этого опыта уже на территории самой Франции, цифры эти очень серьёзные.

Уже на 1 января 2017 г. каждый 10-й житель Северной Европы является мусульманином. Только в одной Швеции проживает мусульманское население, сравнимое с населением пяти Исландий. Если та же тенденция

¹⁶⁸ Последняя проповедь пророка Мухаммада, произнесенная во время хаджа URL:<http://www.islamreligion.com/ru/articles/523/>(Дата обращения: 23.01.2018)

¹⁶⁹ PostSkriptum Одно государство для двух народов: проект капитуляции и раздела Франции URL: <http://postskriptum.org/2017/11/24/onestate/2/> (Дата обращения: 23.01.2018)

сохранится (без повторений событий 2015 г.), то к 2025–2027 гг. это будет каждый 5, а к 2035–2040 гг. – каждый 4 (см. таблицу).

Доля мусульман в странах Северной Европы с 1975 по 2050 г.
в % от общего населения

Страна	Количество мусульман в странах Северной Европы				
	1975	1995	2006	2016	2050
Королевство Дания	0,6	2,1	4,2	5/9,4–11,2	18–25
Республика Финляндия	0,001	0,2	1	3,5–4,7	7–9
Республика Исландия	-	-	0,01	0,33–0,67	1–1,5
Королевство Норвегия	0,001	1,3–1,5	3	5,7–7,3	13–15
Королевство Швеция	0,25	2,3	5	10,7–14,5	23–27

(Сост. автором на основании обработки материалов национальных статистических бюро)

Отдельной проблемой для принимающей стороны – североевропейских государств – является тот факт, что люди в стремлении спастись бегут и несут в себе, в своём мышлении конструкты, которые уже были в них заложены окружающей их реальностью, полученным ими опытом, религиозными установками и т.д. и т.п. Они в себе несут те самые противоречия, которые погубили их государства и с которыми они приходят в новое общество, будучи не готовыми от них отказаться. Печальный опыт Германии на примере турецкой и курдской общины показал, что консенсуса в вопросе соблюдения баланса и законности не добиться без привлечения третьей стороны/силы. Главный вопрос – кто станет этой силой в государствах Северной Европы, по сути имеющих очень смутные представления о том, с чем они на самом деле имеют дело (за исключением избранных исследователей¹⁷⁰). Противопоставить что-то разгульному криминалу кочующих банд по Северной Европе, «новых викингов» может

¹⁷⁰ Goran Larsson, Riem Spielhaus Europe with or without Muslims: Creating and Maintaining Cultural Boundaries Mats Andren, Thomas Lindkvist, Ingmar Sohrman och Katharina Vajta (eds), Cultural Borders of Europe: Narratives, Concepts and Practices in the Present and the Past., New York, Berghahn Books, Chapter in book 2017, p. 40-53.

только тотальная социализация всех элементов североевропейского общества и приобщение их к строительству нового государства, которое, на какую-то свою часть, но будет исламским. Однако, на этом моменте необходимо остановится, поскольку он завершает собой описательную часть достоверного научного исследования, возможного в заданных настоящей работой рамках, и одновременно с этим становится базой для будущего более масштабного и пространного труда международного характера, основанного на концептуальных и инновационных подходах междисциплинарных наук, но прежде всего – на тезисах гуманитарной географии¹⁷¹.

У Скандинавии (как и у всех ключевых государств Балтийского региона¹⁷²) после 2025–2030 гг. будет два пути развития вне зависимости от административно-территориальных границ, социокультурных отличий и прочих особенностей: Скандинавия с интегрированным внутри себя исламским миром или исламский мир, интегрирующий в себя Скандинавию. Этот вопрос обозначится к 2019–2022 гг., встанет в полный рост в 2025–2027 гг., и окончательное решение по нему придётся принимать уже к 2035 г.

K.Y. Eidemiller
Saint-Petersburg State University

Formation of a modern European identity in conditions of Islamic diffusion of the Nordic countries on the example of Sweden

Abstract. The Islamic diffusion of the countries of the Baltic Sea region has a multi-vector and multi-format approach. For each part of the region, it has its own individual cultural, cultural, historical, economic, etc. features. However, this process of transformation of the region and its diffusion was most strongly affected by the states of the region in the early 10th. XXI century and continues to the present. In many countries, the absolute majority of the population was not ready for the changes that the process of "Islamization" of certain areas, spheres and aspects of the life of society and the surrounding space involves. First of all, it concerns the appearance of people and those settlements where they live, as well as the economic and social space, spheres of life and the activities of society.

¹⁷¹ Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация // Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.

¹⁷² Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Эйдемиллер К.Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 3. С. 43–62.

The general economic, political and social situation in Northern Europe by 2025 is composed of a mosaic of contradictions and a perspective "into the unknown." This is due primarily to such topical problems of the present as the growth of uncontrolled migration, and as a response to this growth - the popularity of populist, rightist and extremist parties and trends in CE societies. The worsening of economic indicators due to the economic and financial crisis of a number of European economies, connected with the EU's sanctions policy towards the Russian Federation, as a result of which Finland, Norway and Sweden are forced to suffer losses, close enterprises and cut jobs, etc. It all forces us to describe completely new realities for the Nordic countries. A separate line is the debates and referendums about the prospective entry of Finland and Sweden into NATO, and what can follow, both as actions and the number of consequences - namely, the reaction of the Russian Federation to this is an event in the region. In general, all of the above tells us that the "golden age" of post-war Northern Europe is coming to an end.

Keywords: multiculturalism, immigration, Muslim community, countries of the Baltic region, adaptation of migrants, integration scenarios, Sweden, Northern Europe.

Научное издание

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ ЕС:
СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Сборник научных статей

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Подписано в печать 25.07.18. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 50 экз. Заказ 983.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ

Проект № 575471-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT
«Формирование современной европейской идентичности в рамках
интеграции ЕС: социальное и культурное измерения»